

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

2021

№ 3 (39)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Москва

2021

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2021.
№ 3 (39). 124 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Витковски Лех (Слупск, Польша), Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Дочкал Владимир (Братислава, Словакия), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Левченко Ирина Юрьевна (Москва),
Леньков Сергей Леонидович (Тверь), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия), Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь),
Ткачева Виктория Валентиновна (Москва), Толстикова Светлана Николаевна (Москва)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Беларусь),
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Бершедова Людмила Ивановна (Москва), Георгиева Росица (София, Болгария),
Жданова Светлана Юрьевна (Пермь), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Романова Евгения Сергеевна (Москва), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций. Регистрационный номер: ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России»: 80651

Зав. редакцией О. В. Котова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 (495) 612-67-16

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций.
Регистрационный номер: ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г. <http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Романова Е. С., Рыжов Б. Н., Котова О. В. Половозрастные особенности самооценки социоцентрических видов мотивации (с переводом на английский язык).....	5
Перевозкина Ю. М., Петровская Т. Ю. Особенности системы ранних дезадаптивных схем психологов в зависимости от пола.....	21
Данилова А. Г., Митина О. В. Системный анализ ценностных ориентаций русской культуры по данным исторических документов.....	32
Румянцева З. В. Система акмеологических ориентиров в психологии музыкального образования	52
Белашина Т. В. Системные особенности мотивации личности в контексте проявления доминирующего психического состояния	61
Котовская С. В. Системные особенности эмоционального выгорания у специалистов экстремального профиля.....	72

История психологии и психология истории

Иванов Д. В. Психологический образ героя в российской культуре: системный анализ	82
Коржова Е. Ю., Стебенёв А. С. Психологическая мысль России конца XIX – начала XX в.: студенческое психологическое общество Санкт-Петербургской духовной академии.....	93

Социологические исследования

Ткаченко А. В. Системный подход в социологических работах П. А. Сорокина и А. Тойнби	105
---	-----

Информация

Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2021, № 3 (39).....	116
Требования к оформлению статей.....	121

CONTENTS

Psychological Researches

Romanova E. S., Ryzhov B. N., Kotova O. V. Gender and age features of self-assessment of sociocentric types of motivation (with translation into English).....	5
Perevozkina Yu. M., Petrovskaya T. Yu. Features of the system of early maladaptive schemes of psychologists depending on gender.....	21
Danilova A. G., Mitina O. V. System analysis of value orientations of Russian culture according to the historical documents	32
Rumyantseva Z. V. The system of acmeological guidelines in the psychology of music education.....	52
Belashina T. V. Systemic features of personality motivation in the context of the manifestation of a dominant mental state	61
Kotovskaya S. V. Systemic features of emotional burnout in extreme specialists.....	72

History of Psychology and Psychology of History

Ivanov D. V. Psychological image of the hero in Russian culture: system analysis	82
Korzhova E. Yu., Stebenev A. S. Psychological thought of Russia of the late XIX – early XX centuries: student psychological society of the St. Petersburg Theological Academy	93

Sociological Researches

Tkachenko A.V. A system approach in sociological works of P. A. Sorokin and A. Toynbee	105
---	-----

Information

Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2021, № 3 (39)	116
Author Guidelines	123

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.1

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИХ ВИДОВ МОТИВАЦИИ

Е. С. Романова,

МГПУ, Москва,

RomanovaES@mgpu.ru,

Б. Н. Рыжов,

МГПУ, Москва,

RyzhovBN@mgpu.ru,

О. В. Котова,

МГПУ, Москва,

KotovaOV@mgpu.ru

Статья посвящена сравнительному анализу индексов четырех социоцентрических видов мотивации: самореализации, нравственности, репродукции и альтруизма, полученных по результатам теста системного профиля мотивации (СПМ) и самооценки этих видов мотивации в молодежной выборке. В настоящей работе для обозначения индексов мотивации, полученных с использованием методики оценки мотивационного профиля личности (СПМ) используется термин «Я-реальное». Для обозначения этих индексов, полученных с использованием методики самооценки мотивационного профиля личности, — термин «Я-идеальное». Цель работы состоит в исследовании половозрастных особенностей динамики Я-идеального социоцентрических мотиваций в эпоху юности и молодости.

Материалы, представленные в статье, являются продолжением системного исследования половозрастных особенностей мотивационно-ценностной сферы личности¹. Обследование проводилось в 2020–2021 гг. Общая численность обследуемых составила 252 человека обоих полов в возрасте от 17 до 36 лет.

В результате исследования выявлены существенные различия соотношения Я-реального и Я-идеального в мужской и женской выборках. В женской выборке на протяжении всего исследованного периода самооценка индексов мотивации самореализации и нравственности достоверно превышает соответствующие индексы Я-реального. В то же время самооценка индексов репродуктивной и альтруистической мотиваций как в юности, так и в молодости достоверно ниже этих индексов Я-реального.

В отличие от этого в мужской выборке самооценка большинства индексов социоцентрических видов мотивации не имеет существенных различий с индексами Я-реального. Исключение составляют показатели мотивации нравственности в юности (17–24 года) и поздней молодости (30–36 лет). В этих возрастных диапазонах индексы мотивации нравственности Я-идеального у мужчин достоверно превышают соответствующие индексы Я-реального.

В целом полученные данные свидетельствуют о более высоком социальном давлении, которому в юности и молодости подвергается самооценка мотивации у женщин в сравнении с мужчинами.

Ключевые слова: системная психология; самооценка; Я-идеальное; Я-реальное; социоцентрические виды мотивации; половозрастные особенности; самореализация; нравственность; репродукция; альтруизм.

Для цитаты: Романова Е. С., Рыжов Б. Н., Котова О. В. Половозрастные особенности самооценки социоцентрических видов мотивации // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.39.3.1

¹ Рыжов Б. Н., Котова О. В. Динамика половозрастных особенностей мотивации в эпоху юности и молодости // Системная психология и социология. 2021. № 2 (38). С. 23–40. DOI: 10.25688/22236872.2021.38.2.03

Романова Евгения Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-9032-6869

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru
ORCID: 0000-0001-8848-3622

Котова Ольга Викторовна, эксперт лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-4399-4274

Введение

Исследование Я-идеального, формирующегося под влиянием стереотипов, присущих определенной культуре и обществу, является актуальным вопросом, решение которого ведет к пониманию структуры мотивационно-ценностного ядра личности. Проблема формирования Я-идеального играла значительную роль в работах представителей классического² и постклассического психоанализа [7: с. 148; 11]. В настоящее время внимание исследователей чаще обращено на изучение характеристик Я-идеального [12; 13], а также определение отношения личности к собственному идеалу [8]. Ценностные ориентации личности, являющиеся индивидуальными мотивационными установками, рассматриваются в работах: К. Н. Бауэра [17], Ф. Хеллингера [19], С. С. Бубновой [3], О. В. Кузнецовой [21], С. О. Бадера [16] и др.

Однако, несмотря на интерес к проблеме Я-идеального, все еще не выработана единая концепция исследования данного вопроса, что объясняется отсутствием общепринятых методологических оснований и понятийного аппарата. Среди ожидающих своего решения задач остается проблема определения степени влияния индивидуально-

психологических различий, в том числе половозрастных особенностей, на формирование Я-идеального. В этой связи целесообразно продолжение этих исследований с позиций системной психологии, позволяющих рассмотреть проблему, опираясь на объективные основания современной системологии. Целью настоящей работы является исследование половозрастных особенностей динамики самооценки социоцентрических мотиваций в эпоху юности и молодости — Я-идеального.

Психологическая проблема Я-идеального и Я-реального

Понятие «Я-идеальное» в классическом психоанализе получает интерпретацию как компонент личностной структуры, выступающий в качестве основы для оценки собственных реальных достижений. Эта инстанция оказывает непосредственное влияние на поведение индивида, поскольку является точкой отсчета, позволяющей человеку сравнивать Я-реальное с идеалом, выступающим в роли ценностного ориентира. В то же время психология масс такова, что совокупность индивидов способна сделать своим идеалом один и тот же объект, чтобы затем идентифицировать себя с ним³.

² Ребеко Т. А. От психоанализа Фрейда к психоанализу по Фрейду // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 133–142.

³ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Психология масс и анализ человеческой самости. Харьков: Фолио, 2009. С. 70.

Соотношение между Я-идеальным и Я-реальным лежит в основе понимания ведущих мотивов, определяющих направление деятельности личности. При этом степень соответствия идеалу оказывает значительное влияние на психологическое состояние личности. Проблема несоответствия Я-реального Я-идеальному регулярно поднимается в психологической литературе. С позиций конструктивного психоанализа осознание невозможности достижения идеала рассматривается в качестве причины возникновения чувства самоотчуждения и в конечном итоге способствует развитию «невротической личности» [14: с. 107]. В теории самонесоответствия Т. Хиггинс указывает на отсутствие конгруэнтности между Я-реальным и идеальными ориентирами личности как на причину возникновения мотивационного импульса по преодолению имеющегося рассогласования [19]. При этом проведенные исследования указывают на присутствие гендерных различий самооценки [2: с. 73; 5].

Содержание Я-идеального зависит от индивидуальных особенностей личности [1: с. 126]. В ряде работ затрагивается вопрос влияния половых различий на формирование Я-идеального [18], а также влияния гендерных особенностей на ценностные ориентации личности [23]. Между тем принцип равенства полов, задающий тренд развития современного общества, приводит к унификации идеального образа личности [6; 22]. При этом не исключено возникновение конфликта между «желательными» для общества и подавляемыми тенденциями. В контексте настоящей работы под Я-идеальным подразумевается самооценка ведущих мотивационных диспозиций личности, в которой отражаются как реальные характеристики этих диспозиций — Я-реальное, — так и влияние на самооценку социальных установок и моральных норм.

Методика исследования

Исследование проводилось в 2020–2021 гг. В нем приняли участие студенты и слушатели курсов повышения квалификации ряда московских вузов (Московский городской

педагогический университет, Российский государственный социальный университет, Московский институт психоанализа). В исследовании использовались тест системного профиля мотивации (СПМ) для определения Я-реального [9: с. 350] и методика самооценки мотивации для определения Я-идеального [10].

В настоящей работе используется системно-психологическая периодизация развития, согласно которой возраст от 17 до 18 лет относится к периоду ранней юности; от 19 до 24 лет — поздней юности; от 25 до 30 лет — ранней молодости; от 31 до 36 лет — поздней молодости.

Общая численность обследуемых составила 252 человека, в том числе 106 мужчин и 146 женщин. Возраст обследуемых варьируется от 17 до 36 лет.

Результаты самооценки социоцентрических видов мотивации

На рисунке 1 представлена динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального мотивации самореализации для мужчин и женщин. Красной линией обозначена возрастная динамика индекса мотивации самореализации, полученная по результатам теста СПМ, — Я-реальное. Динамика уровня значимости самореализации, полученная в ходе самооценки мотивации, обозначена синей линией — Я-идеальное.

Сопоставление тенденций в динамике индекса мотивации самореализации свидетельствует о том, что самооценка индексов данного вида мотивации как у мужчин, так и у женщин превышает соответствующие индексы Я-реального (см. рис. 1). Таким образом, в процессе самооценки происходит завышение ценности самореализации по сравнению с реальным положением данного вида мотивации в мотивационной иерархии. При этом отмечаются различные тенденции в динамике индексов Я-идеального и Я-реального у мужчин и женщин.

У женщин показатели Я-идеального изменяются волнообразно: едва наметившийся рост самооценки индекса мотивации самореализации

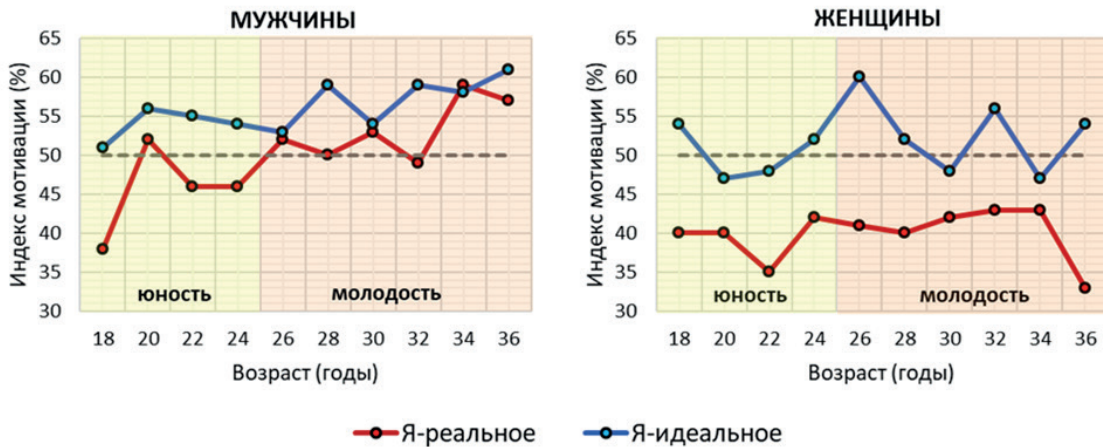

Рис. 1. Мотивация самореализации. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального

сменяется спадом. Индексы Я-реального мотивации самореализации у женщин относятся к депрессивным видам мотивации, их усредненный индекс расположен ниже среднестатистических значений. Для женской выборки характерно наличие существенного расхождения между Я-реальным самореализации и самооценкой этого вида мотивации. На всем протяжении эпохи юности и молодости показатели самооценки индекса мотивации самореализации достоверно превышают соответствующие показатели Я-реального³.

На рисунке 1 видно, что для мужской выборки характерно постепенное нарастание тренда индекса самореализации как для Я-идеального, так и для Я-реального. Наступление эпохи молодости ознаменовано подъемом значимости самооценки данного вида мотивации. Пиковых значений индексы Я-идеального и Я-реального достигают в период поздней молодости. В отличие от женской выборки статистически значимые различия между Я-идеальным и Я-реальным в мужской выборке выявлены только в период поздней юности, когда показатели самооценки индекса данного вида мотивации достоверно превышают соответствующие показатели

Я-реального. Основываясь на приведенных данных, можно сделать вывод, что для мужчин характерно большее соответствие самооценки мотивации самореализации Я-реальному по сравнению с женской выборкой. Кроме того, мужскую выборку отличает стабильно положительная динамика Я-идеального и рост индексов Я-реального самореализации. Для женской выборки характерно отсутствие стабильно положительной динамики Я-идеального и сохранение депрессивной тенденции индексов Я-реального мотивации самореализации в конце поздней молодости.

На рисунке 2 представлена динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального мотивации нравственности. В целом самооценка индексов данного вида мотивации у обоих полов превышает соответствующие индексы Я-реального. Однако показатели самооценки мотивации нравственности практически не входят в область доминирующих значений. При этом отмечаются различные тенденции в динамике Я-идеального и Я-реального у мужчин и женщин.

Как видно на рисунке 2, для женской выборки характерна разнонаправленная динамика Я-идеального и Я-реального. Так, в период поздней юности рост самооценки индекса нравственной мотивации сочетается с падением индекса Я-реального и поддержанием последнего на стабильно низком уровне на всем протяжении эпохи молодости. При этом значения Я-идеального совпадают со значениями Я-реального в период ранней

⁴ Достоверность различий индексов Я-идеального и Я-реального социоцентрических мотиваций для мужчин и женщин в ранневозрастной и поздневозрастной период юности и молодости рассчитывается с помощью *T*-критерия Вилкоксона для зависимых выборок ($p \leq 0,01$).

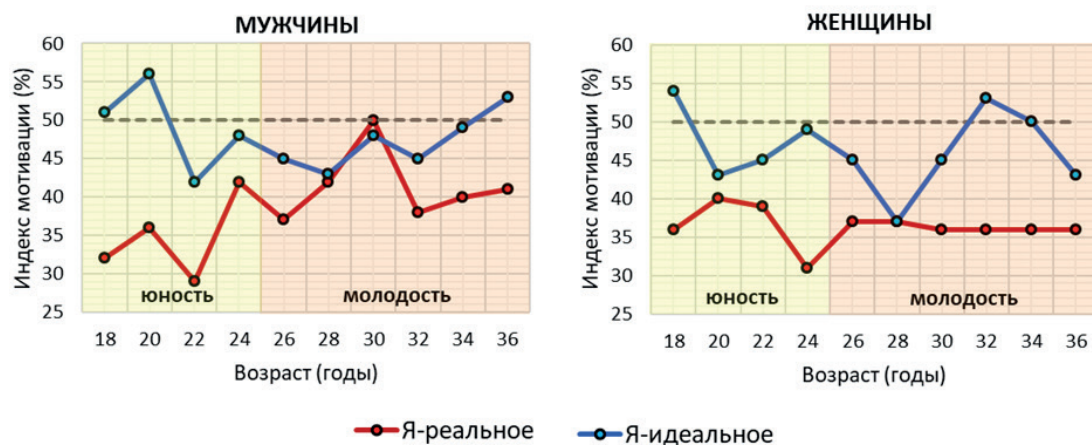

Рис. 2. Мотивация нравственности. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального

молодости. Самооценка индекса мотивации нравственности достоверно превышает показатели индекса Я-реального в женской выборке на всем протяжении эпохи юности, а также в период поздней молодости.

Отличительной особенностью мужской выборки является совпадение направления динамики индексов Я-идеального и Я-реального. Для мужчин характерна тенденция снижения тренда Я-идеального в период ранней молодости с последующим ростом в период поздней молодости при нарастании тренда Я-реального. Таким образом, в середине эпохи молодости наблюдается положительный тренд индекса нравственной мотивации как для Я-идеального, так и для Я-реального. При этом в мужской выборке самооценка индекса мотивации нравственности достоверно превышает

индексы Я-реального на всем протяжении эпохи юности, а также в период поздней молодости.

Таким образом, исходя из представленных данных, можно заключить, что в период ранней молодости и у мужчин, и у женщин Я-идеальное больше соответствует Я-реальному, чем в других возрастных периодах. Однако если для мужской выборки в указанный период характерно нарастание тренда Я-идеального и Я-реального, то женскую выборку отличает неизменно низкий уровень Я-реального при волнообразном характере динамики Я-идеального.

На рисунке 3 представлена динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального индексов репродуктивной мотивации. В целом самооценка индекса

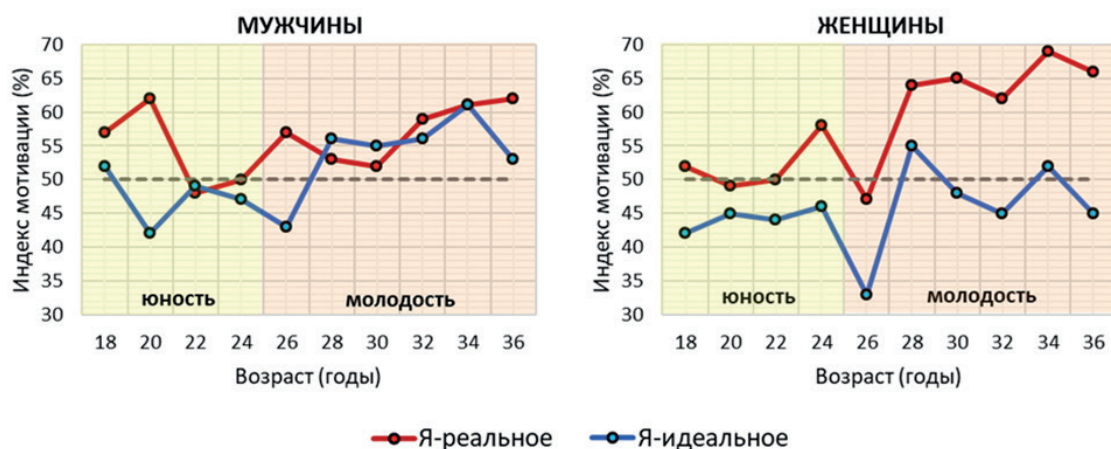

Рис. 3. Репродуктивная мотивация. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального

репродуктивной мотивации как у мужчин, так и у женщин ниже соответствующих индексов Я-реального. В эпоху молодости данный вид мотивации у обоих полов входит в число доминирующих видов мотивации.

При этом у мужчин и женщин отмечаются различные тенденции в динамике индексов Я-идеального и Я-реального. В женской выборке самооценка индексов репродуктивной мотивации существенно ниже индексов Я-реального. Если у мужчин самооценка репродуктивной мотивации в целом совпадает с Я-реальным, то у женщин показатели Я-реального достоверно превышают показатели самооценки на всем рассматриваемом возрастном диапазоне. При этом Я-идеальное практически не входит в область доминирующих значений. В мужской выборке самооценка индексов репродуктивной мотивации достоверно ниже соответствующих индексов Я-реального только в период ранней молодости.

На рисунке 4 изображены графики динамики средних показателей Я-идеального и Я-реального индексов альтруистической мотивации для мужчин и женщин.

В женской выборке самооценка индексов альтруистической мотивации существенно ниже индексов Я-реального. В то время как самооценка индексов этого вида мотивации приближается к среднестатистическому уровню, индексы Я-реального находятся в зоне доминирующих значений, существенно превышая этот уровень. У мужчин такая

тенденция практически отсутствует. Для них расхождение показателей Я-идеального и Я-реального наблюдается лишь в период поздней юности, при этом различия не превышают 5 % и повторяют тренд средних значений.

В женской выборке самооценка индексов данного вида мотивации достоверно ниже показателей Я-реального на всем исследуемом возрастном диапазоне. В отличие от этого у мужчин индексы альтруистической мотивации Я-идеального достоверно ниже соответствующих индексов Я-реального только в период поздней юности. С наступлением эпохи молодости индексы Я-идеального сравниваются с индексами Я-реального, оставаясь на уровне среднестатистических значений.

Итак, полученные данные говорят о том, что присутствующее в современном обществе стремление устранить любые проявления социального неравенства полов нередко де-факто оборачивается принижением естественной биологической роли женщины и предложением для обоих полов мужской модели самореализации. В итоге унификация модели социального образа зачастую приводит к отказу от продолжения рода. Женщине предлагается модель поведения, согласно которой она должна отказаться от деторождения ради карьерного роста и самореализации [4: с. 62]. Таким образом, декларируемые установки современного общества оказывают большее давление на самооценку женщин, чем мужчин.

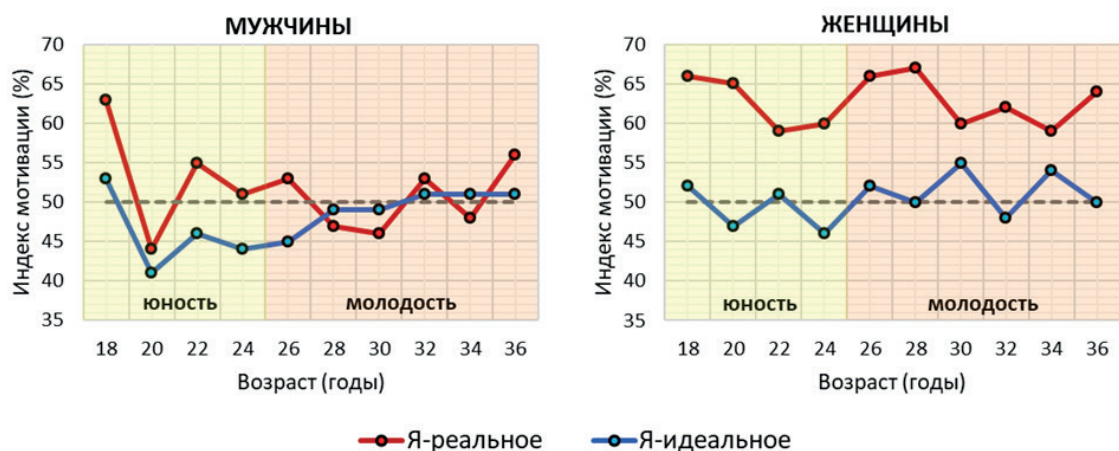

Рис. 4. Альтруистическая мотивация. Динамика средних показателей индекса Я-идеального и Я-реального

Заключение

В результате исследования выявлены существенные различия соотношения Я-реального и Я-идеального в мужской и женской выборках. В женской выборке на протяжении всего исследованного периода самооценка индексов мотивации самореализации и нравственности достоверно превышает соответствующие индексы Я-реального. В то же время самооценка индексов репродуктивной и альтруистической мотиваций как в юности, так и в молодости достоверно ниже этих индексов Я-реального.

В отличие от этого в мужской выборке самооценка большинства индексов социо-

центрических видов мотивации не имеет существенных различий с индексами Я-реального. Исключение составляют показатели мотивации нравственности в юности (17–24 года) и поздней молодости (30–36 лет). В этих возрастных диапазонах индексы мотивации нравственности Я-идеального у мужчин достоверно превышают соответствующие индексы Я-реального.

В целом полученные данные свидетельствуют о более высоком социальном давлении, которому в юности и молодости подвергается самооценка мотивации у женщин в сравнении с мужчинами.

Литература

1. **Абульханова К. А.** Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. 224 с.
2. **Бороздина Л. В., Молчанова О. Н.** Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых: монография. М.: Проект-Ф, 2001. 203 с.
3. **Бубнова С. С.** Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 20 (5). С. 38–44.
4. **Геворкян Е. Н., Романова Е. С., Вачкова С. Н.** Психологическое сопровождение семейного образования. М.: Неолит, 2020. 288 с.
5. **Зинько Е. В.** Особенности устойчивой и неустойчивой самооценки // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 3. С. 35–49.
6. **Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрыбина Е. В.** Социально-психологические особенности альтруистической мотивации современной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 40–44.
7. **Лейбин В.** Постклассический психоанализ: энциклопедия. Т. 1. М.: Книга по Требованию, 2019. 472 с.
8. **Разуваева Т. Н., Шевченко Е. А.** Исследование отношения к идеалам // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). С. 189–193.
9. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
10. **Рыжов Б. Н.** Я-реальное, Я-идеальное и Я-скрытое // Системная психология и социология. 2020. № 2 (34). С. 5–20. DOI: 10.25688/2223 6872.2020.34.2.01
11. **Филатов Ф. Р.** Три этапа становления теоретического психоанализа // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 2 (53). С. 31–43.
12. **Филатова Е. А.** Особенности идеального я личности при перфекционизме // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-2. С. 206–208.
13. **Филатова Е. А., Пчелкина Е. П.** Исследование характеристик идеального Я при перфекционизме // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. № 28 (240). С. 180–184.
14. **Хорни К.** Невротическая личность нашего времени. СПб.: Питер, 2014. 307 с.
15. **Apostolou M., Hadjimarkou M.** Domains of motivation in men and women for initiating and terminating procreation in an evolutionary perspective // Marriage & Family Review. 2018. № 54 (5). P. 486–506. DOI: 10.1080/01494929.2017.1414723
16. **Bader S. O.** Classification of value and value-sense orientations of personality // Innovate Pedagogy. 2019. Vol. 14 (1). P. 18–22. DOI: 10.32843/2663-6085-2019-14-1-3
17. **Bauer K. N., Orvis K. A., Ely K., Surface E. A.** Re-examination of motivation in learning contexts: meta-analytically investigating the role type of motivation plays in the prediction of key training outcomes // Journal of Business and Psychology. 2016. Vol. 31. Iss. 1. P. 33–50. DOI: 10.1007/s10869-015-9401-1

18. **Beauregard A. T.** Perfectionism, self-efficacy and OCB: the moderating role of gender // *Personnel Review*. 2012. Vol. 41. Issue 5. P. 590–608. DOI: 10.1108/00483481211249120
19. **Higgins E. T., Roney C. J. R., Crowe E., Hymes C.** Ideal versus ought predilections for approach and avoidance: Distinct self-regulatory systems // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 66. P. 276–286.
20. **Höllinger F.** Value orientations and social attitudes in the holistic milieu // *The British Journal of Sociology*. 2017. Vol. 68 (2). P. 293–313. DOI: 10.1111/1468-4446.12255
21. **Kuznietsova O. V.** Value orientations of innovative personality // *Habitus*. 2020. Iss. 19. P. 133–139. DOI: 10.32843/2663-5208.2020.19.23
22. **Miele D. B., Scholer A. A.** The role of metamotivational monitoring in motivation regulation // *Educational Psychologist*. 2018. № 53 (1). P. 1–21. DOI: 10.1080/00461520.2017.1371601
23. **Tziner A., Shkoler O., Fein E. C.** Examining the effects of cultural value orientations, emotional intelligence, and motivational orientations: How do LMX mediation and gender-based moderation make a difference? // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.502903; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.502903/full> (дата обращения: 23.09.2021).

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.1

**GENDER AND AGE FEATURES OF SELF-ASSESSMENT
OF SOCIOCENTRIC TYPES OF MOTIVATION¹**

E. S. Romanova,

MCU, Moscow,

RomanovaES@mgpu.ru

B. N. Ryzhov,

MCU, Moscow,

RyzhovBN@mgpu.ru

O. V. Kotova,

MCU, Moscow,

KotovaOV@mgpu.ru

The article is devoted to the comparative analysis of the indices of four sociocentric types of motivation: self-realization, morality, reproduction and altruism, obtained by the results of the motivation system profile test (SPM) and self-assessment of these types of motivation in the youth sample. In this paper, the term “I-real” is used to denote the motivation indices obtained using the methodology for assessing the motivational profile of a person (SPM). To denote these indices obtained using the methodology of self-assessment of the motivational profile of the individual, the term “I-ideal” is used. The purpose of the work is to study the gender and age characteristics of the dynamics of the I-ideal sociocentric motivations in the era of adolescence and youth.

The materials presented in the article are the continuation of the systemic study of the gender and age characteristics of the motivational and value sphere of personality². The survey was conducted in the period 2020–2021. The total number of subjects was 252 people of both sexes aged 17 to 36 years.

As a result of the study, significant differences in the ratio of the I-real and the I-ideal in male and female samples were revealed. In the female sample, throughout the studied period, the self-esteem of the indices of motivation for self-realization and morality significantly exceeds the corresponding indices of the I-real. At the same time, the self-esteem of the indices of reproductive and altruistic motivation both in adolescence and youth is significantly lower than these indices of the I-real.

In contrast, in the male sample, the self-esteem of most indices of sociocentric types of motivation has no significant differences with the indices of the I-real. The exception is the indicators of moral motivation in adolescence (17–24 years) and late youth (30–36 years). In these age ranges, the indices of the motivation of the I-ideal morality in men significantly exceed the corresponding indices of the I-real.

In general, the data obtained indicate a higher social pressure to which women’s self-assessment of motivation in comparison with men’s is subjected in adolescence and youth.

Keywords: system psychology; self-esteem; I-ideal; I-real; sociocentric types of motivation; gender and age characteristics; self-realization; morality; reproduction; altruism.

For citation: Romanova E. S., Ryzhov B. N., Kotova O. V. Gender and age features of self-assessment of sociocentric types of motivation // Systems psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.39.3.1

¹ Перевод статьи на английский язык выполнен А. А. Волковой, кандидатом педагогических наук, профессором кафедры иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета. The article was translated into English by *A. A. Volkova*, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University.

² *Ryzhov B. N., Kotova O. V.* Dynamics of sex and age characteristics of motivation in the epoch of adolescence and youth // Systems psychology and sociology. 2021. № 2 (38). P. 23–40. DOI: 10.25688/22236872.2021.38.2.03

Romanova Evgeniya Sergeevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of general and practical psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-9032-6869

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-8848-3622

Kotova Olga Viktorovna, Expert in the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-4399-4274

Introduction

The study of the I-ideal, which is formed under the influence of stereotypes inherent in a certain culture and society, is an urgent issue, the solution of which leads to understanding of the structure of the motivational and value core of the personality. The problem of the formation of the I-ideal played a significant role in the works of representatives of classical³ and postclassical psychoanalysis [7: p. 148; 11]. Currently, the attention of researchers is more often focused on studying the characteristics of the I-ideal [12; 13], as well as determining the attitude of a person to his own ideal [8]. Value orientations of personality, which are individual motivational attitudes, are considered in the works of: K. N. Bauer [17], F. Hellinger [19], S. S. Bubnova [3], O. V. Kuznetsova [21], S. O. Bader [16], etc.

However, despite the interest in the problem of the I-ideal, a unified concept for the study of this issue has not yet been developed, which is explained by the lack of generally accepted methodological foundations and conceptual apparatus. Among the tasks awaiting solution, there remains the problem of determining the degree of influence of individual psychological differences, including gender and age characteristics, on the formation of the I-ideal. In this regard, it is advisable to continue these studies from the standpoint of systems psychology,

allowing us to consider the problem based on the objective foundations of modern systemology. The purpose of this work is to study the gender and age characteristics of the dynamics of self-esteem of sociocentric motivations in the era of adolescence and youth — I-ideal.

The psychological problem of the I-ideal and the I-real

The concept of the I-ideal in classical psychoanalysis is interpreted as a component of the personal structure, acting as a basis for evaluating one's own real achievements. This instance has a direct impact on the behavior of an individual because it is a reference point that allows a person to compare the I-real with the ideal, acting as a value guideline. At the same time, the psychology of the masses is such that a set of individuals is able to make the same object their ideal in order to identify then themselves with it⁴.

The relationship between the I-ideal and the I-real is the basis for understanding the leading motives determining the direction of a person's activity. Meanwhile, the degree of conformity to the ideal has a significant impact on the psychological state of the individual. The problem of the incongruence of the I-real to the I-ideal is regularly raised in the psychological literature. From the standpoint of constructive

³ *Rebeka T. A.* From Freud's psychoanalysis to Freudian psychoanalysis // Psychological Journal. 1994. Vol. 15. № 6. P. 133–142.

⁴ *Freud Z.* Beyond the pleasure principle. The psychology of the masses and the analysis of the human self. Kharkiv: Folio, 2009. P. 70.

psychoanalysis, awareness of the impossibility of achieving the ideal is considered to be the cause of the feeling of self-alienation and ultimately contributes to the development of a “neurotic personality” [14: p. 107]. In the theory of self-correspondence, T. Higgins points to the lack of congruence of the I-real to the ideal orientations of the individual as the cause of the motivational impulse to overcome the existing mismatch [19]. At the same time, the conducted studies indicate the presence of gender differences in self-esteem [2: p. 73; 5].

The content of the I-ideal depends on the individual characteristics of the individual [1: p. 126]. A number of works address the issue of the influence of gender differences on the formation of the I-ideal [18], as well as the influence of gender characteristics on the value orientations of the individual [23]. Meanwhile, the principle of gender equality, which sets the trend for the development of modern society, leads to the unification of the ideal image of the individual [6; 22]. At the same time, the emergence of a conflict between “desirable” for society and suppressed tendencies is not excluded. In the context of this work, the I-ideal refers to the self-assessment of the leading motivational dispositions of the individual, which reflects both the real characteristics of these dispositions — the I-real, and the influence of social attitudes and moral norms on self-esteem.

Research methodology

The study was conducted in the period 2020–2021. Students and trainees of advanced training courses of a number of Moscow universities (Moscow City Pedagogical University, Russian State Social University, Moscow Institute of Psychoanalysis) participated in the study. The study used: the motivation System Profile test (SPM) for determining I-real [9: p. 350] and the motivation self-assessment method for determining the I-ideal [10]. In this work, a systematic psychological periodization of development, according to which the age from 17 to 18 years refers to the period of early adolescence; the age from 19 to 24 years — to the period of late adolescence; the age from 25 to 30 years —

to the period of early youth; the age from 31 to 36 years — to the period of late youth is used. The total number of subjects is 252 people, including 106 men and 146 women. The age of the subjects varies from 17 to 36 years.

Results of self-assessment of sociocentric types of motivation

Fig. 1 shows the dynamics of the average indicators of the I-ideal and the I-real self-realization motivation index for men and women. The red line indicates the age dynamics of the self-realization motivation index, obtained by the results of the SPM — the I-real test. The dynamics of the significance level of self-realization, obtained during the self-assessment of motivation, is indicated by a blue line — the I-ideal.

The comparison of trends in the dynamics of the self-actualization motivation index indicates that the self-esteem of the indices of this type of motivation in both men and women exceeds the corresponding indices of I-real (Fig. 1.). Thus, in the process of self-assessment, the value of self-realization is overestimated in comparison with the real position of this type of motivation in the motivational hierarchy. At the same time, there are different trends in the dynamics of the I-ideal and the I-real indices in men and women.

In women, the indicators of the I-ideal change in waves: the barely outlined increase in self-esteem of the self-realization motivation index is replaced by a decline. The indices of I-real motivation of self-realization in women belong to depressive types of motivation, their average index is located below the average values. The female sample is characterized by the presence of a significant discrepancy between the I-real self-realization and self-esteem of this type of motivation. Throughout the epoch of adolescence and youth, the self-esteem index of self-realization motivation significantly exceeds the corresponding indicators of the I-real⁵.

⁵ The reliability of the differences in the indices of I-ideal and I-real sociocentric motivations for men and women in the early and late age period of adolescence and youth is calculated using the Wilcoxon T-test for dependent samples ($p \leq 0.01$).

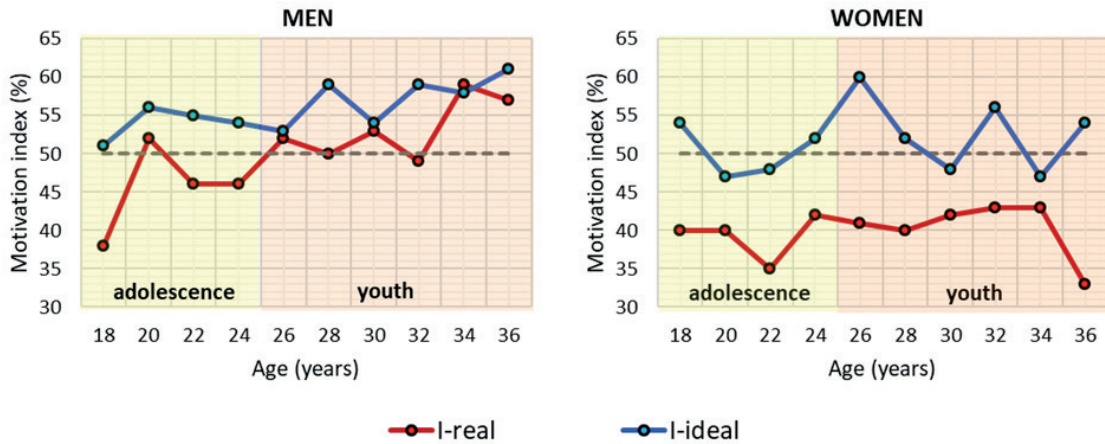

Fig. 1. Motivation of self-realization. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real index

Fig. 1. shows that the male sample is characterized by a gradual increase in the trend of the self-realization index for both the I-ideal and I-real. The onset of the era of youth is marked by an increase in the importance of self-esteem of this type of motivation. The I-ideal and I-real indices reach peak values in the period of late youth. In contrast to the female sample, statistically significant differences between the I-ideal and I-real in the male sample were revealed only in late adolescence, when the self-esteem indicators of the index of this type of motivation significantly exceed the corresponding indicators of the I-real. Based on the above data, it can be concluded that men are characterized by a greater correspondence of self-esteem to the motivation of self-realization to the I-real compared to the female sample. Besides, the male sample

is distinguished by the consistently positive dynamics of the I-ideal and the growth of the I-real self-realization indices. The female sample is characterized by the absence of a consistently positive dynamics of the I-ideal and the preservation of the depressive trend of the I-real motivation indices of self-realization at the end of late youth.

Fig. 2 shows the dynamics of the average indices of the I-ideal and I-real motivation of morality. In general, the self-esteem of the indices of this type of motivation in both sexes exceeds the advising indices of the I-real. However, self-assessment indicators of moral motivation are practically not included in the area of dominant values. Meanwhile, there are different trends in the dynamics of the I-ideal and the I-real in men and women.

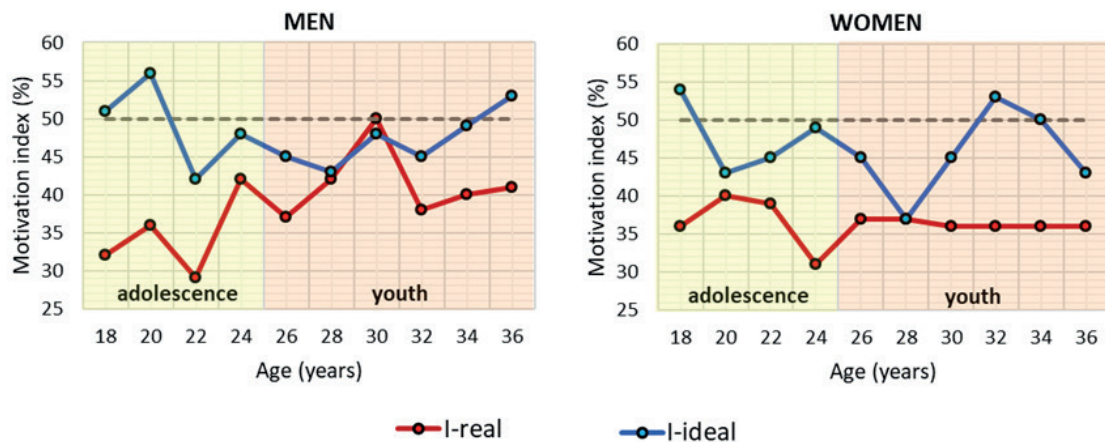

Fig. 2. Motivation of morality. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real index

As can be seen from Fig. 2. the female sample is characterized by the multidirectional dynamics of the I-ideal and I-real. Thus, in the period of late adolescence, the growth of the self-esteem index of moral motivation is combined with a drop in the index of the I-real and the maintenance of the latter at a consistently low level throughout the epoch of youth. At the same time, the values of the I-ideal coincide with the values of the I-real in the period of early youth. The self-assessment of the moral motivation index significantly exceeds the indicators of the I-real index in the female sample throughout the epoch of adolescence, as well as in the period of late youth.

A distinctive feature of the male sample is the coincidence of the direction of the dynamics of the I-ideal and I-real indices. Men are characterized by a tendency to decrease the trend of the I-ideal in the period of early youth, followed by an increase in the period of late youth with an increase in the trend of the I-real. Thus, in the middle of the epoch of youth, there is a positive trend in the index of moral motivation for both the I-ideal and the I-real. At the same time, in the male sample, the self-esteem of the moral motivation index significantly exceeds the indices of the I-real throughout the epoch of adolescence, as well as in the period of late youth.

Thus, based on the presented data, it can be concluded that in the period of early youth, both in men and women, the I-ideal corresponds more to the I-real than in other age periods. However,

if the male sample during this period is characterized by an increase in the trend of the I-ideal and I-real, then the female sample is distinguished by a consistently low level of the I-real with the undulating nature of the dynamics of the I-ideal.

Figure 3 shows the dynamics of the average indices of the I-ideal and I-real indices of reproductive motivation. In general, the self-assessment of the index of reproductive motivation in both men and women is lower than the corresponding I-real indices. In the era of youth, this type of motivation in both sexes is among the dominant types of motivation.

At the same time, men and women have different trends in the dynamics of the I-ideal and I-real indices. In the female sample, the self-esteem of the indices of reproductive motivation is significantly lower than the indices of the I-real. If men's self-esteem of reproductive motivation generally coincides with the I-real, then women's indicators of the I-real significantly exceed the self-esteem indicators for the entire age range under consideration. At the same time, the I-ideal is practically not included in the area of dominant values. In the male sample, the self-esteem of the indices of reproductive motivation is significantly lower than the corresponding indices of the I-real only in early youth.

Figure 4 shows graphs of the dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real indices of altruistic motivation for men and women.

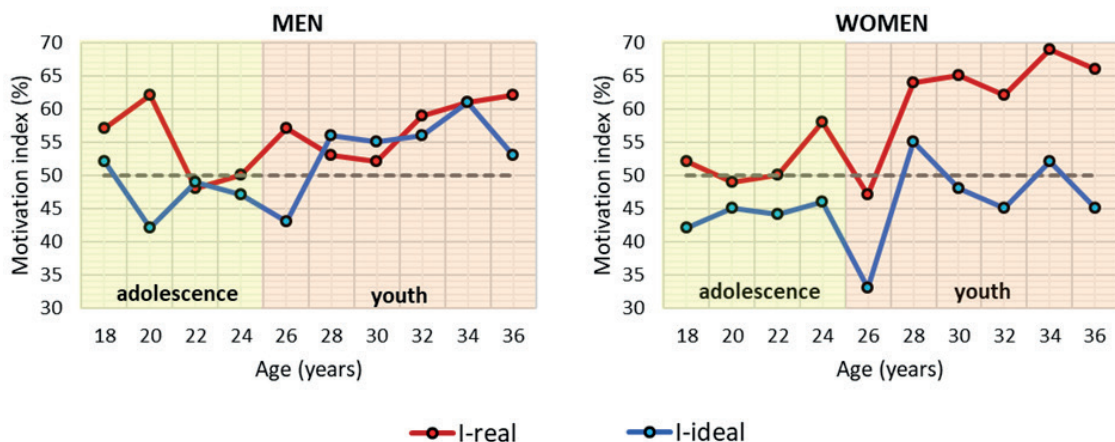

Fig. 3. Reproductive motivation. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real index

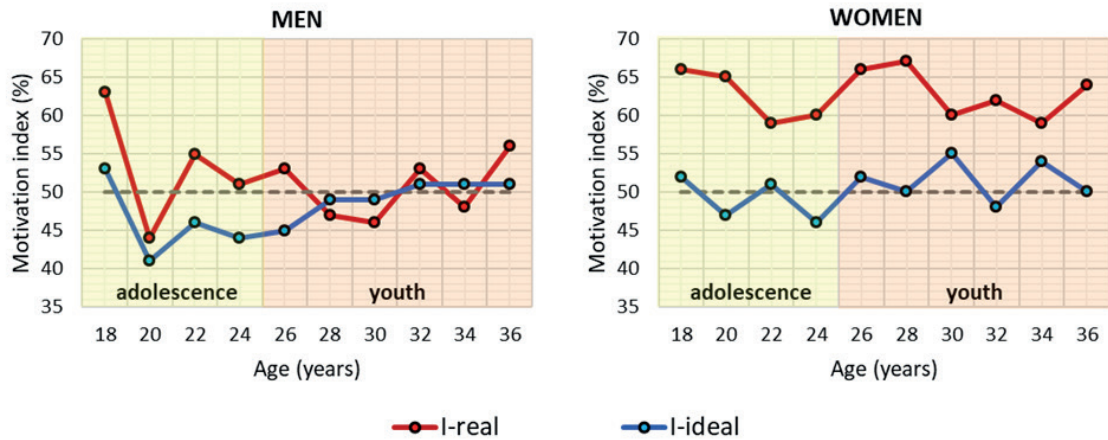

Fig. 4. Altruistic motivation. Dynamics of the average indicators of the I-ideal and I-real indices

In the female sample, the self-esteem of the indices of altruistic motivation is significantly lower than the indices of the I-real. While the self-esteem indices of this type of motivation are approaching the average level, the indices of the I-real are in the zone of dominant values, significantly exceeding this level. There is practically not such a trend in men. For them, the discrepancy between the indicators of the I-ideal and I-real is observed only in late adolescence, while the differences do not exceed 5 % and repeat the average values trend.

In the female sample, the self-esteem of the indices of this type of motivation is significantly lower than the indicators of the I-real throughout the studied age range. In contrast, in men, the indices of altruistic motivation of the I-ideal are significantly lower than the corresponding indices of the I-real only in late adolescence. With the onset of the epoch of youth, the indices of the I-ideal are equalize with the indices of the I-real, remaining at the level of average values.

So, the data obtained say that the desire to eliminate any manifestations of social inequality of the sexes, present in modern society, often de facto turn into the belittling of the natural biological role of women and a proposal of a male model of self-realization for both sexes. As a result, the unification of the social image model often leads to the rejection of procreation [15]. A woman is offered a model of behavior according to which she should give up childbearing for the sake of career growth and self-realization

[4: p. 62]. Thus, the declared attitudes of modern society exert more pressure on the self-esteem of women than men.

Conclusion

As a result of the study, significant differences in the ratio of the I-real and I-ideal in male and female samples were revealed. In the female sample, throughout the studied period, the self-esteem of the indices of motivation for self-realization and morality significantly exceeds the corresponding indices of the I-real. At the same time, the self-esteem of the indices of reproductive and altruistic motivation both in adolescence and in youth is significantly lower than these indices of the I-real.

In contrast, in the male sample, the self-esteem of most indices of sociocentric types of motivation has no significant differences with the indices of the I-real. The exception is the indicators of moral motivation in adolescence (17–24 years) and late youth (30–36 years). In these age ranges, the indices of the motivation of the morality of the I-ideal in men significantly exceed the corresponding indices of the I-real.

In general, the data obtained indicate a higher social pressure to which women's self-assessment of motivation in comparison with men's is subjected in adolescence and youth.

References

1. **Abul'xanova K. A.** Psixologiya i soznanie lichnosti (Problemy` metodologii, teorii i issledovaniya real'noj lichnosti): Izbranny'e psixologicheskie trudy` [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theories and research of the real personality): Selected psychological works]. M.: Moskovskij psixologo-social'ny`j institut; Voronezh: MODE`K, 1999. 224 p.
2. **Borozdina L. V., Molchanova O. N.** Samoocenka v razny`x vozrastny`x gruppax: ot podrostkov do prestarely`x: Monografiya [Self- assessment in different age groups: from adolescents to the elderly: Monograph]. M.: Proekt-F., 2001. 203 p.
3. **Bubnova S.S.** Cennostny`e orientacii lichnosti kak mnogomernaya nelinejnaya Sistema [Value orientations of personality as a multidimensional nonlinear system] // Psixologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 1999. № 20 (5). P. 38–44.
4. **Gevorkyan E. N., Romanova E. S., Vachkova S. N.** Psixologicheskoe soprovozhdenie semejnogo obrazovaniya [Psychological support for family education]. M.: Neolit, 2020. 288 p.
5. **Zin'ko E. V.** Osobennosti ustojchivoj i neustojchivoj samoocenki [Features of stable and unstable self-esteem] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology]. 2005. № 3. P. 35–49.
6. **Kuleshova I. N., Minnikov V. K., Skryabina E. V.** Social'no-psixologicheskie osobennosti al'truisticheskoy motivacii sovremennoj intelligencii [Socio-psychological features of the altruistic motivation of the modern intelligentsia] // Intelligenciya i mir [Intelligentsia and peace]. № 2. 2020. P. 40–44.
7. **Lejbin V.** Postklassicheskij psixoanaliz. E`nciklopediya: Tom 1 [Postclassical psychoanalysis. Encyclopedia: Volume 1]. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2019. 472 p.
8. **Razuvaeva T. N., Shevchenko E. A.** Issledovanie otnosheniya k idealam [Study of Attitudes to Ideals] // Nauchny`e vedomosti bnlgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki [Scientific Statements of Bnlgorod State University. Series: Humanities]. 2015. № 24 (221). P. 189–193.
9. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
10. **Ry`zhov B. N.** Ya-real`noe, Ya-ideal`noe i Ya-skry`toe [Real-self, ideal-self and hidden-self] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2020. № 2 (34). P. 5–20. DOI: 10.25688/2223 6872.2020.34.2.01
11. **Filatov F. R.** Tri e`tapa stanovleniya teoreticheskogo psixoanaliza [Three stages of the formation of theoretical psychoanalysis] // Moskovskij psixoterapevticheskij zhurnal [Moscow psychotherapeutic journal]. 2007. № 2 (53). P. 31–43.
12. **Filatova E. A.** Osobennosti ideal'nogo ya lichnosti pri perfekcionizme [The features of the ideal self of personality in perfectionism] // Gumanitarny`e, social'no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2015. № 11-2. P. 206–208.
13. **Filatova E. A., Pchelkina E. P.** Issledovanie xarakteristik ideal'nogo ya pri perfekcionizme [A study of the characteristics of the ideal self in perfectionism] // Voprosy` zhurnalistiki, pedagogiki, yazy`koznaniya [Questions of journalism, pedagogy, linguistics]. 2016. № 28 (240). P. 180–184.
14. **Xorni K.** Nevroticheskaya lichnost` nashego vremeni [Neurotic personality of our time]. SPb.: Piter, 2014. 307 p.
15. **Apostolou M., Hadjimarkou M.** Domains of Motivation in Men and Women for Initiating and Terminating Procreation in an Evolutionary Perspective // Marriage & Family Review. 2018. № 54 (5). P. 486–506. DOI: 10.1080/01494929.2017.1414723
16. **Bader S. O.** Classification of value and value-sense orientations of personality // Innovate Pedagogy. 2019. 14(1). P. 18–22. DOI: 10.32843/2663-6085-2019-14-1-3
17. **Bauer K. N., Orvis K. A., Ely K., Surface E. A.** Re-examination of motivation in learning contexts: meta-analytically investigating the role type of motivation plays in the prediction of key training outcomes // Journal of Business and Psychology. 2016. Vol. 31. Issue 1. P. 33–50. DOI: 10.1007/s10869-015-9401-1
18. **Beauregard A. T.** Perfectionism, self-efficacy and OCB: the moderating role of gender // Personnel Review. 2012. Vol. 41. Issue 5. P. 590–608. DOI: 10.1108/00483481211249120
19. **Higgins E.T. Roney C.J.R., Crowe E., Hymes C.** Ideal versus ought predilections for approach and avoidance: Distinct self-regulatory systems // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66. P. 276–286.
20. **Höllinger F.** Value orientations and social attitudes in the holistic milieu // The British Journal of Sociology. 2017. 68(2). P. 293–313. DOI:10.1111/1468-4446.12255

21. **Kuznietsova O. V.** Value orientations of innovative personality // *Habitus*. 2020. Issue 19. P. 133–139. DOI: 10.32843/2663-5208.2020.19.23
22. **Miele D. B., Scholer A. A.** The role of metamotivational monitoring in motivation regulation // *Educational Psychologist*. 2018. № 53 (1). P. 1–21. DOI: 10.1080/00461520.2017.1371601
23. **Tziner A., Shkoler O., Fein E. C.** Examining the Effects of Cultural Value Orientations, Emotional Intelligence, and Motivational Orientations: How do LMX Mediation and Gender-Based Moderation Make a Difference? // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.502903; URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.502903/full> (access date: 23.09.2021).

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ СХЕМ ПСИХОЛОГОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА

Ю. М. Перевозкина,
НГПУ, Новосибирск,
per@bk.ru,

Т. Ю. Петровская,
НГПУ, Новосибирск,
element_t@mail.ru

В статье обосновывается значимость изучения системы личностных качеств представителей психологической профессии. Акцентируется внимание на незначительной представленности ранних дезадаптивных схем (РДС) как важного личностного предиктора профессионального становления и отсутствия эмпирических исследований РДС психологов. Анализируются ранние дезадаптивные схемы как важные системно-психологические характеристики представителей психологической профессии. Схемы рассматриваются как фактор риска, снижающий адаптационный потенциал специалиста в профессии и эффективность его деятельности, в связи с чем они являются важной единицей анализа в области психологии труда.

Объектом эмпирического исследования стали 166 студентов психологических направлений подготовки и специальностей, из них 83 мужчины и 83 женщины. В качестве психодиагностического инструментария был применен опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем» Дж. Янга (YSQ S3R). В ходе исследования было установлено существование значимых различий между системой РДС психологов мужского и женского пола. Выраженность схем в обеих группах респондентов имеет общее ядро, состоящее из следующих компонентов: самопожертвование, завышенные стандарты, грандиозность и покинутость, — и различия: для мужчин свойственно ожидание использования, для женщин — пунитивность. Фиксация схем, характерных для представителей исследуемой профессиональной группы, позволит внести вклад в разработку более полноценных программ профориентации, подготовку будущих психологов, сопровождение их трудовой деятельности, а также в создание мер профилактики и коррекции профессиональных нарушений.

Ключевые слова: система ранних дезадаптивных схем; профессионально важные качества; профессионально негативные качества; убеждения; профессиональная деятельность; профессия; психолог; индивидуально-психологические особенности.

Для цитаты: Перевозкина Ю. М., Петровская Т. Ю. Особенности системы ранних дезадаптивных схем психологов в зависимости от пола // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 21–31. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.2

Перевозкина Юлия Михайловна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой практической и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *per@bk.ru*

ORCID: 0000-0003-4201-3988

Петровская Татьяна Юрьевна, старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *element_t@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-6243-9487

UDC 159.9.072

DOI 10.25688/2223-6872.2021.39.3.2

FEATURES OF THE SYSTEM OF EARLY MALADAPTIVE SCHEMES OF PSYCHOLOGISTS DEPENDING ON GENDER

Yu. M. Perevozkina,
NGPU, Novosibirsk,
per@bk.ru,

T. Yu. Petrovskaya,
NGPU, Novosibirsk,
element_t@mail.ru

The article proves the importance of researching the system of personal qualities of the psychological profession representatives. Attention is focused on the insignificant representation of early maladaptive schemes (RDS) as an important personal predictor of professional development and the lack of empirical studies of the RDS system of psychologists. The early maladaptive schemes as important system-psychological characteristics of representatives of the psychological profession are analyzed. Schemes are considered as a risk factor that reduces the adaptive potential of a specialist in the profession and the effectiveness of his activity, and therefore they are an important unit of analysis in the field of labor psychology.

The empirical study was conducted with 166 students of psychological training areas and specialties, 83 of them are men and 83 women, with the usage of psychodiagnostic tools: the questionnaire “Diagnosis of early maladaptive schemes of J. Yang” (YSQ S3R). The research established the existence of significant differences between the RDS system of male and female psychologists. The severity of the schemes in both groups of respondents has a common core, consisting of self-sacrifice, inflated standards, grandiosity and abandonment; and there are differences: for men, the expectation of use, for women — punitivity. The idea of the schemes characteristic of this professional group representatives will make it possible to contribute to the development of more comprehensive programs of career guidance, training of future psychologists, support of their work activities, as well as measures for the prevention and correction of professional disorders.

Keywords: system of early maladaptive schemes; professionally important qualities; professionally negative qualities; beliefs; professional activity; profession; psychologist; individual psychological characteristics.

For citation: Perevozkina Yu. M., Petrovskaya T. Yu. Features of the system of early maladaptive schemes of psychologists depending on gender // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 21–31. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.2

Perevozkina Yulia Mikhailovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Practical and Special Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: per@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4201-3988

Petrovskaya Tatyana Yuryevna, Senior Lecturer of the Department of Social Psychology and Victimology of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: element_t@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6243-9487

Введение

В настоящее время на рынке труда очевидна востребованность в эффективных профессионалах и на уровне государственного управления это выражается во все более крутом развороте системы образования на профессиональные стандарты и анализ требований, предъявляемых к профессиональным компетенциям специалистов [2]. Однако подготовка будущих специалистов и выстраивание их карьеры происходит в ситуации высокой степени изменчивости и неопределенности вследствие значительной подвижности области социального обслуживания, на которую ориентировано большинство человекоцентрированных профессий, среди которых находится профессия психолога. В связи с тем что в данной сфере практической деятельности инструментом профессиональной деятельности выступает сама личность специалиста, безусловно, требуется устремление научной мысли к особенностям личностной организации, а также к условиям, оказывающим на нее влияние.

Профессиональная деятельность психолога требует определенных компетенций, установленных как федеральными государственными профессиональными стандартами, так и конкретным работодателем. Но не менее значимым является и сама persona психолога. Личностные характеристики являются столь же важными, как знания, умения, владения или компетенции, поскольку инструментом труда выступает целостная личность [2: с. 24]. Таким образом, важным является изучение качеств личности, которые препятствуют профессиональному успеху, и их включенности в целостную систему личностной организации. Актуальность исследования роли профессионально негативных качеств психологов (ПНК) обуславливается рядом причин. Во-первых, в основе мотивации получения профессии психолога зачастую лежит потребность разобраться в собственных трудностях психологического и социально-психологического характера, что впоследствии приводит к проблемам в работе с людьми. Если психолог не определился с собственной системой ценностей, имеет размытые представления

о своей этической позиции в труде, существует риск причинения вреда, обратившись к нему за психологической помощью, несмотря на самые благие намерения. Во-вторых, часть поступающих на психологические факультеты, как оказывается, сами имеют в разной степени личностные и адаптационные проблемы. Учеными уже установлен некоторый перечень таких мотивировок: эмоциональные нарушения, социальная изолированность и одиночество, незрелость идентичности, неудовлетворенные потребности в любви, власти, автономии, легитимном способе выражения социально неодобряемых чувств и желаний [4: с. 239]. И, в-третьих, в качестве причины выступает низкий уровень мотивации получения именно психологического образования в связи с незрелостью профессионального выбора молодого человека или подменой такового выбором значимого окружения.

Перечисленные мотивы часто не осознаются будущими психологами. Однако проведение своевременных профориентационных мероприятий, диагностических мер на этапе поступления на психологические специальности и направления подготовки, включение личной психотерапевтической работы в процесс подготовки психологов, а также добавление в качестве обязательного компонента профессиональной практики супервизий позволит нивелировать особенности характера, снижающие эффективность деятельности, что в дальнейшем снизит риск причинения вреда клиенту. При этом в современных общеобразовательных учреждениях нет еще полной кадровой обеспеченности психологами для осуществления соответствующих проблем профориентационных программ, и в самих подобных программах, как правило, определяются способности, знания или качества, соответствующие психограмме психолога. Говоря другими словами, определяются, скорее, рекомендации, а не противопоказания к выбору профессии. В процедурах же поступления на психологические факультеты российских вузов, как правило, отсутствует отбор абитуриентов на основе личностных особенностей, а в программы подготовки психологов собственная психотерапия не включена. Это является значительным упущением, поскольку

выпускники с документами о высшем психологическом образовании, приступающие к непосредственно практической деятельности в сфере психологического сопровождения процесса обучения, деятельности представителей других социально значимых профессий, а также области консультирования, психотерапии лиц, нуждающихся в психологической помощи, оказывается в зоне риска [2: с. 26]. Указанное определяет назревшую необходимость изучать не только отдельные качества, являющиеся противопоказаниями к выбору профессии психолога, но и целостные системные композиции личностных характеристик [10: с. 233], выступающих предикторами рисков в труде и карьере.

Тема субъектных детерминант профессиональной пригодности психолога давно вошла в сферу интересов исследователей и представлена значительным разнообразием взглядов. Личность психолога рассматривается в большинстве признанных профессиональным сообществом концепциях и теориях как стержневое условие профессиональной деятельности [2: с. 30]. До настоящего времени профессионально важные качества (ПВК) комплексно исследовались в работах ученых — представителей системного подхода (Б. Ф. Ломов, Д. Н. Завалишина, В. Д. Шадриков, Е. С. Романова, Б. Н. Рыжов и др.) и одной из его современных трансформационных версий — метасистемного подхода (А. В. Карпов, Ю. П. Поваренков, А. В. Чемякина и др.) [6]. Исследования структуры профессионально важных качеств (ПВК) немногочисленны [11: с. 112], а самостоятельной их категории — ПНК — единичны [6: с. 159].

О системной организации, а соответственно, и сложности выявления как ПВК, так и ПНК пишет основатель метасистемной концепции А. В. Карпов [6: с. 161] и его единомышленники — Ю. П. Поваренков [9], А. В. Чемякина [11: с. 111]. Последние указывают на то, что некоторые из ПНК трансформируются в ходе выполняемой деятельности. Например, при изучении ПНК управленцев выявлено, что свойство «импульсивность» необходимо в управленческом труде руководителей определенного типа коллектива (творческого) и недопустимо в других

(производственных) [11]. Установлена также следующая закономерность для исследуемого вида деятельности: чем сильнее выражено ПВК, тем больше вероятность его перехода в анти-ПВК. Таким образом, известные на настоящий момент в психологической науке данные об анти-ПВК позволили в рамках данного исследования рассматривать ранние дезадаптивные схемы в качестве важных субъектных детерминант психологической профессии. Ранняя дезадаптивная схема (РДС) представляет собой устойчивый эмоционально-когнитивный паттерн, обуславливающий особенности интерпретации в ходе восприятия целостной картины окружающей действительности [21: с. 43]. Наличие ярко выраженных схем является маркером дисфункциональных отношений в детстве [1: с. 52] и становится пропускным пунктом для нового жизненного опыта, преломляя последний сквозь прежнюю матрицу восприятия, препятствующую психосоциальной адаптации индивида в различных сферах его жизнедеятельности [19]. Профессию, а также пол личности можно назвать важными системно-психологическими характеристиками, определяющими развитие личности [10: с. 6] и ее структуру.

Целью исследования стало выявление представленности различий РДС студентов психологических направлений подготовки и специальностей, которые указывают на противопоказания и вероятностные риски будущей профессиональной деятельности в зависимости от пола.

Методика

Достижение цели исследования предполагает несколько этапов работы: 1) содержательное определение РДС личности; 2) диагностика РДС у студентов-психологов, поделенных на группы по признаку пола; 3) выявление РДС отдельно у мужчин-психологов и женщин-психологов; 4) установление качественных различий РДС в группах респондентов мужского и женского пола.

В выборку исследования вошли студенты психологических направлений подготовки и специальностей мужского и женского пола,

всего 166 респондентов. Возраст опрошенных студентов — от 16 до 45 лет (средний возраст — 30,5 лет). Общая выборка испытуемых была дифференцирована на две эмпирические группы по признаку пола. В первую группу вошли студенты мужского пола ($N = 83$), во вторую — студенты женского пола ($N = 83$).

Диагностика профессионально негативных качеств проводилась посредством опросника «Диагностика ранних дезадаптивных схем» Дж. Янга (Young Schema Questionnaire) в адаптации П. М. Касьяника, Е. В. Романовой [7: с. 98].

Результаты и их обсуждение

Выявление РДС на предварительном этапе исследования позволило составить список из 18 качеств, препятствующих реализации деятельности психолога: эмоциональная депривированность; покинутость/нестабильность; недоверие / ожидание жестокого обращения; социальная отчужденность; дефективность/стыдливость; неуспешность; зависимость/беспомощность; уязвимость; запутанность / неразвитая идентичность; покорность; самопожертвование; подавленность эмоций; жесткие стандарты / придиричивость; привилегированность/грандиозность; недостаточность самоконтроля; поиск одобрения; негативизм/пессимизм; пунитивность.

Оценка достоверности различий по исследуемым параметрам между респондентами — мужчинами и женщинами — проводилась с использованием непараметрического U -критерия Манна – Уитни. Полученные результаты представлены в таблице.

«запутанность / неразвитая идентичность». Респонденты-мужчины значительно отличаются от респондентов-женщин доминированием параметров «эмоциональная депривированность», «социальная отчужденность». Тогда как в группе женщин более выраженными в отличие от мужчин оказались параметры «покинутость/нестабильность», «запутанность / неразвитая идентичность».

Студенты мужского пола испытывают трудности в установлении эмоциональных связей, теплых и наполненных чувствами отношений. Они могут чувствовать себя непонятыми, неслышанными, нелюбимыми. Вероятными формами проявления схем в поведении становятся устранение от близости, отсутствие заботы и защиты близких, отсутствие эмпатии. Кроме того, у таких мужчин усиливается ощущение собственной изолированности от окружающих. Особенности дезадаптивных схем мужчин-психологов указывают на ранний травмирующий онтогенетический опыт, связанный с потребностью в надежной привязанности. Привязанность может быть разрушена обстоятельствами, зависящими от родителей (например, развод, отказ) или напрямую от них не зависящими (например, смерть родителя). При этом ребенок теряет субъективное ощущение безопасности, вследствие чего возникают нарушенные типы привязанности к родителю или лицу его заменяющему, которые в дальнейшем переносятся на группу сверстников, партнеров, коллег и клиентов психолога-профессионала. Последние зарубежные исследования указывают на возможность передачи РДС между поколениями [23].

Таблица

Сравнение студентов — мужчин и женщин — по исследуемым параметрам

Переменные	Среднее значение		U -критерий Манна – Уитни	Уровень значимости
	мужчины	женщины		
Эмоциональная депривированность	90,8	76,2	2838,5	0,04
Покинутость/нестабильность	71,9	95,1	2482	0,001
Социальная отчужденность	91,02	75,98	2820	0,04
Запутанность / неразвитая идентичность	75,93	91,07	2816,5	0,04

Сравнение групп студентов выявило различия по четырем параметрам: «эмоциональная депривированность», «социальная отчужденность», «покинутость/нестабильность»,

Студентки, в свою очередь, характеризуются убежденностью в нестабильности их отношений с другими, в неизбежном конце любых связей с ними. Данная схема

детерминирована неудовлетворенной потребностью в принятии, безопасности и понимании. Желание быть принятой, находиться в стабильных отношениях и одновременное ожидание их завершения не позволяет ощутить себя отдельным независимым субъектом. Такие женщины чрезмерно вовлечены в жизнь другого человека, вплоть до восприятия себя как «мы», а не как «я».

Далее для каждой эмпирической группы проводилась оценка центральной тенденции путем подсчета средней величины (M) по всем исследуемым параметрам. Полученные результаты представлены на рисунке.

группы «Нарушенные связи и отвержение» связано с депривацией удовлетворения потребности в безопасности и принятии, что влечет за собой возникновение трудностей в процессе установления доверительных отношений с окружающими [16; 17: с. 12]. Для лиц с выраженной схемой «Покинутость» характерно наличие негативных ожиданий в отношении надежности эмоционально-значимого окружения. Ожидание жестокого обращения в мужской выборке характеризует особую чувствительность мужчин ко лжи, унижению, манипулированию. Данная специфика мужской выборки может быть объяснена

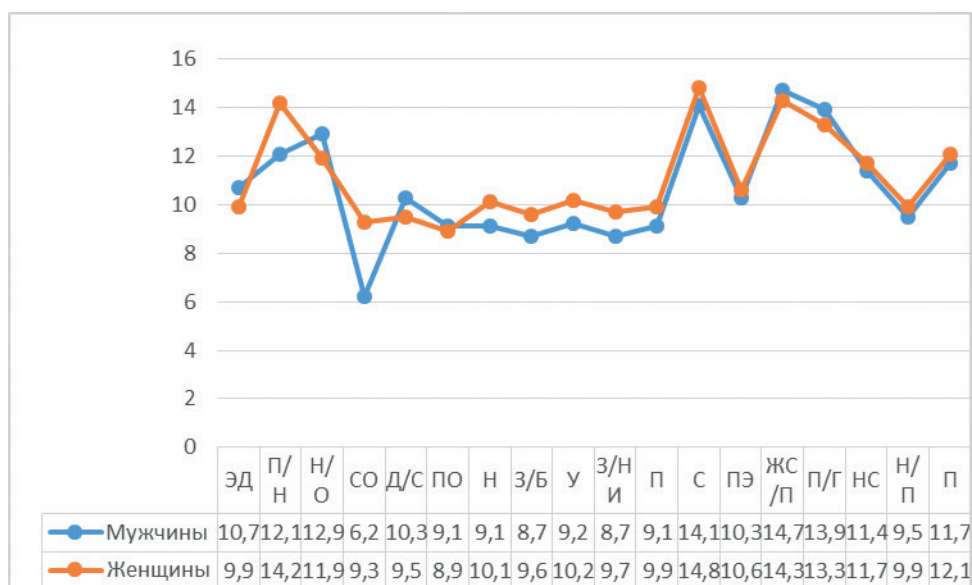

Рис. Среднегрупповой профиль мужчин и женщин по параметрам РДС

Условные обозначения: ЭД — эмоциональная депривированность; П / Н — покинутость/нестабильность; Н / О — недоверие / ожидание жестокого обращения; СО — социальная отчужденность; Д / С — дефективность/стыдливость; Н — неуспешность; З / Б — зависимость/беспомощность; У — уязвимость; З / Н — запутанность / неразвитая идентичность; П — покорность; С — самопожертвование; ПЭ — подавленность эмоций; ЖС / П — жесткие стандарты / придирчивость; П / Г — привилегированность/грандиозность; НС — недостаточность самоконтроля; ПО — поиск одобрения; Н / П — негативизм/пессимизм; П — пунитивность

Как видно на рисунке, наибольшие значения имеют схемы «Жесткие стандарты / придирчивость», «Самопожертвование», «Привилегированность/грандиозность», «Недоверие / ожидание жестокого обращения», «Покинутость/нестабильность». Из данного перечня большее число схем относится к категории «Нарушенные связи и отвержение», а также — «Сверхнаправленность на других», «Сверхбдительность и подавление эмоций», «Нарушенные границы». Формирование схем

существующими в обществе гендерными стереотипами: для воспитания мужчин нужна не ласка и забота, а жесткость и безэмоциональность [8]. Максимально актуализированной в группе мужчин стала схема «Самопожертвование», что подтверждается данными других исследователей, установивших высокую степень потребности психологов в альтруизме и жертвенности [2: с. 24]. Человек в подобном случае склонен чрезмерно жертвовать своими желаниями, нуждами

в угоду другим. При этом в момент такого поведения он испытывает мощное чувство героизма, самоуважения. Последнее напрямую подтверждается выраженной схемой «Привилегированность/грандиозность». Наличие у профессии психолога особенного статуса в современном обществе как нельзя лучше позволяет удовлетворять дефицитную потребность в собственной значимости и ценности. Согласно данным Д. В. Иванова, Н. А. Галюк, профессиональные приобретения, полученные в период обучения или в практическом опыте, делают человека заметным в общественной жизни [5: с. 92]. В работах отечественных авторов неоднократно исследовались нарциссические потребности психологов, удовлетворяемые с помощью профессиональной роли [12: с. 264]. Студенты мужского пола с жесткими стандартами стремятся к предъявлению чрезмерно высоких требований не только по отношению к себе, но и по отношению к коллегам и клиентам. Наличие строгих правил затрагивает многие области жизни, включая завышенные нравственные, а также культурные установки в профессиональном пространстве. Например, они могут быть поглощены идеей собственной самоэффективности в контексте времени. Полученные данные согласуются с ранее опубликованными российскими исследователями М. В. Галимзяновой, П. М. Касьяником, Е. В. Романовой сведениями о характерной для мужчин схеме «Жесткие стандарты / придирчивость» [3: с. 114].

Оценка методом подсчета средней величины центральной тенденции в группе женщин проявила наибольшую выраженность по пяти параметрам (см. рис.). В группе студентов-психологов женского пола схемы «Самопожертвование», «Жесткие стандарты / придирчивость», «Покинутость/нестабильность», «Привилегированность/грандиозность», «Пунитивность» оказались лидирующими. При этом большинство схем относится к области чрезмерной ответственности и жестких стандартов. Женщины склонны стремиться к идеалам, безошибочному совершению действий, фокусироваться на выполнении правил, норм. Они предъявляют высокие требования как по отношению к себе,

так и ко всем окружающим. В практической работе психолога подобные установки могут стать непреодолимым препятствием не только в вопросе эффективности, но и ее осуществления в целом. При этом успешность деятельности психолога-исследователя, ученого, может предполагать именно подобные качества: тщательность, критичность, стремление к совершенству результата. Негативным оттенком данной схемы является и парализующий профессиональную инициативность страх совершить ошибку. Следующая за высокими стандартами пунитивность охраняет незыблемость предыдущих схем и замыкает тесный круг достраивающих друг друга убеждений, оценок, установок. Наибольшую выраженность в женской выборке демонстрирует схема самопожертвования. Комбинация острой потребности в связи с другими людьми, установлении непрерывных отношений и фокусировки на добровольном удовлетворении потребностей других в повседневных ситуациях за счет собственного удовлетворения создает большую угрозу для специалистов помогающих профессий. В отсутствии компенсационных механизмов распространенными рисками у таких специалистов становится скорое эмоциональное выгорание и профессиональная деформация [2: с. 26]. На сегодняшний день изучение взаимосвязи РДС и профессионального выгорания у специалистов человекоориентированных профессий проведено в диссертационных исследованиях зарубежными учеными только на выборке педагогов [20] и освещены в малочисленных периодических публикациях [18].

В результате проведения эмпирического исследования было обнаружено, что РДС психологов связано со следующими качествами: «Покинутость и социальная изоляция», «Нарушение автономии и функционирования», «Нарушение границ личности», «Сверхнаправленность вовне», «Сверххдительность» и «Подавление эмоций». Наиболее выраженными в мужской выборке являются качества, связанные с нестабильностью и недоверием в отношениях, самопожертвованием, перфекционизмом, грандиозностью. В женской выборке доминирующими оказались качества личности, определяемые в характеристиках

как самопожертвование, нестабильность связей, перфекционизм, пунитивность, грандиозность. Между РДС мужчин-психологов и женщин-психологов существуют качественные различия, вызывающие сложности в эмоциональной стороне отношений с другими людьми, установлении прочных стабильных межличностных отношений, социальных контактах и ощущении своей идентичности.

Выводы

В результате исследования системы ранних дезадаптивных схем психологов в зависимости от пола были сделаны следующие обобщения.

1. Выраженность РДС психологов имеет некоторые различия, связанные с полом и согласующиеся с данными других исследований по проблемам личностных особенностей субъекта труда и РДС личности. Комплекс схем в обеих эмпирических группах имеет общее ядро, состоящее из самопожертвования, жестких стандартов, грандиозности и покинутости, что дает основание считать значимым признак принадлежности к профессии в определении ПНК. В двух эмпирических группах выявлены такие различия: для мужчин свойственно ожидание использования, для женщин — пунитивность.

2. Признак пола выступает предиктором качественных различий комплекса РДС. Пол является одной из системно-психологических характеристик личности, влияющих на ее формирование, в частности на выраженность системы РДС. Мужчины-психологи и женщины-психологи имеют различающийся состав выраженных РДС, что обуславливает необходимость учета признака пола при профессиональной подготовке психологов и сопровождении их трудовой деятельности.

3. Полученные результаты свидетельствуют о важности изучения личностных детерминант профессии. Особенно значимым это становится для психологов, профессиональная деятельность которых осуществляется, по сути, таким ключевым инструментом, как сама личность психолога.

Заключение

Основной целью исследования было изучение личностных особенностей психологов по признаку пола, являющихся профессионально негативными. Работа связана с проблематикой субъективных детерминант профессиональной деятельности психологов, в частности с проблемой профессионально негативных качеств. В работе представлены эмпирические данные РДС применительно к проблематике психологии труда, а именно к субъектным детерминантам профессиональной деятельности, что значимо дополняет научные представления о системе ПВК и создает возможность для углубления работы, направленной на профориентацию, профотбор и профконсультации. В этой связи точное определение признаков, наиболее полно и мощно детерминирующих различия в успешности и неуспешности профессиональной деятельности, является необходимым для психологической науки как ответ на запрос практики. Это обстоятельство послужило ориентиром проведенного исследования, целью которого стало изучение различий РДС психологов в зависимости от пола. Можно предположить, что признак пола является предиктором системного комплекса РДС личности, выступающего существенным препятствием, а иногда и противоречием требованиям профессии. Представленные в статье данные согласуются с теоретическими положениями основоположников изучения РДС [21: с. 163; 22] и с работами современных исследователей [13] схема-ориентированного подхода [14], когнитивно-поведенческой терапии [15], а также с результатами эмпирических изысканий российских ученых [6] по вопросам, сопряженным с личностными детерминантами эффективности профессиональной деятельности [9]. В то же время они существенно дополняют современные научные представления о ПНК специалистов помогающих профессий и позволяют более осмысленно подходить к определению профессиональной пригодности психологов. При этом вопрос о различиях между комплексами ПНК, значимости каждой схемы, структурной организации системы ПВК для психологов с разным уровнем выраженности РДС остается открытым и является целью дальнейших исследований.

Литература

1. **Артц А., Якоб Г.** Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах / пер. с англ. Е. Плотниковой. М.: Научный мир, 2016. 320 с.
2. **Вачков И. В., Гриншпун И. Б., Пряжников Н. С.** Введение в профессию «психолог». М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. 139 с.
3. **Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В.** Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. № 3. С. 109–125. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.310
4. **Глэддинг С.** Психологическое консультирование / [пер. с англ. А. Можаяев]. 4-е изд. СПб.: Питер, 2002. 729 с.
5. **Иванов Д. В., Галюк Н. А.** Введение в историю психологии профессионального образования: электронное учебное пособие. Новосибирск: НГПУ, 2020. 160 с.
6. **Карпов А. В., Чемякина А. В.** Понятие профессионально-негативных качеств личности // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сб. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 158–162.
7. **Касьяник П. М., Романова Е. В.** Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб.: Политехнический ун-т, 2016. 151 с.
8. **Перевозкина, Ю. М. Петровская Т. Ю., Шабанов Д. М.** Влияние половозрастных особенностей на специфику выраженности ранних дезадаптивных схем будущих психологов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 194–203. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-2-194-203
9. **Поваренков Ю. П.** Классификация субъективных детерминант деятельности профессионала [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 186–194. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29948051> (дата обращения: 01.07.2021).
10. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
11. **Чемякина А. В.** Представленность профессионально-негативных качеств в структуре личности // Ярославский психологический вестник. 2016. № 34. С. 111–114.
12. **Шамшикова Е. О., Петровская Т. Ю.** К вопросу о взаимосвязи частоты нарушения границ «Я», степени выраженности нарциссических черт личности и статусе ее идентичности // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7. С. 259–265.
13. **Vach I., Lockwood G., Young J. E.** A new look at the schema therapy model: organization and role of early maladaptive schemas // Cognitive Behaviour Therapy. 2017. Vol. 47 (4). P. 328–349. DOI: 10.1080/16506073.2017.1410566
14. **Doyle M.** Exploratory trial of schema-focussed therapy in a forensic personality disordered population / M. Doyle et al. // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2015. Vol. 27 (2). P. 232–247. DOI: 10.1080/14789949.2015.1107119
15. **Koerner N., Tallon K., Kusec A.** Maladaptive core beliefs and their relation to generalized anxiety disorder // Cognitive Behaviour Therapy. 2015. Vol. 44 (6). P. 441–455. DOI: 10.1080/16506073.2015.1042989/
16. **Koppers D.** Psychological symptoms, early maladaptive schemas and schema modes: predictors of the outcome of group schema therapy in patients with personality disorders / D. Koppers et al. // Psychotherapy Research. 2020. Vol. 31 (7). P. 831–842. DOI: 10.1080/10503307.2020.1852482
17. **Lukas J., Popelkova M.** The relationship between early maladaptive schemas and attachment // Pomahajuce Profesie. 2020. Vol. 3 (1). P. 5–19. DOI: 10.17846/pp.2020.3.1.5-19
18. **Mahboubeh M.** The Relationship between Early Maladaptive Schemas and Esfahan Guidance School Teachers' Job Burnout / M. Mahboubeh et al. // International Journal of Indian Psychology. 2015. Vol. 3 (1). P. 67–73. DOI:10.25215/0301.100
19. **Martean L.** [Review] // The Psychiatrist. 2013. Vol. 37 (6). P. 216–216. Book Review: Schema therapy in practice: An introductory guide to the schema mode approach by Arnoud Arntz, & Gitta Jacob. Wiley-Blackwell, 2013. 276 p. DOI: 10.1192/pb.bp.112.042234
20. **Rittenmyer G. J.** The relationship between early maladaptive schemas and job burnout among public school teachers // Dissertation Abstracts International. 1997. Vol. 58 (5-A). P. 15–29.

21. **Young J., Klosko J., Weishaar M.** Schema therapy: A practitioner's guide. New York: Guilford Press, 2003. 449 p.
22. **Young J. E., Brown G.** Young schema-questionnaire // Young J. E. Cognitive therapy for personality disorders: A schema-focused approach. 3rd ed. Sarasota, FL: Professional Resource Press, 1999. P. 63–76.
23. **Zeynel Z., Uzer T.** Adverse childhood experiences lead to trans-generational transmission of early maladaptive schemas // Child Abuse & Neglect. 2020. Vol. 99 (5). P. 1–14. DOI: 10.1016/j.chiabu.2019.104235

References

1. **Arntcz A., Yakob G.** Prakticheskoe rukovodstvo po sxema-terapii. Metody` raboty` s disfunkcional`ny`mi rezhimami pri lichnostny`x rasstrojstvax / perevod s anglijskogo E. Plotnikova [Practical guide to regimen therapy. Methods of working with dysfunctional regimes in personality disorders / translated from English by E. Plotnikova]. M.: Nauchny`j mir, 2016. 320 p.
2. **Vachkov I. V., Grinshpun I. B., Pryazhnikov N. S.** Vvedenie v professiyu «psixolog» [Introduction to the profession of “psychologist”]. M.: Moskovskij psixologo–social`nyj institut, 2004. 139 p.
3. **Galimzyanova M. V., Kas`yanik P. M., Romanova E. V.** Vy`razhennost` rannix dezadaptivny`x sxem i rezhimov funkcionirovaniya sxem u muzhchin i zhenshhin v period rannej, srednej i pozdnej vzroslosti [The severity of early maladaptive schemes and modes of functioning of schemes in men and women during early, middle and late adulthood] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]. 2016. № 3. P. 109–125. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.310
4. **Gle`dding S.** Psixologicheskoe koncy`l`tipovanie / [perevod s anglijskogo A. Mozhaev] [Psychological counseling/ translated from English by A. Mozhaev]. 4-e izd. SPb.: Pitep, 2002. 729 p.
5. **Ivanov D. V., Galyuk N. A.** Vvedenie v istoriyu psixologii professional`nogo obrazovaniya: e`lektronnoe uchebnoe posobie [Introduction to the history of the psychology of professional education: an electronic textbook]. Novosibirsk: NGPU, 2020. 160 p.
6. **Karpov A. V., Chemyakina A. V.** Ponyatie professional`no-negativny`x kachestv lichnosti [The concept of vocational negative personality qualities] // Yaroslavskaya psixologicheskaya shkola: istoriya, sovremennost`, perspektivy`: sbornik [Yaroslavl Psychological School: history, modernity, prospects: collection]. Yaroslavl`: Filigran`, 2020. P. 158–162.
7. **Kas`yanik P. M., Romanova E. V.** Diagnostika rannix dezadaptivny`x sxem [Diagnosis of early maladaptive schemes]. SPb: Politexnicheskij universitet, 2016. 151 p.
8. **Perevozkina Yu. M., Petrovskaya T. Yu., Shabanov D. M.** Vliyanie polovozrastny`x osobennostej na specifiku vy`razhennosti rannix dezadaptivny`x sxem budushhix psixologov [The influence of sex and age characteristics on the specificity of the expression of early maladaptive schemes of future psychologists] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2021. № 2 (90). P. 194–203. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-2-194-203
9. **Povarenkov Yu. P.** Klassifikaciya sub`ektivny`x determinant deyatel`nosti professionala [E`lektronny`j resurs] [Classification of subjective determinants of professional activity [Electronic resource]] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2017. № 4. P. 186–194. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29948051> (access date: 01.07.2021).
10. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel`skie Teknologii, 2017. 356 p.
11. **Chemyakina A. V.** Predstavlenost` professional`no-negativny`x kachestv v strukture lichnosti [Representation of professional-negative qualities in the personality structure] // Yaroslavskij psixologicheskij vestnik [Yaroslavl Psychological Bulletin]. 2016. № 34. P. 111–114.
12. **Shamshikova E. O., Petrovskaya T. Yu.** K voprosu o vzaimosvyazi chastoty` narusheniya granicz `Ya», stepeni vy`razhennosti narcissicheskix chert lichnosti i statuse ee identichnosti [To the question of the relationship between the frequency of violation of the boundaries of “I”, the severity of narcissistic personality traits and the status of her identity] // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education]. 2009. № 7. P. 259–265.
13. **Bach B., Lockwood G., Young J. E.** A new look at the schema therapy model: organization and role of early maladaptive schemas // Cognitive Behaviour Therapy. 2017. Vol. 47 (4). P. 328–349. DOI: 10.1080/16506073.2017.1410566
14. **Doyle M.** Exploratory trial of schema-focussed therapy in a forensic personality disordered population / M. Doyle et al. // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2015. Vol. 27 (2). P. 232–247. DOI: 10.1080/14789949.2015.1107119

15. **Koerner N., Tallon K., Kusec A.** Maladaptive core beliefs and their relation to generalized anxiety disorder // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2015. Vol. 44 (6). P. 441–455. DOI: 10.1080/16506073.2015.1042989/
16. **Koppers D.** Psychological symptoms, early maladaptive schemas and schema modes: predictors of the outcome of group schema therapy in patients with personality disorders / D. Koppers et al. // *Psychotherapy Research*. 2020. Vol. 31 (7). P. 831–842. DOI: 10.1080/10503307.2020.1852482
17. **Lukac J., Popelkova M.** The relationship between early maladaptive schemas and attachmen // *Pomahajuce Profesie*. 2020. Vol. 3 (1). P. 5–19. DOI: 10.17846/pp.2020.3.1.5-19
18. **Mahboubeh M.** The Relationship between Early Maladaptive Schemas and Esfahan Guidance School Teachers' Job Burnout / M. Mahboubeh et al. // *International Journal of Indian Psychology*. 2015. Vol. 3 (1). P. 67–73. DOI: 10.25215/0301.100
19. **Martean L.** [Review] // *The Psychiatrist*. 2013. Vol. 37 (6). P. 216–216. Book Review: Schema therapy in practice: An introductory guide to the schema mode approach by Arnoud Arntz, & Gitta Jacob. Wiley-Blackwell, 2013. 276 p. DOI: 10.1192/pb.bp.112.042234
20. **Rittenmyer G. J.** The relationship between early maladaptive schemas and job burnout among public school teachers // *Dissertation Abstracts International*. 1997. Vol. 58 (5-A). P. 15–29.
21. **Young J., Klosko J., Weishaar M.** Schema therapy: A practitioner's guide. New York: Guilford Press, 2003. 449 p.
22. **Young J. E., Brown G.** Young schema-questionnaire // Young J. E. *Cognitive therapy for personality disorders: A schema-focused approach*. 3rd ed. Sarasota, FL: Professional Resource Press, 1999. P. 63–76.
23. **Zeynel Z., Uzer T.** Adverse childhood experiences lead to trans-generational transmission of early maladaptive schemas // *Child Abuse & Neglect*. 2020. Vol. 99 (5). P. 1–14. DOI: 10.1016/j.chiabu.2019.104235

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.39.3.3

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ДАННЫМ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ¹

А. Г. Данилова,
ВИНИТИ РАН, Москва,
a_g_danilova@mail.ru,

О. В. Митина,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва,
omitina@inbox.ru

Статья посвящена системному анализу ценностных ориентаций русской культуры, представленных во властном дискурсе XVI–XX вв., с точки зрения их динамики. В зарубежных исследованиях ценностных ориентаций теоретически предсказаны и эмпирически получены конструкты, представляющие собой субразмерности базовых ценностных ориентаций культуры, выделенных Г. Хофстеде. Контент-анализ исторических текстов, построенный на критериях поведения и ценностных предпочтений, предложенных Хофстеде, устойчиво показывает факторную структуру, состоящую из 16–20 факторов. На сегодняшний момент актуально исследование устойчивости структуры базовых размерностей ценностных ориентаций культуры и условий их формирования.

В статье проанализирована структура ценностных ориентаций, отраженных в текстах отечественного властного дискурса за XVI–XX вв., прослежена временная динамика значений по факторам. В анализ включены русские, российские и советские исторические документы, отражающие ценностные ориентации представителей российской власти за 1500–2000 гг. (летописи, судебники и юридические документы, официальная и частная переписка). Проведен контент-анализ документов по предложенным Г. Хофстеде характеристикам паттернов поведения и культурных норм. Данные факторного анализа обобщены по временным отрезкам 25 лет, построены графики временной динамики. Получена категориальная структура, соответствующая конструктам, теоретически предсказанным в социальной психологии и воспроизводящая размерности, ранее полученные на материале исторических текстов. Временная динамика ценностных ориентаций по факторам имеет характер сложного колебательного процесса. Выявлена независимая временная динамика отдельных субфакторов, входящих в базовые факторы Хофстеде.

Ключевые слова: историческая психология; системный анализ; контент-анализ; дискурс-анализ; властный дискурс; русские исторические тексты XVI–XX вв.; структура базовых ценностей Г. Хофстеде; facets базовых размерностей.

Для цитаты: Данилова А. Г., Митина О. В. Системный анализ ценностных ориентаций русской культуры по данным исторических документов // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 32–51. DOI 10.25688/2223-6872. 2021.39.3.3

Данилова Анна Геннадиевна, редактор реферативного журнала «Психология», старший научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук, Москва.

E-mail: *a_g_danilova@mail.ru*
ORCID: 0000-0003-3548-372X

Митина Ольга Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории «Психология общения» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва.

E-mail: *omitina@inbox.ru*
ORCID: 0000-0002-2237-4404

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.39.3.3

SYSTEM ANALYSIS OF VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN CULTURE ACCORDING TO THE HISTORICAL DOCUMENTS²

A. G. Danilova,
VINITI RAS, Moscow,
a_g_danilova@mail.ru,

O. V. Mitina,
MSU, Moscow,
omitina@inbox.ru

The article is devoted to the system analysis of value orientations of Russian culture, represented in the power discourse of the XVI–XX centuries, from the point of view of their dynamics. In foreign studies of value orientations, constructs representing the sub-dimensions of the basic value orientations of culture, identified by G. Hofstede, are theoretically predicted and empirically obtained. The content analysis of historical texts, based on the criteria of behavior and value preferences proposed by Hofstede, consistently shows a factor structure consisting of 16–20 factors. At the moment, it is relevant to study the stability of the structure of the basic dimensions of cultural value orientations and the conditions for their formation.

The article analyzed the structure of value orientations reflected in the texts of the domestic power discourse for the XVI–XX centuries, traced the time dynamics of values by factors. The analysis includes Russian and Soviet historical documents reflecting value orientations of representatives of the Russian government for 1500–2000 years. (chronicles, judicial records and legal documents, official and private correspondence). The content analysis of documents according to the characteristics of behavior patterns and cultural norms proposed by G. Hofstede was carried out. The data of the factor analysis are generalized over time periods of 25 years, graphs of time dynamics are constructed. A categorical structure corresponding to the constructs theoretically predicted in social psychology and reproduced the dimensions previously obtained on the material of historical texts is obtained. The temporal dynamics of value orientations by factors has the character of a complex oscillatory process. The independent temporal dynamics of individual subfactors included in the basic Hofstede factors is revealed.

Keywords: historical psychology; system analysis; content analysis; discourse analysis; power discourse; Russian historical texts of the XVI–XX centuries; the structure of the basic values of G. Hofstede; facets of basic dimensions.

For citation: Danilova A. G., Mitina O. V. System analysis of value orientations of Russian culture according to the historical documents // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 32–51. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.3

Danilova Anna Gennadievna, Editor of the abstract journal “Psychology”, senior researcher at the All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: *a_g_danilova@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-3548-372X

Mitina Olga Valentinovna, PhD in Psychology, Associate professor. Leading researcher at the Laboratory “Psychology of Communication” at the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: *omitina@inbox.ru*

ORCID: 0000-0002-2237-4404

² The article is published in the author’s edition.

Введение

Историческая психология как «интегральная отрасль гуманитарного знания, которая изучает эволюцию умонастроений и поведения людей, нравов, обычаев и традиций людей... в историческом времени и пространстве» [6: с. 69], опирается на исследования нарративов как продуктов коллективной репрезентации культурно значимых представлений и идей. Для анализа сложных социальных явлений с неопределенной структурой используется системный подход, позволяющий, в зависимости от степени разработанности проблемы, решать задачи статистических соотношений компонентов системы (комплексный подход), выделения ее структурных элементов (структурный подход), оценки динамического развития системы (целостный подход).

Системный анализ структуры социальной системы в исторической динамике затрудняется изменениями в ходе развития скрепляющих ее социальных связей. Поэтому важен выбор переменных исследования, позволяющих пролить свет на детерминанты развития, механизмы самоорганизации системы и при этом систематически представленных в документах и артефактах прошлого, чтобы получить надежную статистику. Исследования нарративов часто опираются на методы обоснованной теории, т. е. базируются на выделении категорий исследования из тематики анализируемого текста. Прямое совмещение методов обоснованной теории для извлечения данных и системного анализа для их интерпретации несет риск существенных смещений в силу различия места, роли, атрибутов и социального значения одного социального феномена в культуре различных эпох. Так, развитие промышленного производства значимо изменяет и формы профессиональной деятельности, профессионального образования, управления, и их место в жизни человека, что затрудняет сравнение результатов. Решением может быть использование методов кросс-культурной психологии, в частности *etic*-подхода, т. е. опора на универсалистские, нейтральные термины и понятия, допускающие сравнение различных культур между собой и позволяющие

выделить имплицитные базовые размерности функционирования культур. Одним из подходов может быть исследование ценностных ориентаций. В кросс-культурной психологии хорошо обоснованной является модель базовых культурных размерностей Г. Хофстеде, первоначально разработанная на материале 40 культур и сейчас включающая данные по 93 культурам³.

Модель Хофстеде включает факторы:

PDI — индекс властной дистанции (нормы иерархических отношений) [22: с. 70; 23: с. 78];

UAI — индекс избегания неопределенности (принятое количество правил и предписаний) [22: с. 110; 23: с. 159];

IDV — индивидуализм (норма контроля со стороны группы) [22: с. 152; 23: с. 240];

MAS — маскулинность (жесткость мужских и женских культурных ролей) [22: с. 180; 23: с. 279];

IVR — групповой контроль нормы удовлетворения личных потребностей и желаний [24: с. 280];

LTO — временная ориентация общества (глубина временной перспективы повседневной практике), куда в силу корреляции был включен фактор монументализма (эстетика + героизм) [24: с. 355; 15].

Преимуществом использования модели Хофстеде в историко-психологическом исследовании является поведенческий подход, позволяющий классифицировать описанное в нарративе поведение в соответствии с характеристиками, приведенными для описания поведения в [22: с. 94]. Данный подход не обеспечивает инструментария для всестороннего психологического изучения истории, но позволяет проследить динамику декларируемых ценностей и социетальных мотивировок поведения.

Другим преимуществом модели Хофстеде на сегодня является теоретическая и эмпирическая проработанность структуры базовых размерностей. Современные исследования

³ Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context [Электронный ресурс] // ScholarWorks@GVSU. Online readings in Psychology and Culture. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (дата обращения: 19.07.2021).

предполагают наличие в больших факторах субразмерностей, проявляющихся независимо или относительно независимо друг от друга, по аналогии с пятифакторной моделью личности П. Коста и Р. Маккрея [19], где каждому домену атрибутированы 6 субфакторов — facets, описывающих отдельные аспекты личностных проявлений [19: с. 38].

С ростом корпуса исследований в ценностной структуре выделяются отдельные аспекты базовых размерностей. Так, М. Брюер и Ю. Чен предполагают, что, поскольку культура контролирует три уровня представлений — о себе (самопрезентации), о мире (убеждениях) и о том, к чему следует стремиться (ценности), — каждая базовая категория будет представлена в нескольких аспектах [17]. Дж. Хаус и соавт., проанализировав данные ряда исследований, предположили расщепление размерностей Хофстеде: коллективизма — на институциональный (степень поощрения коллективных действий) и интрупповой (степень привязанности к группе) с выделением независимых категорий гуманной и исполнительской ориентации (группового поощрения просоциального поведения и ориентации на качество работы); маскулинности — на гендерную норму и ассертивность [20: с. 30]. В исследовании лидерства GLOBE были эмпирически получены 21 составляющая властных отношений (первичные субшкалы культурно подтвержденной теории имплицитного лидерства CLT) [20: с. 131], давшие 6 факторов 2-го порядка: «харизматичность / ценностная ориентированность», «ориентация на команду», «самозащита», «ориентация на гуманизм», «партиципативность», «автономность» [20: с. 137]. С. Венаик и П. Брюер, сопоставив показатели избегания неопределенности, полученные Г. Хофстеде и исследователями GLOBE, пришли к выводу о необходимости использовать оценки значений UAI в рамках конкретных доменов, которые они представляют, т. е. стресс, практики ориентации на правила и стремления к ориентации на правила [31]. Дж. Лэдбери и В. Хинц связывают избегание неопределенности с уровнями суждения и принятия решений, а также готовностью к принятию риска [27]. Многоаспектность феномена коллективизма эмпирически показали Х. Моралес и соавт. [25]. Ю. Городниченко и Ж. Роланд выделяют в нем Я-концепцию,

когнитивные, поведенческие и межличностные аспекты [21]. Э. Оу и др. эмпирически получили следующие аспекты размерности «индивидуализм — коллективизм»: «автономия — встроенность», «независимость — взаимозависимость» и «контекстуализм» (важность контекста как такового и его роль в определении личности) [18]. В размерности маскулинности традиционно выделяют аспекты пола и гендера. Л. Хэкетт и Е. Крук рассматривают четыре аспекта маскулинности: предпочтения, личность, поведение и внешний вид⁴.

Методом контент-анализа с применением категориальной системы, предложенной Г. Хофстеде, были проведены сравнительные исследования исторических текстов, принадлежащих к разным эпохам и этнокультурным традициям. Пилотное исследование включало ретроспективные материалы представителей периода поздней Античности⁵, в дальнейшем в исследование вошли древнерусские рукописные тексты X–XVII вв. в объеме, представленном в издании «Памятники литературы Древней Руси»⁶ (63 текста), а позже — византийские и западноевропейские тексты; использовался исторический масштаб «век». Факторизация показывала структуру из 15–20 факторов с собственным значением > 1 [4; 5], давая сопоставимую с базовыми культурными индексами Хофстеде факторную структуру 2-го порядка. Вероятно, мультифакторная структура отражает наполнение отдельных аспектов базовых индексов Хофстеде.

Для проверки мультифакторного паттерна на культурную специфичность проведено исследование текстов русской культуры,

⁴ *Hackett L., Crook E.* Masculinity and misogyny in the digital age: What social data can tell us about the climate surrounding masculinity constructs and use of misogynistic language [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ditchthelabel.org/wp-content/uploads/2016/10/masculinity-and-misogyny-2016.pdf> (дата обращения: 19.02.2021).

⁵ *Данилова А. Г.* Кросс-культурный анализ категориальной структуры ценностных ориентаций на материале исторических текстов // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 46–55.

⁶ *Памятники литературы Древней Руси: в 12 вып. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступ. ст. Д. С. Лихачева. М.: Худ. лит.-ра, 1978–1994.*

относящихся к XVI–XX вв. Этот период отражает культуру русского централизованного государства, которое начало складываться в результате объединения северо-восточных русских княжеств усилиями великого князя московского Ивана III. Культурный опыт современного человека не тождествен опыту человека XVI в., однако единство российского культурного ценностного поля позволяет определить размерности, общие для всех моментов времени. Анализ данных за длительный временной интервал, с уменьшением масштаба временной шкалы до 25 лет, дает возможность построить по выделенным размерностям средние значения с доверительным интервалом и определить динамику ценностей. Малая представленность за отдаленные периоды времени документов, отражающих повседневную частную жизнь представителей низших слоев, определила ограничение базы источников текстами властного дискурса. С целью получить примеры суждений, актуальных для различных жизненных контекстов, в качестве базы исследования выбраны разнородные документы: летописи, судебники и юридические документы, официальная и частная переписка. Отбор источников проводился с опорой на хрестоматии по истории, публикации научных трудов («Памятники русского права», «Записки отдела рукописей», «Акты Археографических экспедиций» и др.), с продолжением поиска до наполнения объема источниковой базы (25 текстов за век, с предпочтительным равномерным распределением их по четвертям века). Таким образом, значимость текста определял отбор: а) представителей эпохи, тиражировавших и сохранявших текст; б) современных специалистов-историков.

В качестве гипотезы можно предположить, что в монокультурном детализированном исследовании будет воспроизведена мультифакторная структура, отражающая наполнение отдельных аспектов базовых индексов Хофстеде и подобная полученным ранее на мультикультурном материале [4; 5]. Иная структура факторов будет свидетельствовать о том, что причины мультифакторности лежат в различиях культурных норм и литературной традиции разных культур/эпох.

Цель настоящего исследования — анализ властного дискурса в России за 500 лет

по историческим текстам различных жанров: летописям, указам, частной и публицистической переписке и др., с сокращением масштаба временной шкалы до 25 лет (ранее данные группировались по векам).

В соответствии с целью поставлены следующие задачи исследования: анализ воспроизводимости субфакторной структуры, теоретически и эмпирически предложенной различными исследователями в качестве факет базовых культурных размерностей Г. Хофстеде; оценка динамики культурных норм.

Методы исследования

Г. Хофстеде привел описания поведения и установок, характерных для обществ с высокими и низкими показателями, по четырем базовым размерностям. Аналогичные списки паттернов поведения даны и для новых размерностей [23: с. 366; 24: с. 291]. Эти списки содержат ключевые паттерны, включенные в характеристики других факторов. Будучи более специфичными, новые категории — временная ориентация общества LTO и групповой контроль нормы удовлетворения личных потребностей IVR — хуже отражаются в исторических текстах. Кроме того, их поведенческие характеристики сформулированы в терминах, трудно приложимых к исторической культуре в силу высокой абстрагированности («флюидность Я-концепции») либо иной организации социума или непредставленности темы в исторических материалах. Поэтому анализ был построен на списке паттернов поведения по четырем размерностям, куда включены как эстетическая, так и динамическая категория.

Список из 55 двухполюсных характеристик поведения и установок составляет сетку контент-анализа и подразделяется следующим образом: 13 пунктов — для PDI [22: с. 94], 20 — для UAI [22: с. 140], 10 — для IDV [22: с. 171] и 12 — для MAS [22: с. 205].

В исследование включены исторические документы, представляющие различные аспекты властного дискурса (летописи, указы, судебники, публицистические и частные письма и др.) за XVI–XX вв., а именно:

25 текстов XVI в.; 26 текстов XVII в.; по 25 текстов XVIII и XIX вв.; 26 текстов XX в. — всего 127 текстов. При отборе текстов учитывалась значимость обсуждаемого в тексте события, представленность официальных и частных документов, отражение политических, экономических, религиозных и семейных отношений. Учитывалась также датировка текста, с целью равномерной репрезентации дискурса за исследуемый период.

XVI в. представлен Судебниками 1497 и 1550 гг., письмами Василия III, грамотами Ивана III, указами и письмами Ивана Грозного, Федора Иоанновича, Кучума, посланиями деятелей церкви, документами боярской думы, «Сказанием о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова».

Документы XVII в. включают указы Бориса Годунова, грамоты царя Василия Шуйского, митрополита Кирилла⁷; письма Михаила Феодоровича; указы и письма Алексея Михайловича и патриарха Никона⁸; Соборное уложение 1649 г.⁹; «Статьи Богдана Хмельницкого»; письма и указы царя Петра Алексеевича [11: с. 360].

XVIII в. представлен законодательными актами, речами и письмами Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла Петровича¹⁰.

Из документов XIX в. в анализ вошли манифесты и письма Александра I, воспоминания и записки Николая I; устав «Союза благоденствия»; проекты государственных преобразований и речи М. М. Сперанского, С. С. Уварова, П. Д. Киселева, М. Т. Лорис-Меликова,

К. П. Победоносцева; письмо А. И. Герцена к Александру II; речи Николая II за 1894–1896 гг.; афоризмы Александра I и Александра II¹¹.

В корпус текстов XX в. вошли речи А. Ф. Керенского¹², В. И. Ленина¹³, И. В. Сталина¹⁴, Н. С. Хрущева¹⁵, Л. И. Брежнева [1: с. 5–37], выступления Г. А. Зюганова¹⁶, М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина¹⁷; интервью Г. А. Явлинского¹⁸.

Категориальная сетка Хофстеде высоко абстрагирована и достаточно мелко дробит

⁷ Восточная литература. Россия — XVI век [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/xvi.htm> (дата обращения: 10.07.2021).

⁸ Письма и послания царя Алексея Михайловича [Электронный ресурс] // Слово: образовательный портал. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/41848.php> (дата обращения: 29.07.2021).

⁹ Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649.htm> (дата обращения: 20.07.2021).

¹⁰ VIII век: 17 документов [Электронный ресурс] // 100 главных документов Российской истории. URL: <http://doc.histrf.ru> (дата обращения: 24.07.2021).

¹¹ Александр I — цитаты [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/aleksandr-i/> (дата обращения: 19.07.2021); Александр II — цитаты [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/aleksandr-ii/> (дата обращения: 19.07.2021).

¹² Керенский А. Ф. Революция началась! Речь в Государственной Думе 15 февраля 1917 года (по стенограмме заседания) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/hist/1917fevr/kerenski.htm> (дата обращения: 14.09.2021).

¹³ Речи и выступления В. И. Ленина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aha.ru/~mausoleu/speak.htm> (дата обращения: 14.09.2021).

¹⁴ Речи Сталина [Электронный ресурс]. URL: <https://petroleks.ru/stalin/voxx/> (дата обращения: 14.09.2021).

¹⁵ Как нам было страшно! Найден подлинник речей Хрущева перед советской интеллигенцией / Д. Минченков [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2289979> (дата обращения 21.08.2021).

¹⁶ Зюганов Г. А. Архитектор у развалин: открытое письмо А. Н. Яковлеву. «Советская Россия» от 7 мая 1991 г. [Электронный ресурс] // Осадчий И. П. Как это было... К истории Компартии РСФСР – КПРФ: электронная книга. URL: <https://itexts.net/avtor-ivan-pavlovich-osadchiy/100530-kak-eto-bylo-k-istorii-kompartii-rsfsr-kprf-ivan-osadchiy/read/page-48.html> (дата обращения: 18.08.2021).

¹⁷ Аудиодокументы периода перестройки [Электронный ресурс]. URL: <https://allperestroika.ru/Documents%20audio.html#punkt2> (дата обращения: 14.09.2021).

¹⁸ Явлинский про осень 1991: Беседа главного редактора радиостанции «Бизнес ФМ» Ильи Копелевича и генерального директора «Румедиа» Михаила Бергера с политиком и экономистом Григорием Явлинским о событиях осени 1991 года [Электронный ресурс]. URL: <https://legarhan.livejournal.com/3102634.html> (дата обращения: 12.08.2021).

нарративное описание поведения, чтобы фиксировать аспекты поведения, игнорируя авторское отношение. Так, фразы «Изволил гневаться великий государь» и «Тиран разбушевался» при оценочной полярности алгоритмируются одинаково: «Лидер, резко противопоставленный субординантам, широко демонстрирует агрессию», т. е. [PDI1+; UAI6+; UAI7+]. Единицей наблюдения являлся текст, единицей анализа — предложение. При анализе группировались данные за 25 лет в пределах исторического этапа. Кодировка и подсчет результатов контент-анализа выполнены в программе QDAMinerLite. По биполярной шкале фиксировалось соответствие поведения героев анализируемого эпизода той или иной норме социального поведения; подсчитывался процент соответствия поведенческой нормы положительному полюсу шкалы (соответствующему высокому значению индекса Хофстеде). Полученная матрица обработана методом факторного анализа. Результаты проанализированы с точки зрения содержательного наполнения, предсказанного и полученного исследователями как аспекты базовых размерностей.

Результаты исследования

Факторизация данных с использованием программы SPSS 22 по 127 кейсам методом главных компонент (КМО = 0,638) дала 19 факторов по критерию Кайзера (т. е. число собственных значений, больших 1, равно 19). Эти 19 факторов объясняют 69,674 % общей дисперсии данных. Применение косоугольного вращения с целью оценки корреляции между факторами показало отсутствие значимых коэффициентов корреляции¹⁹. Поэтому было выполнено ортогональное вращение варимакс. Полученные факторы названы по значимым шкалам и отнесены к базовой размерности.

В таблице 1 приведено соответствие полученных факторов базовым культурным

размерностям Г. Хофстеде. В скобках указано собственное значение фактора, указан также порядковый номер фактора.

Как правило, факторы составлены шкалами, входящими в одну базовую размерность.

Таким образом, в размерности PDI (властная дистанция) выделены независимые аспекты силовой власти, делегирования власти, привилегий власти и институциональной иерархии. Размерность UAI (избегание неопределенности) представлена аспектами супер-эго; потребности в безопасности; ориентации на правила; национализма как ценности (контекст — ситуация угрозы группе); избегания когнитивной неопределенности; избегания ценностной неопределенности; значимости групповой оценки. В размерности IDV (индивидуализм) выделяются нормативный, когнитивный, эмоциональный и аффилиативный аспекты. В размерности MAS (маскулинность) — аспекты ассертивности, эстетики, образа женщины во власти и гендерной нормы.

В четырех случаях фактор составлен шкалами разных размерностей. Формируемая ими диспозиция между размерностями (положительная корреляция властной дистанции и избегания неопределенности, отрицательная — между индивидуализмом и властной дистанцией) не противоречат результатам, описанным Хофстеде [22: с. 186]. Получены также факторы, нарушающие теоретические ожидания. В фактор 5 «Объединение на основе размышления, автономия, разнообразие, желание, сильная потребность в консенсусе», образованный шкалами размерности IDV (индивидуализм), вошла шкала уверенности, относящаяся к размерности UAI (властной дистанции). В факторе 15 «Женщины во власти не должны демонстрировать мужество, легитимность власти не имеет значения» получено рассогласование факторов MAS (маскулинность) и PDI (властная дистанция), по данным Хофстеде, как правило, сонаправленных. В одном случае (фактор 9 «Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости») шкалы одной размерности MAS (маскулинность) противоположно направлены, что продиктовано социальным контекстом его актуализации: необходимость героического сплочения.

¹⁹ Таблица корреляции [Электронный ресурс] // Математическая статистика для психологов. URL: <https://statpsy.ru/correlation/tablica-correlations/> (дата обращения: 16.05.2021).

Таблица 1

Факторное наполнение базовых размерностей ценностных ориентаций

Базовая размерность Хофстеде	Факторы исследования
PDI — властная дистанция (нормы иерархических отношений)	1. Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры (8,876). 7. Доминант старается не подчеркивать могущество, вера в индивидуальные решения (1,760). 10. Власть предрасполагает к привилегиям, время — деньги (1,561). 19. В мире существует порядок неравенства, определяющий место человека (1,020)
UAI — избегание неопределенности (правила и предписания)	3. Сильное суперэго, настрой на тяжелую работу, потребность в консенсусе (2,387). 4. Неопределенность — угроза, забота о безопасности в жизни (2,161). 8. Потребность в писаных правилах и предписаниях, консерватизм, закон, порядок (1,724). 11. Национализм; если правило невозможно исполнить, мы — грешники (1,472). 12. Обычные люди некомпетентны по сравнению с авторитетами, вера в экспертов (1,416). 13. Поиск непоколебимых истин и ценностей, широкая демонстрация эмоций (1,362). 14. Достижение определяется в терминах одобрения (1,289)
IDV — индивидуализм (норма контроля со стороны группы)	2. Право на частную жизнь и мнения, доминирование мужчин, значимость индивидуального достижения и лидерства (3,171). 5. Объединение на основе размышления, автономия, разнообразие, желание, сильная потребность в консенсусе (2,080). 16. Эмоциональная зависимость от группы, широкая демонстрация эмоций (1,187). 17. Потребность в конкретных дружеских связях (1,079)
MAS — маскулинность (жесткость мужских и женских культурных ролей)	6. Демонстративная мужественность, амбиции (1,880). 9. Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости (1,582). 15. Женщины во власти не должны демонстрировать мужество, легитимность власти не имеет значения (1,245). 18. Мужчины должны быть напористы, женщины — заботливы (1,069)

Причиной расслоения единого по смысловому наполнению фактора на субразмерности стала выражено различная временная динамика. Так, среди факторов размерности «Властная дистанция» средние значения по фактору 1 «Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры» исторически возрастают (см. рис. 1), а по фактору 19 «В мире существует порядок неравенства, определяющий место человека» — снижаются. Разброс значений по единичным отрезкам времени также различается, что отражает широту нормативного суждения и допустимых отклонений для той или иной ценностной facets.

В ряде случаев можно предположить наличие колебательной зависимости.

Циклические модели данных исследуются с помощью спектрального анализа, или анализа Фурье, который позволяет во временном ряду, выглядящем как случайный процесс,

выделить несколько волн разной длины (периодов). Это достигается путем оценки спектральной плотности мощности (СПМ) — функции распределения мощности сигнала по частотам, определяющей точность, в которой колебание заданной частоты описывает ряд экспериментальных данных. Показателем спектральной плотности мощности для заданной частоты является периодограмма. Поскольку экспериментальные данные содержат шум, для выделения частот с наибольшим вкладом в гармонический ряд проводится процедура сглаживания периодограммы, т. е. последовательная оценка фрагментов временного ряда определенной длины («окна») со сравнением результатов, что уменьшает значение случайных пиков. Здесь выполнено сглаживание с окном Хэмминга.

Проведен одномерный анализ Фурье (Statistica 10; $N = 20$; среднее и тренд исключены; окно Хэмминга = 5), позволивший

выделить колебания с различными периодами (см. Приложение).

Помня, что данные могут быть существенно зашумлены, рассмотрим случаи с наибольшими значениями периодограммы и спектральной плотности (рис. 1–6).

Разные факторы показывают различные паттерны колебательной зависимости. Так, фактор 8 «Потребность в писаных правилах и предписаниях, консерватизм, закон, порядок» имеет один значимый период — 2, т. е. эта ценностная норма демонстрирует выраженные колебания с циклом 50 лет (рис. 4). В других случаях на периодограмме присутствует несколько пиков, т. е. процесс представляет собой колебание, состоящее из нескольких частот. В случае сложных колебаний с несколькими пиками указана наиболее выраженная частота.

Наиболее ярко выражена периодическая закономерность для колебаний высокой частоты. Ритм 50 лет показали факторы 8 «Потребность в писаных правилах и предписаниях, консерватизм, закон, порядок» (периодограмма — 3,553; СПМ — 1,948; рис. 4) и 9 «Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости» (периодограмма — 3,319; СПМ — 1,904; рис. 5); фактор 9 показал также вторую частоту — 100 лет (периодограмма — 2,165; СПМ — 1,394). Эта частота значима также для фактора 1 «Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры», имеющего сложный характер колебания (периодограмма — 2,165; СПМ — 1,394). На графиках колебание более четко видно для фактора 8, отражающего активность апелляций к консерватизму, что, в отличие от эстетики, систематически отражается во властном дискурсе. Общий тренд фактора — снижение. Минимальные значения приходятся на начало правления Петра I и время собирания русских земель Василием III, когда централизация власти вошла в конфликт с традиционными правилами передачи власти в удельных княжествах. Пики — правление Ивана Грозного, династический кризис пресечения династии Рюриковичей, конец правления Николая I.

По фактору 9 «Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости» максимумы приходятся на времена позднего Алексея Михайловича, Пугачевского восстания,

1920-е гг. и брежневскую эпоху. В истории искусства это стили: нарышкинское барокко (нарастание рационального начала, богатое рельефное убранство²⁰), ранний классицизм (сохраняющие богатый декор строгие и массивные дворцы, призванные отражать силу и характер монарха²¹), конструктивизм («План монументальной пропаганды»); советский модернизм — «замена декоративности на функциональность, “панельки” и бетон» (И. Юн²²). Все перечисленные художественные стили связаны с монументальными тенденциями и активным массовым строительством. Минимумы («Красиво изящное и хрупкое, идеал независимости») показывают эпохи Петра I и Елизаветы, что покажется странным, поскольку идеи государственного величия в это время исключительно значимы. Однако в искусстве еще недостаточно ресурсов «дойти до вершин» (Н. Н. Врангель [3: с. 21]), в архитектуре преобладают камерные формы (Монплеизир), а в эстетике доминирует ориентация на куртуазность, развиваются балет, поэзия, art event (организация празднеств) — скорее блеск, нежели монументальность. Поэты этой поры (А. Д. Кантемир, В. П. Сумароков) открывают традицию российского литературного вольнодумия. Можно заключить, что исторические нарративы адекватно отражают эстетические предпочтения эпохи²¹.

Период 500 лет получен для фактора 2 «Право на частную жизнь и мнения, доминирование мужчин, значимость индивидуального достижения и лидерства» (периодограмма —

²⁰ Нарышкинское барокко [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/2250345/ (дата обращения: 24.04.2021).

²¹ Архитектурный стиль Екатерининской эпохи [Электронный ресурс] // Персональный сайт архитектора К. Имендаева. URL: <https://ardburo.ru/txt-103.html> (дата обращения: 24.04.2021).

²² Юн И. Советский модернизм — потерянная мечта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buro247.kz/lifestyle/design/sovetskiy-modernizm-poteryanaya-mechta.html/> (дата обращения: 24.04.2021).

²³ Русское искусство середины XVIII века. Архитектура. Скульптура. Живопись. Графика [Электронный ресурс]. URL: <https://iskusstvoed.ru/2017/03/02/russkoe-iskusstvo-serediny-xviii-veka-arh/#-XVIII/> (дата обращения: 24.04.2021).

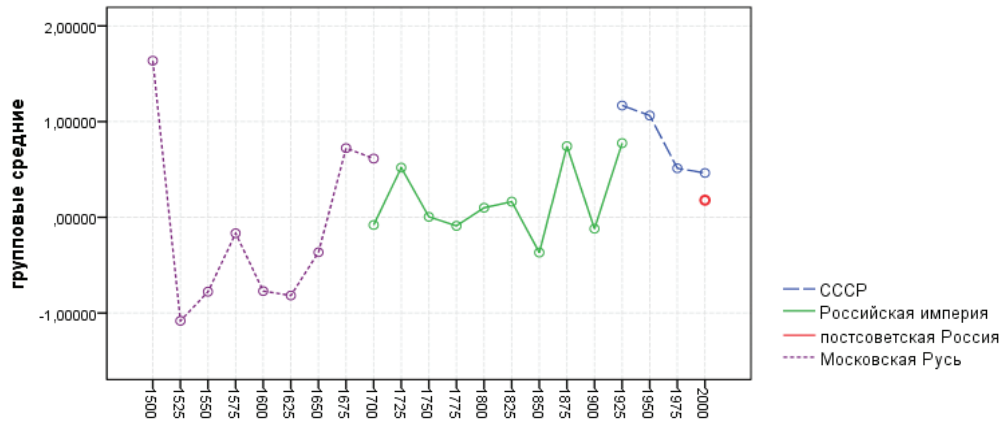

Рис. 1. Фактор 1 «Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры»

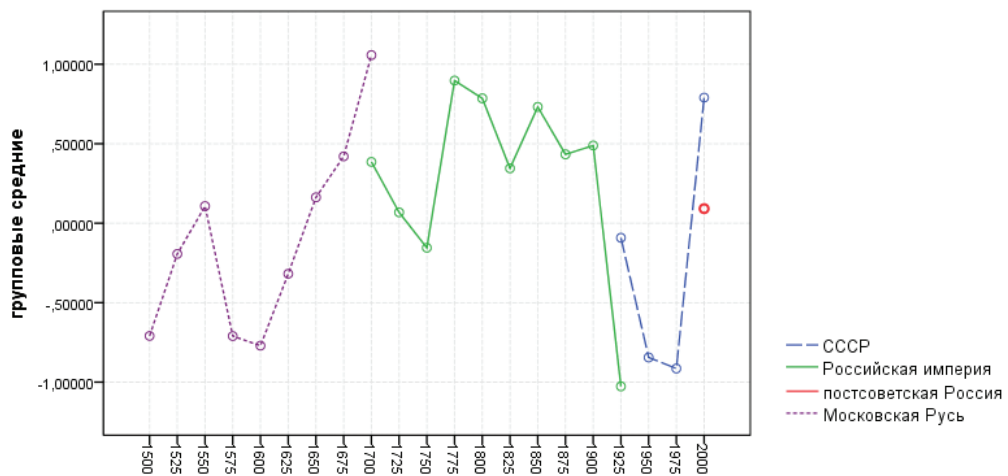

Рис. 2. Фактор 2 «Право на частную жизнь и мнения, доминирование мужчин, значимость индивидуального достижения и лидерства»

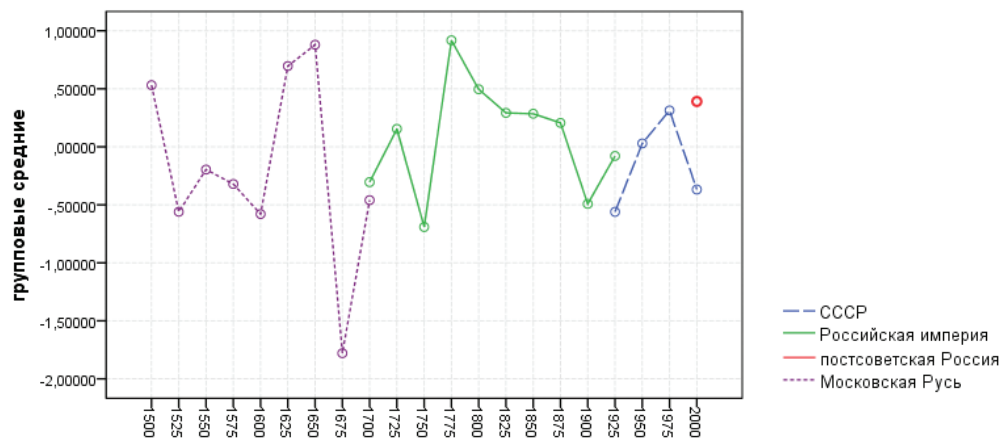

Рис. 3. Фактор 4 «Неопределенность — угроза, забота о безопасности в жизни»

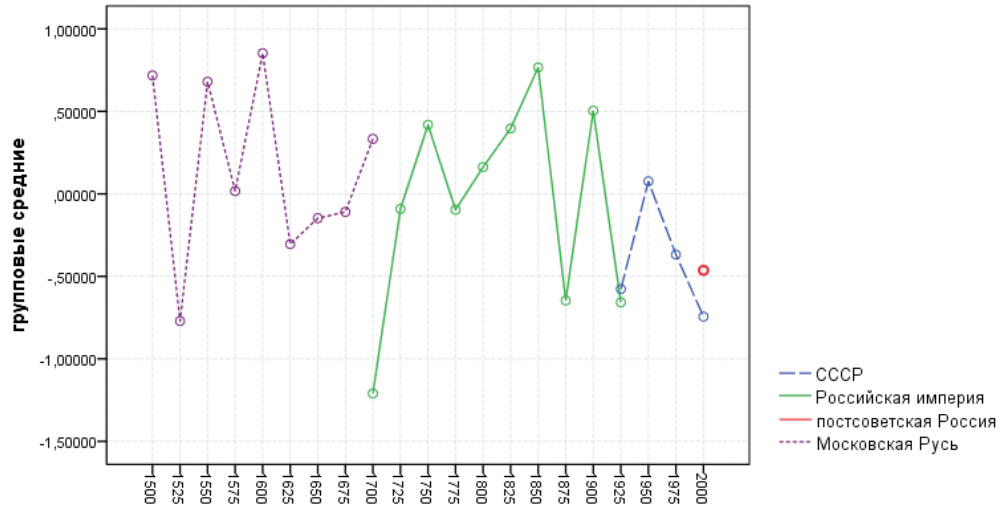

Рис. 4. Фактор 8 «Потребность в писаных правилах и предписаниях, консерватизм, закон, порядок»

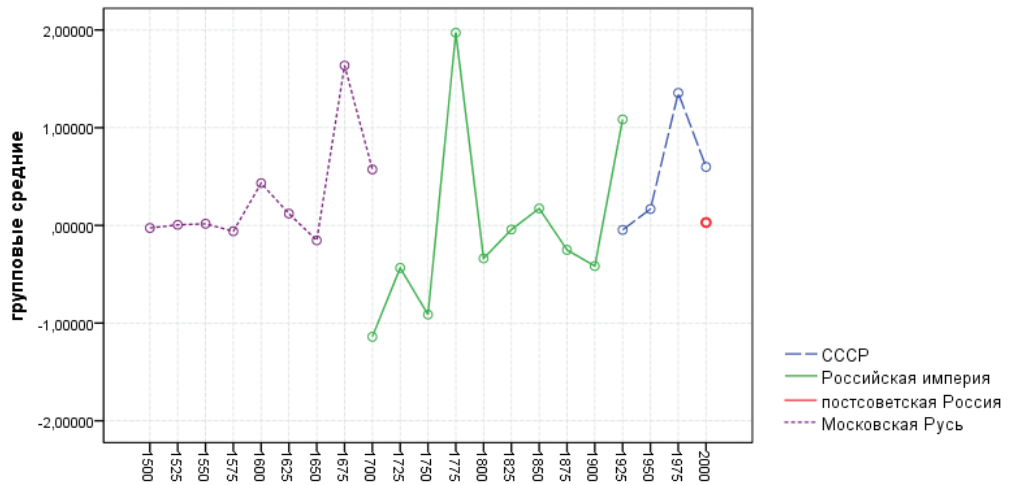

Рис. 5. Фактор 9 «Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости»

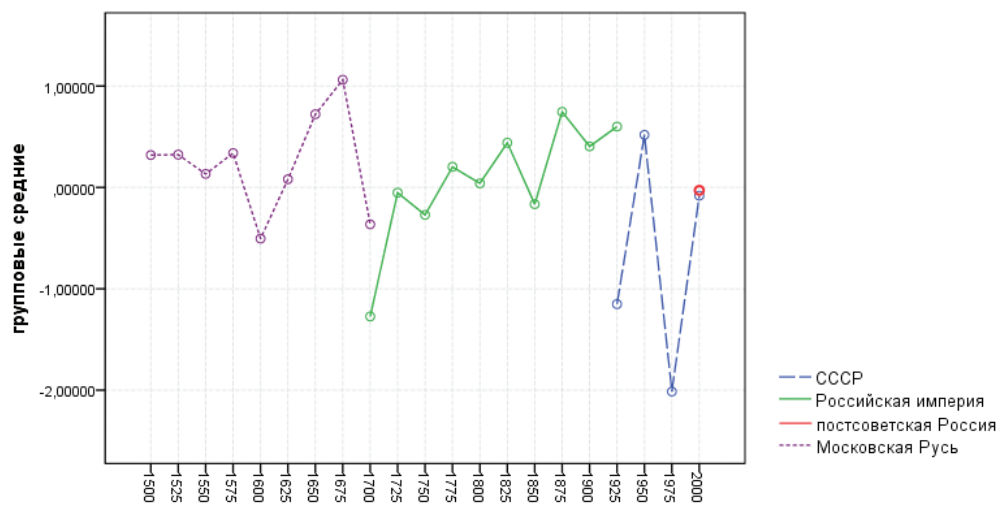

Рис. 6. Фактор 11 «Национализм; если правило невозможно исполнить, мы — грешники»

3,275; СПМ — 1,706; рис. 2). Максимальную ориентацию на группу показывают тексты времени поздних Рюриковичей и позднего Советского Союза, максимальный индивидуализм и ориентацию на свершение — тексты середины XVIII в., когда распространяются идеи Просвещения: разум, наука, прогресс.

Период в 250 лет показал фактор 1 «Принудительная власть, ответственность на побежденном, способ смены социальной системы — свержение властной фигуры» (периодограмма — 2,475; СПМ — 1,239; рис. 1). Общий тренд — рост. Пики: правления Ивана III, Петра I, Сталина. Эпохи легитимной власти — ранние Романовы и Александр II Освободитель. Следует учесть, что анализ построен на материалах властного дискурса и отражает не фактическую допустимость насилия в социуме, а предпочтительную аргументацию в официальных документах. Однако выбор аргументов в социально значимых текстах означает, что эти ценности распространены в обществе.

Периодичность с частотой 71,5 год имеет фактор 4 «Неопределенность — угроза, забота о безопасности в жизни» (периодограмма — 2,319; СПМ — 1,482; рис. 3). Правильный характер колебаний может свидетельствовать о том, что категория отражает не реакцию на ситуативные стрессоры, а более упорядоченное явление, возможно социогенного характера. Максимумы приходятся на время после Смуты, правление Павла, брежневский СССР. Эти периоды характеризуются большим количеством правил, регламентирующих поведение в разных жизненных ситуациях; их может объединять стремление отсрочить наступление назревших перемен или сформированность локальных социальных групп, оберегающих свою закрытость. Наибольшая толерантность к неопределенности декларируется в правления Алексеевичей — Федора, Софьи и молодого Петра, когда Россия стоит на пороге реформ в «преобразовательном настроении», созданном Алексеем Михайловичем [7: с. 335]

Цикл в 55 лет показал фактор 11 «Национализм; если правило невозможно исполнить, мы — грешники» (периодограмма — 2,089; СПМ — 1,282; рис. 6). График имеет характерную форму медленного поступательного

подъема с резким снижением, приходящимся на моменты смены государственного устройства. Наибольшие значения дают правления Алексея Михайловича, Александра III, И. В. Сталина. Наименьший национализм и ориентацию на изменение невыполнимых правил демонстрируют петровская, ленинская и хрущевская эпохи. Таким образом, фактор не связан напрямую с ситуацией войны или мира. Краткость цикла позволяет искать в его основе межпоколенные механизмы.

Наиболее весомые факторы показывают наибольшую длину волны, т. е. бóльшая доля дисперсии объясняется характеристиками, наиболее устойчивыми к изменениям. Это косвенно подтверждает валидность исследования, показывая, что синхронные нарративы отражают, а категориальная сетка позволяет вычленить ценностные и поведенческие феномены разного уровня («ядерные» и «адаптивные»).

Не для всех графиков выявлена периодическая структура. По-видимому, ряд аспектов ценностных ориентаций находится под влиянием воздействий, имеющих периодический характер, другие же нормы и ценности лежат вне этого влияния, будучи обусловлены ситуативно.

Обсуждение результатов

Полученные эмпирически факторы содержательно соответствуют размерностям, предсказанным и полученным исследователями в различных аксиологических опросах и тематических исследованиях. Факторная структура подобна структурам, получавшимся ранее при контент-анализе исторических текстов, принадлежащих различным культурам и эпохам и относящихся к различным жанрам [5]. Полученные для размерности PDI аспекты силовой/легитимной власти, делегирования власти и институциональной иерархии по смыслу соотносимы с субразмерностями «харизматически / ценностно ориентированное лидерство», «ориентация на команду» и негативно — «автономное лидерство» исследования GLOBE; субразмерность привилегий власти соотносима с субразмерностью

«партиципативность» (автократичность и неучастие) [20: с. 137]. В контексте современной культуры варибельность нормы иерархических отношений существенно меньше, чем в культурном спектре XVI–XX вв. Факторы размерности UAI («избегание неопределенности») соотносятся с данными исследований Дж. Лэдбери, В. Хинца и С. Венаика, П. Брюера, а именно: потребность в безопасности и готовность к принятию риска, стресс; ориентация на правила и практики ориентации на правила; избегание когнитивной неопределенности и суждения, принятие решений; избегание ценностной неопределенности и стремление к ориентации на правила [27; 31]. Факторы «суперэго»; «национализм как ценность» и «значимость групповой оценки» повторяют размерности, ранее полученные при контент-анализе античных и средневековых текстов [4; 5]. Факторы размерности IDV («индивидуализм») сопоставимы с субразмерностями индивидуализма по исследованиям Дж. Хауса и соавт. [20: с. 12], Ю. Городниченко и Ж. Роланда [21], Э. Оу и соавт. [18]: культурная норма (право на частную жизнь и мнения, значимость индивидуального достижения) и институциональный коллективизм (степень поощрения коллективных действий), гуманная ориентация (групповое поощрение просоциального поведения) [24: с. 459], Я-концепция [19]; ориентация на размышление и когнитивные аспекты [19]; эмоциональная (не)зависимость от группы и автономия/встроенность [18]; потребность в конкретных дружеских связях и ингрупповой коллективизм (степень привязанности к группе) [24: с. 12], независимость/взаимозависимость [18], межличностные отношения [24]. Выявленные аспекты размерности MAS («маскулинность») подобны субразмерностям, выделенным Л. Хэкетт и Е. Крук: гендерная норма — аспектам поведения и предпочтений, эстетика — характеристикам внешнего вида. Фактор образа женщины во власти повторяет ранее полученные [4; 5]; его появление обусловлено контекстом исследования, задающим большую вариативность исторических женских образов.

Можно заключить, что мультифакетность является объективной характеристикой базовых размерностей ценностных ориентаций

культуры по Г. Хофстеде. Тексты властного дискурса, несмотря на его специфичность, в целом адекватно отражают общие аксиологические приоритеты эпохи. Последнее является оптимистичным выводом для исторического психолога, поскольку этот дискурс системно представлен в сохранившихся документах древних эпох. Вместе с тем применение размерностей, полученных на современном социуме, к историческим материалам может оказаться недостаточно валидным в силу как расхождения древней и современной организации социума и, соответственно, картины мира, так и по причинам, коренящимся в материалах и процедуре исследования. Контроль конфаундеров (переменных, сопутствующих независимым) может быть реализован путем сравнения с суждениями, высказанными в текстах, не вошедших в анализ, мнениями историков и искусствоведов, в соответствии с методологическими приемами психосемантического этнокультурного исследования: «Понимание поступка и высказывания человека другой культуры требует выхода за рамки чисто вербального или даже “поведенческого” текста и требует рассмотрения в широком контексте представлений, ценностей и стереотипов обыденного житейского сознания, присущих человеку этой культуры» [12: с. 466].

Ряд факторов отразил цивилизационный тренд в развитии ценностной ориентации. Так, возрастает норма властного принуждения, суперэго, снижается норма неравенства. В других случаях получена колебательная динамика.

Колебательные закономерности в развитии человеческих обществ отмечались еще Полибием (ок. 200 – ок. 120 до н. э.). Дж. Вико (1668–1744) выдвинул циклическую теорию развития общества, предложив в качестве метода объективного понимания истории системное изучение факторов, объясняющих поведение людей, — обычаев, институтов, мифологии, законодательных систем. А. Тойнби предполагал в качестве движущей силы истории воздействие на общество внешней среды — природных или социальных условий. Практические исследования колебаний в исторических процессах основывались

на демографических показателях и экономических данных. Была выдвинута теория синхронности циклов в истории обществ Евразии [8; 10: с. 20].

В зависимости от исторического масштаба исследования и анализируемых факторов исследователи описывают волны разной длины. А. В. Коротаев и С. В. Цирель на историческом материале выявили наличие макроуровневых тысячелетних демографических и экономических волн [8]. Модель М. Шильмана, охватывающая данные за XXV в. до н. э. – XIV в., основывалась на параметрах «количество демографических циклов»; «численность городского населения»; «общая площадь империй»; «число независимых государственных структур»; «глобальные миграционные циклы». Шильман сделал вывод о наличии синхронного гармонического колебания исследуемых параметров с периодом около 7 веков²⁴. Ф. Сириан выявил «вековые тенденции» ценовых колебаний, т. е. экономический цикл величиной ок. 200 лет (цит. по: [10: с. 12]). На материале численности населения также были выделены «вековые циклы» с периодичностью 150–300 лет [30]. В популяционной экологии выделяют поколенные циклы (ок. 25 лет), такие как периодические колебания возрастной структуры популяций. Описаны циклы около 50 лет, фиксирующие смену поколений с высокой и низкой рождаемостью [32]. Кондратьевские циклы (циклы конъюнктуры, смена которых связана с качественными изменениями в хозяйственной жизни общества) составляют 40–60 лет [8]. А. В. Ткаченко предположил наличие 30–35-летних циклов, определяемых межпоколенными отношениями, динамикой социальных связей и обусловленных ими реакций на вызовы среды²⁵. Г. В. Талалаева, исследуя биологические ритмы, выделила 7-летние циклы как волновую форму памяти человеческого сообщества о пережитых экстремальных

событиях и степени успешности адаптации к ним членов данного сообщества [14: с. 172].

Выявленные нами колебания ценностных ориентаций частично соответствуют циклам, известным для экономических и демографических процессов, но, по-видимому, объясняются не только ими.

В частности, длинная (500 лет) волна на факторе 2 «Право на частную жизнь и мнения, доминирование мужчин, значимость индивидуального достижения и лидерства» (второй полюс — «Частная жизнь охвачена организацией или кланом, мнения предопределены, равенство между полами, значимость принадлежности к группе, идеал членства») по временному масштабу может быть сопоставлена с описанной Л. Н. Гумилевым динамикой пассионарного подъема — надлома. Концепция пассионарности не сводится к подъему индивидуалистических настроений, однако значимость личного свершения играет в ней ключевую роль. Нужно оговориться, что у Гумилева пассионарный толчок — непериодический, единичный феномен, привязываемый к культуре, а не к популяции, так что в русской истории было выделено два толчка, давших древнерусскую и российскую этнокультурные системы [3: с. 417].

На ценностную динамику оказывает влияние межпоколенная трансляция ценностей и ее смещения, характер вновь возникающих социальных групп и возможности их самореализации в существующем социуме. Так, по Л. Н. Гумилеву, экспансия пассионарности осуществляется за счет мобильности молодых групп, покидающих родительское поселение. Освоение русскими Сибири в XVII в. соответствует этому механизму. На передачу культурной нормы оказывают влияние плотность населения, характер социальных сетей, гомогенность социальной среды, количественное соотношение представителей старшего и младшего поколений. М. Мид выделяет постфигуративные, кофигуративные и префигуративные культуры по направлению трансляции нового поведения и связывает их с темпом изменений, различием чувства преемственности, теснотой контакта поколений, отношением ко времени, т. е. различными аспектами размерностей избегания неопределенности и индивидуализма Хофстеде [9: с. 322].

²⁴ Шильман М. Демографические циклы и макроисторические изменения: сравнительный анализ [Электронный ресурс]. URL: <http://abuss.narod.ru/texthtml/nefcycles.htm> (дата обращения: 17.04.2021).

²⁵ Ткаченко А. В. Циклическое развитие российского общества // Системная психология и социология. 2014. № 3 (11). С. 89–105.

Короткие волны (50; 55 лет) могут быть обусловлены механизмами межпоколенной трансляции ценностей и соотноситься с мотивационными аспектами циклов экономической активности соответствующей периодичности (кондратьевские волны, 40–60 лет). Приведенный С. А. Нефедовым график темпов роста российского населения за 1719–1897 гг. [10: с. 161] позволяет определить периодичность ок. 53 лет.

В рамках системной психологии любую деятельность рассматривают как «работу системообразования или системорегуляции, направленную на развитие значимой для человека системы (т. е. воспроизведение новых элементов этой системы) или увеличение ее упорядоченности благодаря установлению новых внутренних и внешних связей этой системы» [13: с. 141]. Следовательно, последовательное переключение направления ценностной ориентации имеет определенное адаптивное значение для эволюции социальной системы. Можно предположить, что широкая популярность в обществе той или иной ценностной ориентации предоставляет носителям альтернативной стратегии поведения определенные адаптационные преимущества, что тормозит распространение поведенческих сценариев и скриптов, декларирующих исходную ориентацию, несмотря на ее социальную желательность; они приобретают символический характер, становясь инструментом сплочения группы. Так, распространившаяся в коммуникативной норме 1960-х гг. ирония позволяла избегать неудобных дискуссий о перспективах коммунистического строительства; к 1990-м гг. ирония вырождается в стеб, а в позитивном образе сменяется гламуром, что позволяет демонстрировать экономический статус возможным партнерам и конкурентам; в 2010-е гг. гламур, в свою очередь, сменяется явлениями дауншифтинга и «новой искренности». Другим возможным ограничителем тенденции является накопление совокупной тревожности, вызванной чрезмерным отходом от привычного поведения.

Механизмом колебаний ценностных предпочтений могут быть какие-либо социальные и демографические явления (например,

плотность населения, половозрастной состав, замкнутость и активность отдельных социальных групп, новации в совместной деятельности), влияющие на тесноту и структуру социальных контактов, что сказывается на динамике отдельных ценностных норм. В рамках кросс-культурной психологии ведутся активные исследования межпоколенной трансляции культурных ценностей с точки зрения механизмов трансляции, влияния культурного контекста [28; 30], активных агентов социализации и культурно нормированных паттернов социализации [16]. Исследователи связывают устойчивость ценности с низкой ее вариативностью в обществе, определяя ценностную общность группы понятием «дух времени», который может трактоваться более узко (этнически) и более широко (национально) [26]. Лучше транслируются коллективистские ценности, служащие сплочению группы и препятствующие отклонению от культурных ожиданий [29]. Закономерности и паттерны, полученные в кросс-культурных исследованиях, могут быть основанием для структурирования историко-психологических гипотез ценностной динамики.

Периодически воздействующее внешнее влияние может отражаться на ценностных ориентациях с большим или меньшим временным лагом, обусловленным социальными характеристиками: теснотой и избирательностью социальных контактов, поколенной структурой общества.

Ограничением исследования является обобщение на основе расчета средних значений, в то время как в реальном обществе нормы и ценности являются атрибутом и маркером отдельных социальных групп, а выраженная поляризация ценности отражает формирование антагонистических групп, вплоть до социальных классов. Социальный характер категориальной структуры может не полностью отражать внутренние причины описываемого феномена. Прогностические возможности циклических моделей нормообразования ограничены теоретическим характером этих моделей и высокой контекстностью человеческого поведения. Можно прогнозировать динамику той или иной ценности, но нельзя предсказать, как именно она проявится

в поведении. Для обоснования гипотез природы циклов в ценностных ориентациях и нормах поведения, прежде всего, нужно подтвердить воспроизводимость этих результатов.

Заключение

Факторная структура, полученная на су-женном материале (монокультурное исследование, властный дискурс), подобна полученным ранее на мультикультурном материале текстов различных жанров. Получено смысловое соответствие выделенных факторов субразмерностям, предсказанным и полученным

исследователями различных аспектов базовых ценностных ориентаций культуры по модели Г. Хофстеде. Расщепление базовых размерностей на facets на историческом материале обусловлено различной временной динамикой по отдельным facets. В ряде случаев зафиксирована колебательная зависимость. Длина выявленных волн соответствует циклам, известным в демографических, экономических и других исследованиях, однако прямой причинной связи проследить нельзя. Аксиологический подход может открыть новые ракурсы в исторической ритмике, но необходимо проведение дальнейших исследований с целью накопления базы данных.

Литература

1. **Брежнев Л. И.** Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М.: Политиздат, 1972. 535 с.
2. **Врангель Н. Н.** Императрица Елизавета и искусство ее времени // Свойства века: Статьи по истории русского искусства барона Николая Николаевича Врангеля / [сост., коммент., подгот. текста И. А. Лаврухиной]. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2001. С. 1–24.
3. **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с.
4. **Данилова А. Г.** Математическое моделирование культурно-исторических процессов по данным анализа культурных текстов // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 90–104. DOI: 10.7868/80205959218020095
5. **Данилова А. Г., Митина О. В.** Аксиологическое наполнение властного дискурса в истории России // Восьмой Российский Философский Конгресс — «Философия в полицентричном мире». Круглые столы: сб. науч. ст. / РФО; ИФ РАН; МГУ. М.: Логос; Новые печатные технологии, 2020. С. 592–595.
6. Историческая психология: предмет, структура и методы: учеб. пособие / под. ред. А. А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. 166 с.
7. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 8 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. 426 с.
8. **Коротаяев А. В., Цирель С. В.** Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / отв. ред.: Д. А. Халтурина, А. В. Коротаяев. М.: Либроком, 2010. С. 189–229.
9. **Мид М.** Культура и мир детства: Избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; сост., авт. послесл. и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1988. 429 с.
10. **Нефедов С. А.** Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России, конец XV – начало XX века / Рос. акад. наук, Ур. отд-ние, Ин-т истории и археологии. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2005. 539 с.
11. Памятники русского права: в 7 вып. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1959. 667 с.
12. **Петренко В. Ф., Митина О. А.** Политическая психология: психосемантический подход. Челябинск: Социум, 2018. 590 с.
13. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
14. **Талалаева Г. В.** Время, радиация и техногенез: биологические ритмы у жителей промышленных территорий. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 206 с.
15. A reconsideration of Hofstede's fifth dimension: New flexibility versus monumentalism data from 54 countries / M. Minkov et al. // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 52. № 3. P. 309–333. DOI: 10.1177/1069397117727488
16. **Arnett J.** Broad and narrow socialization: The family in the context of a cultural theory // Journal

of Marriage and the Family. 1995. № 57. P. 617–628. DOI: 10.2307/353917

17. **Brewer M. B., Chen Y. R.** Where (who) are collectives in collectivism? Toward conceptual clarification of individualism and collectivism // *Psychological Review*. 2007. Vol. 114. № 1. P. 133–151. DOI: 10.1037/0033-295x.114.1.133

18. Contextualism as an important facet of individualism-collectivism: Personhood beliefs across 37 national groups / E. Owe et al. // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. № 1. P. 24–45. DOI: 10.1177/0022022111430255

19. **Costa P. T., McCrae R. R.** Revised NEO personality inventory (NEO-PI-R) and NEO-five-factor inventory (NEO-FFI) manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources. 1992. 101 p.

20. Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies / ed. by R. J. House et al. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc. 2004. 753 p.

21. **Gorodnichenko Yu., Roland G.** Understanding the individualism-collectivism cleavage and its effects: Lessons from cultural psychology // *Institutions and comparative economic development* / ed. by Masahiko Aoki, Timur Kuran, Gérard Roland. London: Palgrave Macmillan, 2012. P. 213–236. (International Economic Association Series.) DOI: 10.1057/9781137034014_12

22. **Hofstede G.** Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 574 p.

23. **Hofstede G.** Culture's consequences. International differences in work-related values. Beverly Hills, LA: Sage Publications, 1980. 474 p.

24. **Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M.** Cultures and organizations: Software of the mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.

25. Individualism: one or many? / J. F. Morales et al. // *Psicothema*. 2000. Vol. 12, Supl. P. 34–44.

26. **Krause M.** What is Zeitgeist? Examining period-specific cultural patterns // *Poetics*. 2019. Vol. 76. P. 101352. DOI: 10.1016/j.poetic.2019.02.003

27. **Ladbury J., Hinsz V. B.** Uncertainty avoidance influences choices for potential gains but not losses // *Current Psychology*. 2009. Vol. 28. № 3. P. 187–193. DOI: 10.1007/s12144-009-9056-z

28. **Schönpflug U.** Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. № 2. P. 174–185. DOI: 10.1177/0022022101032002005

29. The intergenerational transmission of values in national and immigrant families: the role of Zeitgeist / P. Vedder et al. // *Journal of Youth and Adolescence*. 2009. Vol. 38. № 5. P. 642–653. DOI: 10.1007/s10964-008-9375-7

30. **Turchin P.** Long-term population cycles in human societies // *Annals New York Academy of Sciences*. 2009. Vol. 1162. № 1. P. 1–17. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2009.04447.x

31. **Venaik S., Brewer P.** Avoiding uncertainty in Hofstede and GLOBE // *Journal of International Business Studies*. 2010. Vol. 41. № 8. P. 1294–1315. DOI: 10.1057/jibs.2009.96

32. **Wachter K.** Elusive cycles: Are there dynamically possible Lee-Easterlin models for U. S. births? // *Population Studies*. 1991. Vol. 45. № 1. P. 109–135.

References

1. **Brezhnev L. I.** Leninskim kursom. Rechi i stat'i [Lenin's course. Speeches and articles]. Vol. 3. M.: Politizdat, 1973. 535 p.

2. **Vrangel' N. N.** Imperatricza Elizaveta i iskusstvo ee vremeni [Empress Elizabeth and the art of her time] // *Svoystva veka. Stat'i po istorii russkogo iskusstva* [Properties of the century. Articles on the history of Russian art]. SPb.: Zhurnal "Neva", Letnij sad, 2000. P. 1–24.

3. **Gumilev L. N.** E'tnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. M.: Tanais DI-DIK, 1994. 544 p.

4. **Danilova A. G.** Matematicheskoe modelirovanie kul'turno-istoricheskix processov po danny'm analiza kul'turny'x tekstov [Mathematical modeling of cultural and historical processes according to the analysis of cultural texts] // *Psixologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2018. Vol. 39, № 2. P. 90–104. DOI: 10.7868/80205959218020095

5. **Danilova A. G., Mitina O. V.** Aksiologicheskoe napolnenie vlastnogo diskursa v istorii Rossii [Axiological content of power discourse in the history of Russia] // *Vos'moj Rossijskij Filosofskij Kongress — «Filosofiya v policentrichnom mire»*. Krugly'e stoly'. Sbornik nauchny'x statej [Eighth Russian Philosophical Congress — "Philosophy in a polycentric world". Round tables. Collection of scientific articles] / RFO; IF RAN;

MGU. М.: “Logos”, Novy`e pechatny`e texnologii, 2020. P. 592–595.

6. Istoricheskaya psixologiya: predmet, struktura i metody`: ucheb. posobie [Historical psychology: subject, structure and methods: Textbook manual] / pod. red. A.A. Koroleva. М.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2004. 166 p.

7. **Klyuchevskij V. O.** Sochineniya v vos`mi tomax [Works in eight volumes]. Vol. 3. М.: Gospolitizdat, 1957. 426 p.

8. **Korotaev A.V., Cirel` S. V.** Kondrat`evskie volny` v mirovoj e`konomicheskoj dinamike [Kondratieff Waves in World Economic Dynamics] // Sistemy`j monitoring. Global`noe i regional`noe razvitie [System monitoring. Global and regional development]. М.: Librokom, 2010. P. 189–229.

9. **Mid M.** Kul`tura i mir detstva. Izbranny`e proizvedeniya [Culture and the world of childhood. Selected works]. М.: Nauka, 1988. 429 p.

10. **Nefedov S. A.** Demograficheski-strukturny`j analiz social`no-e`konomicheskoj istorii Rossii konecz XV – nachalo XX veka / Ros. akad. nauk, Ur. otd-nie, In-t istorii i arxeologii [Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia]. Ekaterinburg: Izd. UGTU, 2005. 540 p.

11. Pamyatniki russkogo prava. Vy`p. 5. Pamyatniki prava perioda soslovno-predstavitel`noj monarxii. Pervaya polovina XVII v. [Monuments of Russian law. Vol. 5. Monuments of law of the period of estate-representative monarchy. The first half of the XVII century] / pod red. L.V. Cherepnina. М.: Gosyurizdat, 1959. 667 p.

12. **Petrenko V. F., Mitina O. A.** Politicheskaya psixologiya: psixosemanticheskij podxod [Political psychology: psychosemantic approach]. Chelyabinsk: Socium, 2018. 590 p.

13. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. 2-e izd. М.: T8 Izdatel`skie Texnologii, 2017. 356 p.

14. **Talalaeva G. V.** Vremya, radiaciya i texnogenez: biologicheskie ritmy` u zhitelej promy`shlenny`x territorij [Time, Radiation and Technogenesis: Biological Rhythms in Residents of Industrial Areas]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2005. 206 p.

15. A reconsideration of Hofstede’s fifth dimension: New flexibility versus monumentalism data from 54 countries / M. Minkov et al. // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 52. № 3. P. 309–333. DOI: 10.1177/1069397117727488

16. **Arnett J.** Broad and narrow socialization: The family in the context of a cultural theory // Journal of Marriage and the Family. 1995. № 57. P. 617–628. DOI: 10.2307/353917

17. **Brewer M. B., Chen Y. R.** Where (who) are collectives in collectivism? Toward conceptual clarification of individualism and collectivism // Psychological Review. 2007. Vol. 114. № 1. P. 133–151. DOI: 10.1037/0033-295x.114.1.133

18. Contextualism as an important facet of individualism-collectivism: Personhood beliefs across 37 national groups / E. Owe et al. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44. № 1. P. 24–45. DOI: 10.1177/0022022111430255

19. **Costa P. T., McCrae R. R.** Revised NEO personality inventory (NEO-PI-R) and NEO-five-factor inventory (NEO-FFI) manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources. 1992. 101 p.

20. Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies / ed. by R. J. House et al. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc. 2004. 753 p.

21. **Gorodnichenko Yu., Roland G.** Understanding the individualism-collectivism cleavage and its effects: Lessons from cultural psychology // Institutions and comparative economic development / ed. by Masahiko Aoki, Timur Kuran, Gérard Roland. London: Palgrave Macmillan, 2012. P. 213–236. (International Economic Association Series). DOI: 10.1057/9781137034014_12

22. **Hofstede G.** Culture’s consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 574 p.

23. **Hofstede G.** Culture’s consequences. International differences in work-related values. Beverly Hills, LA: Sage Publications, 1980. 474 p.

24. **Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M.** Cultures and organizations: Software of the mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.

25. Individualism: one or many? / J. F. Morales et al. // Psicothema. 2000. Vol. 12, Supl. P. 34–44.

26. **Krause M.** What is Zeitgeist? Examining period-specific cultural patterns // Poetics. 2019. Vol. 76. P 101352. DOI: 10.1016/j.poetic.2019.02.003

27. **Ladbury J., Hinsz V. B.** Uncertainty avoidance influences choices for potential gains but not losses // Current Psychology. 2009. Vol. 28. № 3. P. 187–193. DOI: 10.1007/s12144-009-9056-z

28. **Schönpflug U.** Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts // Journal

of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. № 2. P. 174–185. DOI: 10.1177/0022022101032002005

29. The intergenerational transmission of values in national and immigrant families: the role of Zeitgeist / P. Vedder et al. // Journal of Youth and Adolescence. 2009. Vol. 38. № 5. P. 642–653. DOI: 10.1007/s10964-008-9375-7

30. **Turchin P.** Long-term population cycles in human societies // Annals New York Academy of Sciences. 2009. Vol. 1162. № 1. P. 1–17. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2009.04447.x

31. **Venaik S., Brewer P.** Avoiding uncertainty in Hofstede and GLOBE // Journal of International Business Studies. 2010. Vol. 41. № 8. P. 1294–1315. DOI: 10.1057/jibs.2009.96

32. **Wachter K.** Elusive cycles: Are there dynamically possible Lee-Easterlin models for U. S. births? // Population Studies. 1991. Vol. 45. № 1. P. 109–135.

Значимые колебания, выделенные с помощью анализа Фурье

Период, годы	Факторы исследования (цифра показывает номер фактора)	Периодограмма	Спектральная плотность
500	2. Право на частную жизнь и мнения, доминирование мужчин, значимость индивидуального достижения и лидерства	3,28	1,71
250	1. Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры	2,48	1,24
	14. Достижение определяется в терминах одобрения/уверенности	1,46	0,84
165	2. Право на частную жизнь и мнения, доминирование мужчин, значимость индивидуального достижения и лидерства	1,10	0,97
	4. Неопределенность — угроза, забота о безопасности в жизни	1,55	1,09
100	9. Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости	2,17	1,39
82,5	4. Неопределенность — угроза, забота о безопасности в жизни	1,41	1,26
	7. Доминант старается не подчеркивать могущество, вера в индивидуальные решения	2,05	1,21
	9. Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости	1,23	1,28
	17. Потребность в конкретных дружеских связях	1,01	0,84
71,5	1. Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры	1,19	1,18
	4. Неопределенность — угроза, забота о безопасности в жизни	2,32	1,48
	13. Поиск неколебимых истин и ценностей	1,52	0,99
62,5	1. Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры	1,78	1,32
	9. Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости	1,14	1,00
	10. Власть предрешающие наделены привилегиями, время — деньги	1,11	1,06
	11. Национализм; если правило невозможно исполнить, мы — грешники	0,90	1,27
55	10. Власть предрешающие наделены привилегиями, время — деньги	1,33	1,05
	11. Национализм; если правило невозможно исполнить, мы — грешники	2,09	1,28
50	1. Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры	2,48	1,24
	8. Потребность в писаных правилах и предписаниях, консерватизм, закон, порядок	3,55	1,95
	9. Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости	3,32	1,90

УДК 159.923

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.4

СИСТЕМА АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ В ПСИХОЛОГИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

З. В. Румянцева,
КГУ, Кострома,
rumschmus@mail.ru

В статье охарактеризована система акмеологических аспектов психологии музыкального образования и развития личности. Целью исследования является определение и систематизация основных ориентиров музыкально-психологического развития личности в русле акмеологической науки. Достижение продуктивности музыкально-педагогического образования зависит от преодоления ряда внешних и внутренних проблем под непосредственным воздействием акмеологических ориентиров в поиске решения задач прогрессивного функционирования.

Определение акмеологических ориентиров содействует повышению качества содержания музыкально-педагогического образования и способствует достижению высшей ступени индивидуального развития личности. Результаты проведенного системно-аналитического исследования показывают, что к акмеологическим ориентирам профессиональной подготовки педагогов-музыкантов относятся реализация интонационного и сенсорного воспитания личности; расширение области психологических знаний в направлении понимания специфики содержания музыкальной деятельности; изучение сущности творческого развития личности; обеспечение исследовательской направленности профессиональной деятельности педагога-музыканта.

Следование акмеологическим ориентирам как целевым установкам, содействующим саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации будущих педагогов-музыкантов, является необходимым условием системного формирования их психологической компетентности в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Ключевые слова: психология музыкального образования; акмеологические ориентиры; системный анализ; принципы акмеологического развития личности; музыкально-исполнительское искусство; художественно-творческое саморазвитие личности; интонационное воспитание; сенсорное воспитание.

Для цитаты: Румянцева З. В. Система акмеологических ориентиров в психологии музыкального образования // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 52–60. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.4

Румянцева Зоя Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры музыки Института культуры и искусств Костромского государственного университета, Кострома.

E-mail: *rumschmus@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-4499-206X

UDC 159.923

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.4

THE SYSTEM OF ACMEOLOGICAL GUIDELINES IN THE PSYCHOLOGY OF MUSICAL EDUCATION

Z. V. Rumyantseva,
KSU, Kostroma,
rumschmus@mail.ru

The article describes the system of acmeological aspects of music education psychology and personal development. The purpose of the study is to determine and systematize the main guidelines for the musical and psychological development of the individual in the mainstream of acmeological science. The achieving of the productivity of music and pedagogical education depends on overcoming a number of external and internal problems under the direct influence of acmeological guidelines in the search for solution of the progressive functioning problems.

The definition of acmeological guidelines contributes to improving the content of music and pedagogical education quality and contributes to the achievement of the highest stage of individual development of the personality. The results of the conducted system-analytical research show that the acmeological guidelines for the professional training of teachers-musicians include: the implementation of intonation and sensory education of the individual; the expansion of the field of psychological knowledge in the direction of understanding the specifics of the musical activity content; the study of the creative development nature of the individual; ensuring the research orientation of a teacher-musician professional activity.

Following acmeological guidelines as target settings, promoting self-development, self-improvement and self-realization of future teachers-musicians is a necessary condition for the systematic formation of their psychological competence in the process of professional activity.

Keywords: psychology of music education; acmeological guidelines; system analysis; principles of acmeological development of personality; musical and performing art; artistic and creative self-development of personality; intonation education; sensory education.

For citation: Rumyantseva Z. V. The system of acmeological guidelines in the psychology of music education // Systems psychology and sociology. 2021. № 3 (39). P. 52–60. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.4

Rumyantseva Zoya Vasilievna, Doctor of Psychological Sciences, Professor of Music Department at the Institute of Culture and Arts of Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: rumschmus@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4499-206X

Введение

Поиск акмеологических ориентиров на пути развития психологии музыкального образования является актуальной потребностью в становлении современного общества. Психология музыкальной деятельности способствует раскрытию необходимых условий профессиональной подготовки педагога-музыканта [10: с. 53; 22].

В результате включения человека в профессиональную деятельность его восприятие окружающей действительности, а также мышление и поведение постепенно приобретают профессиональный характер. Взгляд

на акмеологическую концепцию профессионального становления личности с системных позиций позволяет выделить ряд подсистем, развитие которых способствует реализации акмеологического потенциала [15: с. 126]. Выделяют следующие подсистемы, формирование которых определяет степень раскрытия акме в профессиональной деятельности: профессионализм деятельности и личности, нормативность поведения, развитие продуктивной Я-концепции [4: с. 285].

Вопрос преодоления препятствий к достижению акме в деятельности музыкантов тесно связан особенностями психолого-педагогической работы, направленной на создание

эффективных условий музыкального и профессионального развития личности [14: с. 3]. Обеспечение продуктивности музыкально-педагогического образования связано с преодолением внешних и внутренних проблем, не позволяющих в полной мере достигать успешности данного процесса. В этой связи определение акмеологических ориентиров в сфере совершенствования профессиональной подготовки педагогов-музыкантов может содействовать решению данных проблем [7].

В развитии общей и музыкальной культуры современного общества особая роль принадлежит классическому музыкальному искусству в силу его мощного психологического воздействия на эмоциональное состояние человека. Музыка, как и другие виды искусства, конкретизирует в художественном плане реальные жизненные ситуации, их осознание и переживание человеком позволяет ему сосредоточить внимание на своих эмоциональных впечатлениях и состояниях, переосмыслить их как основу преобразования личностной позиции и своего мироощущения [3].

На особую роль эмоциональной развитости личности как важнейшего условия достижения успеха в работе с детьми с целью воспитания у них благородных чувств (сочувствия, сострадания, переживания, миролюбия и др.), которые неотделимы от проявления любви, уважения, заботы и внимания к другим людям, указывал В. А. Сухомлинский [17: с. 37]. Поэтому духовное общение и понимание учителем чувств и переживаний детей оказывает положительное психологическое воздействие на них в решении воспитательных задач. Восприятие музыкального искусства и его творческое освоение создает неограниченные возможности для эмоционального развития личности обучаемого.

Важно сохранять традиции профессиональной подготовки педагогов-музыкантов, сложившиеся на всем пути становления музыкально-педагогического образования, поскольку именно от качественной музыкально-исполнительской подготовки, музыкальной эрудиции зависят подлинное творческое развитие и саморазвитие педагога-музыканта, а также решение задач в достижении духовно-нравственного воспитания и музыкально-творческого

развития молодого поколения. Для учителя музыки, по мнению Д. Б. Кабалевского, умение владеть музыкальным инструментом является одним из наиболее приоритетных в музыкальном образовании школьников [6: с. 8].

К проблемам внутреннего плана в музыкально-педагогическом образовании относится разработка содержания и методов обучения, а также обеспечение организации профессиональной подготовки [21: с. 63]. Во многом решению данных задач может содействовать системный анализ рекомендаций, сформулированных в акмеологии музыкально-педагогического образования.

Интонационное и сенсорное воспитание личности в музыкальной деятельности

Одним из важнейших акмеологических ориентиров профессиональной подготовки педагогов-музыкантов является реализация интонационного воспитания личности в освоении музыкального искусства. Термин «интонационное воспитание» принадлежит А. В. Малинковской, глубоко исследующей проблему воплощения интонационной природы музыки в деятельности музыканта-исполнителя-пианиста. В ее работах данная проблема рассматривается в контексте подготовки не только пианиста, но и — более широко — музыканта-исполнителя любого профиля. Интонационное воспитание — методически обоснованный, целенаправленный подход к развитию слухо-интонационной культуры музыканта и развитию его музыкального мышления как интонационного.

Постановка проблемы интонационного воспитания личности в освоении музыкального искусства исходит из положений интонационной теории Б. В. Асафьева, который полагал, что освоение музыки является видом познавательной деятельности человека, следовательно, «руководится сознанием и представляет собой разумную деятельность...» Включаясь в процесс интонирования, человек «не мыслит себя вне отношения к действительности» [1: с. 343]. Как отмечает А. В. Малинковская, слухо-интонационная культура музыканта «представляет определенную качественную ступень

сформированности слухового восприятия и слуховых представлений» [9: с. 150].

Интонационное воспитание педагогов-музыкантов в условиях профессиональной подготовки предполагает разработку методик интонационного воспитания, содействующих комплексному воздействию на личность в освоении интонационного содержания музыкально-исполнительской деятельности (вокальной, хормейстерской, инструментальной). Методика интонационного воспитания будущего педагога-музыканта в инструментальном обучении, стимулирует и развивает музыкальное мышление¹.

Реализация сенсорного воспитания личности в музыкальной деятельности является еще одним акмеологическим ориентиром в русле совершенствования профессиональной и музыкально-исполнительской деятельности будущих педагогов-музыкантов. Сенсорное воспитание в психологии означает целенаправленное развитие сенсорных процессов: ощущений, восприятий и возникающих на их основе представлений [5: с. 37].

Сенсорное воспитание включает развитие сенсорных способностей в музыкальной деятельности [2: с. 3]. Ощущения, восприятия, представления в своей совокупности определяют, по мнению А. Н. Леонтьева, «способность ощущения» личности [8: с. 45]. Совершенствование практических умений в музыкально-исполнительской деятельности зависит от достижений координации зрительных, слуховых и двигательных ощущений и представлений. В музыкально-исполнительской деятельности возникающую в ней сенсорную систему следует определить как интонационно-слуховую, состав которой включает зрительные, слуховые, тактильные, осязательные, вибрационные, кинестезические ощущения. Ведущим компонентом в интонационно-слуховой системе выступают интонационные ощущения, направленные на достижение координации зрительных, слуховых и двигательных ощущений и представлений.

Ощущения музыканта играют большую роль в совершенствовании его музыкально-слуховых и двигательных представлений. Воплощая исполнительский замысел, музыкант должен уметь выявить с помощью слуха (т. е. ощутить) выразительные музыкальные средства. Умение выявить мелодию, лад, звучание баса, динамическую красочность, гармонию, музыкальную форму вырабатывается на основе осознанного ощущения каждого из компонентов музыкальной фактуры произведения. В музыкально-исполнительской деятельности слуховая сфера музыканта неразрывно связана с самоконтролем за мышечными ощущениями. Для него чрезвычайно важно развитие «мышечного чувства» как способности осознавать мышечные ощущения при интерпретации музыкальных произведений. Овладение необходимым качеством звучания инструмента зависит от самоконтроля за мышечными ощущениями: осязательными, возникающими при звукоизвлечении; вибрационными, связанными с исполнением приемов крупной техники: октав, аккордов; кинестезическими, т. е. ощущениями силы, скорости и траектории движений рук [24].

В интонационных ощущениях проявляется специфика музыкального мышления, что обеспечивает взаимосвязь мыслительных и сенсорных процессов в музыкально-исполнительской деятельности. Осознанность сенсорных действий (ощущений, восприятий, представлений) обеспечивается осознанностью и контролем мышления за их соответствием художественному смыслу содержания музыкальной деятельности. Взаимосвязь мыслительных и сенсорных процессов выступает условием достижения ее необходимого качества как художественно-творческой деятельности [19: с. 45].

Содержание профессиональной деятельности педагога-музыканта характеризуется единством ее музыкально-исполнительского и педагогического компонентов. Сенсорное воспитание направлено на развитие сенсорных способностей личности, которые влияют на приобретение необходимого качества практических умений в пении, дирижировании хором, игре на музыкальном инструменте. Самоконтроль будущего педагога-

¹ Румянцева З. В. Акмеологическое развитие продуктивной компетентности будущих педагогов-музыкантов: дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2012. С. 75.

музыканта в области поиска соответствия ощущений и представлений (зрительных, слуховых, двигательных), мышечных состояний художественно-образному содержанию явлений музыкально-исполнительской деятельности — неотъемлемое условие его профессионального саморазвития.

Расширение области психологических знаний

Расширение области психологических знаний в русле понимания специфики содержания музыкальной деятельности и способностей личности к ее освоению представляет собой необходимый акмеологический ориентир. Психологические знания востребованы при освоении специфики содержания не только музыкальной деятельности, но и музыкального мышления. Будущие педагоги-музыканты должны осмысливать особенности проявления музыкального мышления как интонационного и ставить перед собой цель, направленную на его развитие. Освоение специфики музыкального мышления является основой интеллектуального развития музыканта и его интеллектуальных умений, которые также носят интонационный характер. Существенное значение имеет и понимание сущности музыкальных способностей, их психологической характеристики.

Несомненный вклад в объяснение природы музыкальных способностей внесли труды выдающегося ученого-психолога Б. М. Теплова. Его концепция, дающая обоснование сущности музыкальных способностей и музыкальной одаренности [18: с. 3], востребована в качестве методологической базы для разработки методик музыкального образования детей и юношества, а также для профессионального саморазвития будущих педагогов-музыкантов.

Исследования в области музыкальной психологии [20], психологии творчества и художественного творчества [16: с. 14] представляют широкий материал для изучения психологических основ содержания музыкальной деятельности и саморазвития в ней. Изучение теоретических положений и практического опыта в данных направлениях психологической науки ведет

к познанию будущим педагогом-музыкантом внутренних ресурсов самосовершенствования и их мобилизации в освоении профессии.

Особое направление в психологической подготовке педагогов-музыкантов имеет изучение области психолого-акмеологических знаний. Музыкальное искусство как сфера художественного творчества находится в русле акмеологических исследований. Идея совершенства в музыкальном искусстве находит свое отражение в исторически определенных требованиях к качеству музыкального образования и развитию в нем личности обучаемого [12: с. 136]. Совершенствование и самосовершенствование личности в освоении музыкального искусства — неотъемлемая установка процесса музыкального обучения на всех его этапах: от начального до профессионального обучения.

Музыкальное искусство как акмеологический потенциал развития современного общества в своем творческом наследии имеет бесценный опыт деятельности выдающихся мастеров музыкального исполнительства и педагогики (Ф. Лист, Ф. Шопен, Г. Г. Нейгауз, А. Б. Гольденвейзер, К. Н. Игумнов и др.). Анализируя их творческий опыт, нельзя не заметить общие педагогические установки виртуозных музыкантов при работе с учениками. Все они были неотделимы от поиска возможностей стимулирования саморазвития и самосовершенствования обучаемых в освоении музыкально-исполнительского искусства.

Разработка принципов акмеологического развития личности основывается на анализе специфики и закономерностей процесса освоения музыкально-исполнительского искусства, его художественно-творческого содержания в направлении достижения целей саморазвития и самосовершенствования личности обучаемого до высшего уровня ее развития — индивидуальности. Данные принципы, обеспечивающие системное решение профессиональных задач в совершенствовании подготовки учеников, можно охарактеризовать как составляющую акмеообразования личности в музыкальном образовании.

Среди принципов акмеологического развития личности в музыкальном образовании можно выделить следующие: прогнозирование

духовного результата музыкально-исполнительской деятельности и художественно-творческого саморазвития личности; целостное развитие обучаемого (как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности); целевая ориентация на освоение специфики содержания музыкально-исполнительской деятельности; стимулирование рефлексии обучаемого с целью достижения эталона художественного образца; акмецелевая стратегия художественно-творческого саморазвития в стремлении к профессионализму и мастерству.

Реализации принципов акмеологического развития личности в музыкальном обучении сопутствовала атмосфера разностороннего влияния выдающихся мастеров на своих учеников. Школа музыкально-профессионального обучения у них основывалась на найденных механизмах педагогического воздействия, оказывающих психологическое влияние на обучаемого и стимулирование его творческого саморазвития. В частности, особое внимание уделялось активизации этического и духовно-нравственного воспитания ученика в его личностно-профессиональном становлении. Развитие музыкального мышления являлось основой постижения специфики содержания музыкального искусства. Стимулирование рефлексии личности как процесса самопознания также было неотъемлемым требованием музыкального обучения, как и овладения критериями самооценки продуктивного результата освоения музыкально-исполнительской деятельности с целью достижения в ней профессионализма и мастерства.

В процессе занятий педагоги стремились расширить кругозор своих учеников, привить им понимание закономерностей процесса освоения искусства, раскрыть особенности творчества различных композиторов. Было важно воспитать у них уважение к музыкальному искусству и профессии музыканта-исполнителя и педагога на примере своих впечатлений от встреч с крупнейшими музыкантами, писателями, художниками.

В обучении учеников они следовали важнейшей психологической установке — воспитать ценностное отношение к явлениям музыкального искусства, ответственного выполнения роли посредника между композитором

и слушателями в интерпретации музыкального произведения. В музыкальном образовании духовно-нравственное воспитание личности обучаемого осуществлялось в единстве с его музыкально-профессиональным развитием. Как бы хорошо музыкант не владел мастерством, отмечал А. Б. Гольденвейзер, но «если он сам незначительный человек, и ему самому нечего сказать слушателям, его воздействие будет ничтожно»².

В своей педагогической деятельности Г. Г. Нейгауз также стремился к тому, чтобы ученик в овладении профессионализмом и мастерством стал равным своему учителю. «Считаю, что одна из главных задач педагога — сделать как можно скорее и основательнее так, чтобы быть ненужным ученику, то есть привить ему ту самостоятельность мышления, методов работы, самопознания и умения добиваться цели, которые называются зрелостью, порогом, за которым начинается мастерство» [11: с. 187]. Взгляды Г. Г. Нейгауза указывают на акмеологическую направленность его позиции в подготовке музыканта-исполнителя. Педагогические принципы выдающихся мастеров как принципы акмеологического развития личности в музыкальном образовании сохраняют свою актуальность и в современной психологии музыкального образования. Следование данным принципам служит одним из условий достижения продуктивности и необходимого качества профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов.

Творческое развитие личности в освоении музыкального искусства

Изучение сущности творческого процесса и творческого развития личности в освоении музыкального искусства является необходимым ориентиром профессиональной подготовки педагогов-музыкантов. Специфика профессиональных знаний педагога-музыканта включает и важность осознания качественных особенностей и сущности творческой

² Гольденвейзер А. Б. Статьи, материалы, воспоминания / [сост. и общ. ред. Д. Д. Благого]. М.: Сов. композитор, 1969. С. 55.

деятельности, художественного творчества в восприятии и воспроизведении явлений музыкально-исполнительского искусства. Для него акмеологическая направленность художественного творчества в музыкально-исполнительской деятельности основана на стремлении к самосовершенствованию как исторически определенному требованию к каждому, кто получает образование в области искусства.

Изучение личностного и процессуального аспектов творчества является востребованным направлением в содержании профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов. Характеристика творческих качеств личности и ее творческого потенциала наряду с характеристикой психологических особенностей творческой деятельности, понимание взаимодействия сознания и бессознательного в процессах творчества, несомненно, являются необходимой информацией для развития эрудиции студентов в области психологической науки и профессиональных знаний [23].

Обобщение исследовательских подходов к изучению особенностей характеристик творческих личностей содействует постижению сущности профессии педагога-музыканта. Музыкально-исполнительский компонент педагогической деятельности стимулирует развитие артистических качеств личности, необходимых и в профессиональном общении педагога с учащимися. Музыкальный и педагогический артистизм как профессионально значимые качества личности характеризуют особое обаяние и творческую устремленность деятельности педагога, вызывают интерес к педагогу и искусству, способствуют установлению доверительных отношений с учащимися [13: с. 210]. Развитие данных качеств личности предполагает не только создание специальных условий творческого освоения профессиональной подготовки, но также и артистически творческое саморазвитие педагога-музыканта.

Востребованность психолого-акмеологических знаний обоснована важностью побуждения будущего педагога-музыканта к творческому саморазвитию и самореализации в освоении профессиональной деятельности. Он должен осваивать ее как процесс,

сочетающий в себе акмеологическую направленность, творческое содержание и актуализацию достижения профессиональной компетентности в решении задач продуктивного духовно-нравственного и творческого развития молодого поколения.

Обеспечение исследовательской направленности профессиональной деятельности педагога-музыканта, способность продуктивно достигать поставленных целей в музыкальном образовании и воспитании детей во многом зависит от готовности педагога исследовать потенциальные возможности обучающихся в восприятии и освоении музыкального искусства и музыкальной деятельности. Важным является также анализ, развитие профессионально-педагогических способностей в управлении собой и деятельностью учащихся. Приобретение психологических знаний необходимо для развития готовности педагога к исследованию содержания обучения, процесса обучения, его методов и ситуаций, образовательной среды как акмеологических условий и факторов, оказывающих позитивное влияние на обучающихся в их творческом развитии и саморазвитии.

Заключение

Исследования показывают, что существует ряд акмеологических ориентиров, способствующих повышению качества профессиональной подготовки педагогов-музыкантов. Акмеологические ориентиры следует рассматривать в качестве целевых установок, содействующих саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации будущих педагогов-музыкантов в профессии.

К акмеологическим ориентирам профессиональной подготовки педагогов-музыкантов следует отнести реализацию интонационного и сенсорного воспитания личности в освоении музыкального искусства; расширение области психологических знаний в русле понимания специфики содержания музыкальной деятельности и способностей личности к ее освоению; изучение сущности творческого процесса и творческого развития личности в освоении музыкального искусства;

обеспечение исследовательской направленности профессиональной деятельности педагога-музыканта.

Реализация акмеологической направленности процесса обучения детей и юношества в области музыкального искусства во многом может быть более успешной при следовании акмеологическим ориентирам в профессиональной подготовке педагогов-музыкантов,

развитии у них готовности к исследовательскому подходу в решении профессиональных задач. Результатам исследования акмеологических аспектов психологии музыкального образования и развития личности следует обеспечить широкую базу внедрения в соответствующие профили обучения в условиях высшего образования.

Литература

1. **Асафьев Б. В.** Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. 375 с.
2. **Ветлугина Н. А.** Музыкальное развитие ребенка. М.: Просвещение, 1968. 413 с.
3. **Грибкова О. В., Квартальнова Е. А.** Музыкальное образование как фактор всестороннего развития личности // Искусство и образование. 2021. № 2 (130). Р. 99–105. DOI: 10.51631/2072-0432_2021_130_2_99
4. **Деркач А. А.** Акмеологические основы развития профессионала. М.: Воронеж, 2004. 752 с.
5. **Запорожец А. В.** Сенсорное воспитание дошкольников. М.: Просвещение, 2013. 98 с.
6. **Кабалевский Д. Б.** Основные принципы и методы программы по музыке для общеобразовательной школы. М.: Просвещение, 1983. 112 с.
7. **Корчагина Н. В.** Акмеологический аспект профессионализма музыканта-исполнителя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 3. С. 116–122.
8. **Леонтьев А. Н.** Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
9. **Малинковская А. В.** Фортепианно-исполнительское интонирование: Проблемы художественного интонирования на фортепиано и анализ их разработки в методико-теоретической литературе XVI–XX веков: очерки. М.: Музыка, 1990. 191 с.
10. Музыкальная психология и психология музыкального образования: теория и практика / под ред. Г. М. Цыпина. М.: Академия, 2011. 383 с.
11. **Нейгауз Г. Г.** Об искусстве фортепианной игры. М.: Музыка, 1982. 300 с.
12. Психология музыкальной деятельности: теория и практика / под ред. Г. М. Цыпина. М.: Academia, 2003. 368 с.
13. Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / ред.-сост.: Д. В. Ушаков. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 624 с.
14. **Румянцева З. В.** Развитие музыкального мышления будущего педагога-музыканта в художественно-творческой деятельности: учебное пособие. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 128 с.
15. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
16. **Селюч М. Г.** Развитие творческого потенциала личности руководителя образовательной организации: монография. Благовещенск: ГОАУ ДПО Амурский обл. ИРО, 2014. 115 с.
17. **Сухомлинский В. А.** Рождение гражданина. М.: Молодая гвардия, 1979. 335 с.
18. **Теплов Б. М.** Психология музыкальных способностей. М.; Л.: Изд-во АПН, 1947. 335 с.
19. **Торопова А. В.** Музыкальная психология и психология музыкального образования. М.: Юрайт, 2016. 245 с.
20. **Торопова А. В.** Психология музыкального образования и развития личности (методологический аспект) // Вестник МГУКИ. 2008. № 5. С. 200–204.
21. **Чупина В. А.** Акмеология профессионального образования: учеб. пособие. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2019. 97 с.
22. **Щербакова А. И.** Методы аксиологического анализа в совершенствовании современной системы музыкального образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 15. С. 11–15.
23. **Budoiu-Balan O.** The psycho-neurologic implications in musical phenomenon: Music and personal development // Psychology. 2019. Vol. 10. Iss. 08. P. 1217–1234. DOI: 10.4236/psych.2019.108078
24. **Olefy V.** The development of schoolchildren's individuality during musical activities // Psychological Journal. 2020. № 6 (10). P. 29–37. DOI: 10.31108/1.2020.6.10.3

References

1. **Asaf`ev B. V.** Muzy`kal`naya forma kak process [Musical form as a process]. L.: Muzy`ka, 1971. 375 p.
2. **Vetlugina N. A.** Muzy`kal`noe razvitie rebenka [Musical development of the child]. M.: Prosveshhenie, 1968. 413 p.
3. **Gribkova O. V., Kvartal`nova E. A.** Muzy`kal`noe obrazovanie kak faktor vsestoronnego razvitiya lichnosti [Musical education as a factor of comprehensive personal development] // *Iskusstvo i obrazovanie* [Art and Education]. 2021. № 2 (130), P. 99–105. DOI: 10.51631 / 2072-0432_2021_130_2_99
4. **Derkach A. A.** Akmeologicheskie osnovy` razvitiya professionala [Acmeological foundations of professional development]. M.: Voronezh, 2004. 752 p.
5. **Zaporozhecz A. V.** Sensornoe vospitanie doshkol`nikov [Sensory education of preschoolers]. M.: Prosveshhenie, 2013. 98 p.
6. **Kabalevskij D. B.** Osnovny`e principy` i metody` programmy` po muzy`ke dlya obshheobrazovatel`noj shkoly` [Basic principles and methods of the music program for general education schools]. M.: Prosveshhenie, 1983. 112 p.
7. **Korchagina N. V.** Akmeologicheskij aspekt professionalizma muzy`kanta-ispolnitelya [Acmeological aspect of professionalism of the musician-performer] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Sociology]. 2010. № 3. P. 116–122.
8. **Leont`ev A. N.** Problemy` razvitiya psixiki [Problems of the development of the psyche]. M.: Izd-vo MGU, 1981. 584 p.
9. **Malinkovskaya A. V.** Fortepianno-ispolnitel`skoe intonirovanie: Problemy` xudozhestvennogo intonirovaniya na fortepiano i analiz ix razrabotki v metodiko-teoreticheskoy literature XVI–XX vekov: ocherki [Piano-performing intonation: Problems of artistic intonation on the piano and analysis of their development in the methodological and theoretical literature of the XVI–XX centuries: essays]. M.: Muzy`ka, 1990. 191 p.
10. Muzy`kal`naya psixologiya i psixologiya muzy`kal`nogo obrazovaniya: teoriya i praktika [Music psychology and the psychology of music education: theory and practice] / pod red. G. M. Cypina. M.: Akademiya, 2011. 383 p.
11. **Nejgauz G. G.** Ob iskusstve fortepiannoj igry` [About the art of piano playing]. M.: Muzy`ka, 1982. 300 p.
12. Psixologiya muzy`kal`noj deyatel`nosti: teoriya i praktika [Psychology of musical activity: theory and practice] / pod red. G. M. Cypina. M.: Akademiya, 2003. 368 p.
13. Psixologiya tvorchestva: shkola Ya. A. Ponomareva [Psychology of creativity: the school of Ya. A. Ponomareva] / red.-sost. D. V. Ushakov. M.: In-t psixologii RAN, 2006. 624 p.
14. **Rumyanceva Z. V.** Razvitie muzy`kal`nogo my`shleniya budushhego pedagoga-muzy`kanta v xudozhestvenno-tvorcheskoj deyatel`nosti: uchebnoe posobie [Development of musical thinking of the future teacher-musician in artistic and creative activity: textbook]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2010. 128 p.
15. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel`skie Teknologii, 2017. 356 p.
16. **Selyuch M. G.** Razvitie tvorcheskogo potenciala lichnosti rukovoditelya obrazovatel`noj organizacii: monografiya [Development of the creative potential of the personality of the head of an educational organization: monograph]. Blagoveshhensk: GOAU DPO Amurskij obl. IRO, 2014. 115 p.
17. **Suxomlinskij V. A.** Rozhdenie grazhdanina [The birth of a citizen]. M.: Molodaya gvardiya, 1979. 335 p.
18. **Teplov B. M.** Psixologiya muzy`kal`ny`x sposobnostej [Psychology of musical abilities]. M.; L.: Izd-vo APN, 1947. 335 p.
19. **Toropova A. V.** Muzy`kal`naya psixologiya i psixologiya muzy`kal`nogo obrazovaniya [Musical psychology and psychology of musical education]. M.: Yurajt, 2016. 245 p.
20. **Toropova A. V.** Psixologiya muzy`kal`nogo obrazovaniya i razvitiya lichnosti (metodologicheskij aspekt) [Psychology of music education and personal development (methodological aspect)] // *Vestnik MGUKI*. 2008. № 5. P. 200–204.
21. **Chupina V. A.** Akmeologiya professional`nogo obrazovaniya: uchebnoe posobie [Acmeology of professional education: a textbook]. Ekaterinburg: Ros. gos. prof.-ped. un-t, 2019. 97 p.
22. **Shherbakova A. I.** Metody` aksiologicheskogo analiza v sovershenstvovanii sovremennoj sistemy` muzy`kal`nogo obrazovaniya [Methods of axiological analysis in improving the modern system of music education] // *Psixologiya i pedagogika: metodika i problemy` prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application]. 2010. №15. P. 11–15.
23. **Budoiu-Balan O.** The psycho-neurologic implications in musical phenomenon: Music and personal development // *Psychology*. 2019. Vol. 10. Iss. 08. P. 1217–1234. DOI: 10.4236/psych.2019.108078
24. **Olefy`r V.** The development of schoolchildren`s individuality during musical activities // *Psychological Journal*. 2020. № 6 (10). P. 29–37. DOI: 10.31108/1.2020.6.10.3

СИСТЕМНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

Т. В. Белашина,
НГПУ, Новосибирск,
tatyanelashina@mail.ru

Статья посвящена изучению системных особенностей мотивации личности. Представлено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление взаимосвязи мотивации и доминирующего психического состояния. Диагностика мотивации осуществлялась при помощи методики «Доминирующая мотивация» В. Н. Колюцкого – И. Ю. Кулагиной и тестов Т. Элерса на мотивацию к успеху и мотивацию избегания неудач. Для измерения доминирующего психического состояния использована методика определения доминирующего психического состояния Л. В. Куликова. В исследовании приняли участие 100 человек — сотрудники ГУ МВД России по Новосибирской области, из них 50 мужчин и 50 женщин.

Анализ данных показал, что для испытуемых ЭГ-1 (сотрудники-мужчины) более характерно проявление активной жизненной позиции, которая во многом зависит от комфортности ситуации и обстоятельств выполнения той или иной служебной задачи. Испытуемые ЭГ-2 (сотрудники-женщины) отличаются стремлением к достижению личных заслуг в профессиональной деятельности и установлению эффективных взаимоотношений в служебном коллективе. Для испытуемых ЭГ-3 (сотрудники со стажем службы менее пяти лет) более характерно проявление высокого уровня активности, стремление своевременно реагировать на возникающие трудности, ощущение внутренней собранности, запаса сил и энергии. Респонденты ЭГ-4 (сотрудники со стажем профессиональной деятельности более пяти лет) склонны к тому, чтобы особо не рисковать ради достижения каких-то определенных целей, однако могут пойти на осознанный риск в том случае, если это позволит им получить материальное вознаграждение, повысить свой статус или положение в коллективе. Исследование взаимосвязи параметров мотивации и доминирующего психического состояния показало, что сотрудники мужского пола, несмотря на достаточный уровень уверенности в себе и своих возможностях, предпочитают вести себя более сдержанно и осторожно, особенно в ситуациях повышенного риска. Сотрудники женского пола склонны к демонстрации уверенности в собственных силах и возможностях. С увеличением стажа профессиональной деятельности обнаружены тенденция к сохранению собственного эмоционально-стабильного отношения, адекватности и эффективности психической саморегуляции посредством избегания тех ситуаций, которые могут привести к неудачам в личностном и профессиональном плане; стремление к переживанию положительных состояний.

Ключевые слова: системные особенности; мотивация; личность; доминирующее психическое состояние; системный анализ.

Для цитаты: Белашина Т. В. Системные особенности мотивации личности в контексте проявления доминирующего психического состояния // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39) С. 61–71. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.5

Белашина Татьяна Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: tatyanelashina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4656-0439

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.5

SYSTEMIC FEATURES OF PERSONALITY MOTIVATION IN THE CONTEXT OF THE MANIFESTATION OF A DOMINANT MENTAL STATE

T. V. Belashina,
NSPU, Novosibirsk
tatyanabelashina@mail.ru

The article is devoted to the study of the systemic features of personality motivation. An empirical study, the purpose of which is to identify the relationship between motivation and the dominant mental state, is presented. Motivation diagnostics was carried out using the “Dominant Motivation” technique of V. N. Kolutsky – I. Y. Kulagina and T. Ehlers tests for motivation to success and motivation to avoid failures. To measure the dominant mental state, the method of determining the dominant mental state of L. V. Kulikov was used. The study involved 100 employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region. 50 of them are men and 50 of them are women.

Data analysis has shown that EG-1 subjects (male employees) are more characterized by the manifestation of an active life position, which largely depends on the comfort of the situation and the circumstances of performing a particular official task. The subjects of EG-2 (female employees) are distinguished by their desire to achieve personal merits in their professional activities and establish effective relationships in the service team. The EG-3 subjects (employees with less than five years of service experience) are more characterized by a high level of activity, the desire to respond in a timely manner to emerging difficulties, a sense of inner concentration, reserve of strength and energy. EG-4 respondents (employees with more than five years of professional experience) tend not to take any particular risks in order to achieve certain goals, but they may take a conscious risk if this allows them to receive financial remuneration, increase their status or position in the team. The study of the relationship between the parameters of motivation and the dominant mental state showed that male employees, despite a sufficient level of self-confidence and their capabilities, prefer to behave with sufficient restraint and caution, especially in high-risk situations. Female employees tend to demonstrate confidence in their own abilities and capabilities. Also, with an increase in the length of professional activity, the tendency to preserve one’s own emotionally stable attitude, adequacy and effectiveness of mental self-regulation by avoiding those situations that can lead to failures in personal and professional terms, the desire to experience positive states was found.

Keywords: system features; motivation; personality; dominant mental state; system analysis.

For citation: Belashina T. V. Systemic features of personality motivation in the context of the manifestation of a dominant mental state // Systems psychology and sociology. 2021. № 3 (39). P. 61–71. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.5

Belashina Tatiana Valentinovna, PhD in Psychology, Associate professor of the Department of General Psychology and History of Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: *tatyanabelashina@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-4656-0439

Введение

Современные социокультурные условия характеризуются стремительными изменениями в различных сферах жизни общества. Процессы глобализации, информатизации, развития нанотехнологий обуславливают содержание информационного поля, в котором живет и работает человек,

а также предоставляют множество вариантов и альтернативных путей для самореализации и профессионального развития. Однако, «несмотря на то, что современный человек достаточно мотивирован и осведомлен о негативных последствиях бездействия, при этом, постоянно занят маловажными делами (общение в социальных сетях, просмотр видео) и не особо стремится приступать и выполнять

запланированные важные для него дела»¹. Этим объясняется неугасающий интерес к проблеме мотивации личности, ее развития и проявления у разных возрастных и профессиональных групп, так как мотивационный компонент определяет многие сферы жизни человека и обуславливает достижение значимых результатов в той или иной деятельности. При этом особого внимания заслуживает проблема мотивации в контексте профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, особенно в рамках осуществления процедуры профессионального психологического отбора.

Специфика деятельности сотрудников предполагает, что кандидаты на соответствующие вакансии должны иметь необходимый и оптимальный уровень и характеристики мотивации к определенной трудовой деятельности [16: с. 627; 19], а также обладать комплексом качеств личности и характера, важных для выбранной профессии [18: с. 158]. Это обусловлено специфическими особенностями профессии, ненормированным рабочим графиком, ситуациями риска для жизни и здоровья, несением службы в условиях высокого физического и психологического напряжения и т. д. [1: с. 87]. Являясь важным структурным компонентом профессионально значимых качеств, мотивация обуславливает успешность, профессиональную состоятельность и стремление двигаться вперед в выбранной сфере [20: с. 29].

Цель исследования — изучение особенностей мотивации личности в контексте доминирующего психического состояния (на примере выборки сотрудников правоохранительных органов).

Теоретические представления о мотивации личности и доминирующем психическом состоянии

Наши современники справедливо считают, что главной проблемой, с которой сталкивается

исследователь мотивации личности, становится чрезвычайное разнообразие взглядов и подходов к изучению, а также самих терминов «мотив», «мотивация». Здесь необходимо помнить, что основной чертой «системного анализа мотивации является наличие теоретических критериев, вытекающих из соображений гораздо более общего порядка, и потому, малочувствительных к субъективным пристрастиям интерпретатора» [13: с. 140].

Первые упоминания о феномене мотивации личности можно обнаружить в ранних трудах Платона и Аристотеля, которые акцентировали внимание на некоторых факторах, детерминирующих активность человека. Так, Платон полагал, что потребности представляют собой «вождеющую душу», деятельность которой направляется «разумной и благородной душой»². Аристотель — создатель «первой содержательной научной системы» [14: с. 51] — считал, что стремления человека определяются потребностями и чувствами: «все, что люди делают, они делают по семи причинам: случайно, согласно требованиям природы, по принуждению, по привычке, под влиянием размышления, гнева и страсти»³.

Изучению проблемы мотивации личности был посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных ученых. Вопросы происхождения мотива, мотивации и их связи с личностью рассматривались в русле системного подхода в работах Б. Ф. Ломова (цит. по: [14: с. 321]). Он относил мотивы к системообразующим факторам и указывал, что «мотив является не просто одной из “составляющих” деятельности; он выступает в качестве компонента сложной системы — мотивационной сферы личности»⁴.

Наиболее полно данный феномен был исследован А. Н. Леонтьевым, который описал теорию деятельностного происхождения мотивационной сферы человека, включающую две ведущие группы мотивов: смыслообразующие (придают деятельности субъективный

¹ Коржова Е. Ю., Кормачёва И. Н. Роль прокрастинации в структуре учебной активности: системный подход // Системная психология и социология. 2021. № 2. С. 58. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.05

² Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 351.

³ Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Перлова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 29.

⁴ Ломов Б. Ф. Системность в психологии: избр. психол. тр. М.: МПСИ, 2003. С. 90.

характер) и мотивы-стимулы (побуждают и направляют деятельность) [7: с. 216]. В своих работах Леонтьев отмечал, что человек рождается с определенными потребностями и мотив всегда связан с предметом удовлетворения возникающей потребности. Далее, он указывал на то, что «одни мотивы, побуждают деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл, они будут называться смыслообразующими. Другие — сосуществуют с ними, выполняя роль побудительных факторов, — порой остроэмоциональных, аффективных, не имеющих смыслообразующей функции, они будут называться стимулами. Смыслообразующие мотивы всегда занимают более высокое иерархическое место, даже если они не обладают прямой аффектогенностью» [7: с. 221].

Исследуя проблему мотивации, С. Л. Рубинштейн отмечал: «в действительности мотивы личного успеха вовсе не безраздельно господствуют в поведении людей. Все подлинно великое и ценное, что было сделано людьми, сплошь и рядом делалось не только в целях личного успеха и признания, но иногда и с явным пренебрежением к нему... общественный успех — это успех того дела, которому человек отдается и ради которого он готов приносить всяческие жертвы. Именно этот мотив — успех большого дела, а не успех личный — должен стать основой мотивации деятельности человека» [12: с. 330].

«Сплав» движущих сил поведения, детерминирующих человеческую деятельность, понимает под мотивацией Л. С. Выготский. Мотивация — это «стержень личности, к которому “стягиваются” такие ее свойства, как направленность, ценностные ориентации, установки социальные ожидания, притязания, эмоции, волевых качества и другие социально-психологические характеристики»⁵.

Подробно рассматривает понятие «мотив» Л. И. Божович и указывает, что «это то, ради чего осуществляется деятельность»⁶. В качестве мотива могут выступать предметы

внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания. В настоящее время данное определение является наиболее широким пониманием термина «мотив».

В рамках сибирской школы психологии проблеме мотивации были посвящены труды В. Г. Леонтьева, который психологическим механизмом мотивации называл «отражение в психике каких-либо физических, физиологических, социальных и других объективных факторов, закономерностей человеческого взаимодействия с окружающим миром»⁷. С точки зрения ученого, мотивационные механизмы являются продуктом развития всех побудительных сил человека, формирующих его личность.

Говоря о структуре мотивации, Е. П. Ильин выделяет первичные (абстрактные) мотивы, предполагающие наличие только абстрактной цели (биологические и социальные потребности, а также долженствование), и вторичные мотивы, включающие определенную, конкретную цель. При этом вторичные мотивы могут подразделяться на полные (блок «внутреннего фильтра», включающий в себя предпочтения по внешним признакам) и укороченные (целевой блок, включающий в себя цель потребности, опредмеченное действие и сам процесс удовлетворения потребности) [4: с. 120].

Особенности мотивационно-потребностной сферы в сравнительном аспекте рассматривал В. К. Вилюнас. Им предложена концепция развития мотивации у животных и человека, источником возникновения которой являются не только базовые физиологические потребности, но и социальные нормы, а также продукты культуры. Он полагал, что формирование мотивационно-потребностной сферы обусловлено как системными закономерностями развития психики, так и социокультурными и половозрастными особенностями [2: с. 177].

Среди зарубежных исследователей проблему мотивации поднимал в своих работах А. Шопенгауэр. Он указывал на то, что «в процессе мотивации субъект познает себя сам и может быть познаваемым только

⁵ *Выготский Л. С.* Лекции по психологии. СПб.: Союз, 1997. С. 42.

⁶ *Божович Л. И.* Изучение мотивации поведения детей и подростков. М.: Педагогика, 1972. С. 22.

⁷ *Леонтьев В. Г.* Мотивация и психологические механизмы ее формирования. Новосибирск: Новосиб. полиграфкомбинат, 2002. С. 168.

по своей воле» (цит. по: [5: с. 225]). В дальнейшем категория «мотивация» прочно вошла в психологическое пространство, объясняя поведение человека и животного в различных ситуациях и обстоятельствах. Так, А. Маслоу выдвинул теорию иерархии потребностей человека, указывая, что мотивация определяется степенью удовлетворенности основных потребностей [9: с. 128]. Исследуя особенности мотивационно-потребностной сферы в контексте подхода А. Маслоу, К. Альдерфер выделяет три наиболее важные потребности: потребность существования, потребность в общении с другими, потребность роста и развития. Автор отмечает, что движение в рамках иерархии может быть разнонаправленным, т. е. при отсутствии возможности удовлетворить потребность более высокого порядка, человек может направлять больше усилий на насыщение потребностей более низшего порядка (цит. по: [15: с. 560]).

В работах Х. Хекхаузена мотивация рассматривается как обобщающая категория многочисленных процессов и явлений, «суть которых сводится к тому, что живое существо выбирает свое поведение, исходя из его ожидаемых последствий, и управляет им в аспекте его направления и затрат энергии» [15: с. 40]. Хекхаузен отмечает, что «наряду с побудительными аспектами ситуации, раскрывающимися через восприятие возможностей достижения определенных целей, на привлекательность предвосхищаемых последствий действия оказывают влияние и актуализируемые этой ситуацией мотивы» [15: с. 41].

В рамках мотивационно-генетической теории Ф. Герцберг выдвинул предположение о существовании связи мотивации с удовлетворением потребностей. При этом он экстраполирует полученный ранее опыт исследования мотивации в контекст профессиональной деятельности и указывает, что все мотивы трудовой деятельности делятся на поддерживающий и мотивирующий. В соответствии с подходом Герцберга оптимальная мотивация формируется в том случае, если оба фактора взаимодействуют друг с другом. Если один из факторов отсутствует, то у работника проявляется неудовлетворенность трудом и, как следствие, снижение мотивации. Смысл

его теории в том, что «если вы хотите мотивировать работника, не надо сооружать дополнительный фонтан, обеспечьте большее участие в самой работе» (цит. по [15: с. 203]).

Продолжая рассматривать проблему мотивации в контексте трудовой деятельности необходимо отметить, что оценка профессиональной мотивации начинается еще на этапе отбора кандидата на должность. Когда на службу приходит потенциальный сотрудник, определение мотивационной составляющей является одним из существенных параметров, влияющих на вероятность его перехода из категории кандидатов в состав действующих сотрудников.

Проявление преобладающей мотивации человека во многом связано с рядом психических процессов и состояний, среди которых существенное значение имеет «доминирующее психическое состояние». В изучении данного феномена можно условно выделить три направления.

Первое основано на работах Н. Д. Левитова, который предложил следующее определение: «психическое состояние — это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности»⁸. Все психические состояния автор делит на две группы: моносостояния — проявление одного или двух состояний, они бывают аффективными (злоба, страх) и интеллектуальными (сомнение) и полисостояния — сложные многокомпонентные состояния (ответственность, утомление).

Второе направление связано с представлениями С. Л. Рубинштейна об определенных состояниях как фоне, на котором разворачивается психическая деятельность. Он рассматривает психическое состояние как «способ организации психических процессов в определенный период времени и отмечает, что динамика условий деятельности влияет на параметры психических процессов и их изменение,

⁸ Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. С. 20.

что, в свою очередь, может способствовать формированию нового состояния, вытесняющего первоначальное» [12: с. 385].

В рамках третьего направления психические состояния определяются как «системная реакция психики человека на изменения условий» (цит. по: [8: с. 50]). Так, Е. П. Ильин указывает, что «состояние в самом широком смысле — это реакция функциональных систем и в целом организма на внешние и внутренние воздействия, направленная на сохранение целостности организма и обеспечение его жизнедеятельности в конкретных условиях обитания» [4: с. 389]. Он описывает структуру, состоящую из трех уровней регуляции: физиологического — соматика и вегетатика; психического — переживания; поведенческого. Данные уровни образуют целостную функциональную систему.

В виде иерархически организованной системы взаимосвязанных компонентов, определяющих психическое состояние человека, представляет психическую организацию А. О. Прохоров: «Психическое состояние — это отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома в динамике психической деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени» [11: с. 411]. Понятие «психическое состояние» как «форму саморегуляции психики, механизм интеграции телесной, психической и духовной организации человека» раскрывает Л. В. Куликов [6].

По замечанию В. Н. Мясищева, психическое состояние бывает эндогенным и психогенным. При возникновении эндогенного состояния ведущую роль играют факторы организма, а в психогенном состоянии — социальные компоненты. В своих работах автор доказывает взаимозависимость состояния и отношения, опираясь на то, что отношения могут регулировать формирование состояния, а изменение состояния влияет на изменения отношения к деятельности [10: с. 67].

В рамках третьего направления в изучении феномена «доминирующее психическое состояние» важное значение приобретает организованная и систематически проводимая работа с личностью, с тем состоянием, которое способствует изменению ее мотивации [3].

Таким образом, при рассмотрении проблемы мотивации показано, что трактовка данного понятия представлена в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Обобщенно можно говорить о том, что мотивация — это побуждение человека, которое определяет направленность всей его деятельности, является внешней или внутренней причиной для постановки и осуществления цели. Без удовлетворения первичных потребностей человека не будут достигнуты те цели, которые человек ставит перед собой.

Организация и методы исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 100 человек — сотрудники ГУ МВД России по Новосибирской области, из них 50 мужчин и 50 женщин.

Диагностика мотивации осуществлялась при помощи методики «Доминирующая мотивация» В. Н. Колюцкого – И. Ю. Кулагиной и тестов на мотивацию к успеху и мотивацию избегания неудач Т. Элерса. Для измерения доминирующего психического состояния (ДПС) использована соответствующая методика Л. В. Куликова.

Исходя из цели исследования испытуемые были разделены на четыре эмпирические группы по следующим признакам: «пол» (ЭГ-1 — мужчины ($N = 50$) и ЭГ-2 — женщины ($N = 50$)); «стаж службы» (ЭГ-3 — сотрудники со стажем службы менее пяти лет ($N = 73$) и ЭГ-4 — сотрудники со стажем службы более пяти лет ($N = 27$)).

Сформированный банк диагностических методик, а также использованные методы математико-статистического анализа позволили выявить системные особенности во взаимосвязи доминирующего мотивации личности и психического состояния.

Результаты и их обсуждение

Системный анализ мотивации личности в контексте доминирующего психического состояния позволил выдвинуть ряд предположений о характере связи между представленными

явлениями, которые в дальнейшем были проверены в проведенном эмпирическом исследовании. Процедура сравнительного анализа с применением непараметрического *U*-критерия Манна – Уитни была направлена на проверку предположения о том, что существуют полоролевые различия в проявлении мотивации и доминирующего психического состояния и что существуют различия в проявлении мотивации и доминирующего психического состояния у сотрудников правоохранительных органов в зависимости от стажа профессиональной деятельности. Полученные результаты представлены в таблице 1.

В результате статистической обработки полученных данных было установлено, что испытуемые ЭГ-1 достоверно отличаются от испытуемых ЭГ-2 по параметрам «активность» ($U = 919$ при $p = 0,022$), «работоспособность» ($U = 875$ при $p = 0,009$), «эмоциональная устойчивость» ($U = 901$ при $p = 0,15$) и «гедонистическая мотивация» ($U = 1185$ при $p = 0,047$). Это свидетельствует о том, что испытуемые склонны относиться к профессиональной деятельности и служебным задачам в рамках полярного принципа «нравится – не нравится». Они часто отдают предпочтение именно тем задачам, которые связаны с приятными переживаниями (например, похвалой, премированием, подтверждением статуса и т. д.). При этом проявление их активной позиции, целеустремленности, работоспособности обычно определяется тем, насколько

комфортна ситуация и обстоятельства выполнения той или иной служебной задачи.

Испытуемых ЭГ-2 от испытуемых ЭГ-1 отличает проявление мотивации успеха ($U = 1126$ при $p = 0,031$) как стремления к достижению личных заслуг в профессиональной деятельности и установлению эффективных взаимоотношений в служебном коллективе.

Кроме того, была осуществлена процедура сравнительного анализа по исследуемым параметрам у испытуемых ЭГ-3 и ЭГ-4. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Установлено, что для ЭГ-3 более характерно проявление тонуса и работоспособности ($U = 927$ при $p = 0,046$) как своевременного реагирования на возникающие трудности. Для них свойственно проявление заинтересованности в рабочем процессе, они с готовностью и энтузиазмом берутся за любое дело.

Для испытуемых ЭГ-4 свойственны удовлетворенность жизнью ($U = 849$ при $p = 0,026$), мотивация успеха ($U = 682$ при $p = 0,018$) и гедонистическая мотивация ($U = 823$ при $p = 0,015$). Испытуемые более удовлетворены процессом жизни, они наслаждаются ей и стараются особо не рисковать ради достижения каких-то целей. В то же время они склонны пойти на осознанный риск в том случае, если это позволит им получить некоторое материальное вознаграждение, повысить свой статус или положение в коллективе.

Таблица 1

Оценка достоверности различий в исследуемых параметрах в ЭГ-1 и ЭГ-2

Сравниваемые переменные	Средний ранг		<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	<i>p</i> -level
	ЭГ-1	ЭГ-2		
Активность	57,13	43,87	919	0,022
Работоспособность	58,00	43,00	875	0,009
Эмоциональная устойчивость	57,49	43,51	901	0,015
Мотивация успеха	48,02	52,98	1126	0,031
Гедонистическая мотивация	51,80	49,20	1185	0,047

Таблица 2

Оценка достоверности различий в исследуемых параметрах в ЭГ-3 и ЭГ-4

Сравниваемые переменные	Средний ранг		<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	<i>p</i> -level
	ЭГ-3	ЭГ-4		
Работоспособность	51,31	48,31	927	0,046
Удовлетворенность жизнью	48,62	55,57	849	0,026
Мотивация успеха	46,34	61,76	682	0,018
Гедонистическая мотивация	44,46	52,73	823	0,015

С целью выявления особенностей взаимосвязи мотивации и доминирующего психического состояния сотрудников правоохранительных органов был применен корреляционный анализ r_s -Спирмена отдельно по каждой эмпирической группе. Анализ матрицы интеркорреляции по ЭГ-1 позволил установить наличие значимых связей, интерпретации подверглись наиболее информативные из них.

Анализ полученных данных показал наличие значимых связей между переменными «активность – мотивация успеха» ($r_s = 0,743$ при $p = 0,01$), «работоспособность – гедонистическая мотивация» ($r_s = 0,662$ при $p = 0,02$). Это свидетельствует о проявлении у испытуемых позитивного отношения к различным жизненным ситуациям. При этом они дифференцированно подходят к выбору способов достижения поставленных целей, исключая ситуации чрезмерного риска.

Были обнаружены значимые связи между параметрами «спокойствие – мотивация успеха» ($r_s = 0,701$ при $p = 0,01$), «удовлетворенность жизнью – духовно-нравственная мотивация» ($r_s = 0,761$ при $p = 0,01$). Испытуемые склонны к демонстрации собственных сил и возможностей, проявлению уверенности в себе, стремлению к преодолению возникающих сложностей.

Значимые связи существуют между параметрами «активность – мотивация избегания неудач» ($r_s = -0,821$ при $p = 0,01$), «спокойствие – эгоцентрическая мотивация» ($r_s = -0,722$ при $p = 0,01$). Оптимистическое отношение к жизненной ситуации, готовность к преодолению препятствий у испытуемых связаны с тенденцией выстраивать свое поведение таким образом, чтобы было как можно меньше провалов, ошибок и неудач. Они чаще проявляют осторожность, боязливость, тревожность, не любят рисковать, стараются просчитать ситуацию и вероятные пути ее решения. Очевидно, что в начале службы сотрудники проходят период адаптации и освоения новой области деятельности, они пытаются разобраться в тонкостях службы и это обуславливает проявление неуверенности и тревожности.

Полученные данные показали наличие значимых связей между параметрами «эмоциональная устойчивость – мотивация

избегания неудач» ($r_s = 0,851$ при $p = 0,01$), «спокойствие – гедонистическая мотивация» ($r_s = 0,740$ при $p = 0,01$), «удовлетворенность жизнью – духовно-нравственная мотивация» ($r_s = -0,551$ при $p = 0,03$). С увеличением стажа службы у испытуемых наблюдается тенденция к сохранению собственного эмоционально-стабильного отношения, адекватности и эффективности психической саморегуляции посредством избегания тех ситуаций, которые могут привести к неудачам в личном и профессиональном плане. Они чаще проявляют способность брать на себя ответственность и воспринимают себя успешными в плане самореализации.

Выводы

Проведенный теоретический анализ и полученные эмпирические данные о системных особенностях мотивации личности в контексте проявления доминирующего психического состояния позволили сделать следующие выводы.

1. Трактовка понятия «мотивация» представлена в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Систематизируя основные представления, можно отметить, что мотивация — это побуждение человека, которое определяет направленность всей его деятельности, является внешней или внутренней причиной для постановки и осуществления цели. Без удовлетворения первичных потребностей человека не будут достигнуты те цели, которые человек ставит перед собой.

2. Системно-теоретический анализ представлений о доминирующих психических состояниях показал отсутствие единой трактовки данного понятия. В рамках представленной работы опора сделана на следующее его понимание: доминирующее психическое состояние — это проявление человеком в повторяющихся ситуациях определенных переживаний и типа поведения.

3. Анализ системных особенностей проявления мотивации личности и доминирующего психического состояния у испытуемых, дифференцированных по полу, позволил установить наличие значимых различий в исследуемых параметрах. Так, испытуемых ЭГ-1

отличает проявление активности ($U = 919$ при $p = 0,022$), работоспособности ($U = 875$ при $p = 0,009$), эмоциональной устойчивости ($U = 901$ при $p = 0,15$) и гедонистической мотивации ($U = 1185$ при $p = 0,047$). Выявленные различия отражают тенденцию к проявлению активной жизненной позиции, целеустремленности, работоспособности, которые во многом зависят от комфортности ситуации и обстоятельств выполнения той или иной служебной задачи. Респонденты ЭГ-2 отличаются по параметру мотивации успеха ($U = 1126$ при $p = 0,031$), что свидетельствует о проявлении стремления к достижению личных заслуг в профессиональной деятельности и установлению эффективных взаимоотношений в служебном коллективе.

4. Различия в зависимости от стажа службы показали, что для испытуемых ЭГ-3 характерно проявление тонуса и работоспособности ($U = 927$ при $p = 0,046$), что свидетельствует о высоком уровне активности, стремлении своевременно реагировать на возникающие трудности, ощущение внутренней собранности, наличие запаса сил и энергии. Респонденты ЭГ-4 отличаются по параметрам «удовлетворенность жизнью» ($U = 849$ при $p = 0,026$), «мотивация успеха» ($U = 682$ при $p = 0,018$) и «гедонистическая мотивация» ($U = 823$ при $p = 0,015$). Они склонны не рисковать ради достижения каких-то целей, однако могут пойти на осознанный риск в том случае, если это позволит им получить материальное вознаграждение, повысить свой статус или положение в коллективе.

5. Исследование системных особенностей взаимосвязи мотивации личности и доминирующего психического состояния на обследованной выборке респондентов позволило установить наличие ряда значимых связей. Анализу были подвергнуты наиболее информативные взаимосвязи. В соответствии с полученными результатами можно сказать,

что испытуемые из ЭГ-1, несмотря на достаточный уровень уверенности в себе и своих возможностях, предпочитают вести себя сдержанно и осторожно, особенно в ситуациях повышенного риска. Испытуемые из ЭГ-2 склонны к демонстрации уверенности в собственных силах и возможностях, что позволяет им самоутвердиться в мужском коллективе. С увеличением стажа службы наблюдается тенденция к сохранению собственного эмоционально-стабильного отношения, адекватности и эффективности психической саморегуляции посредством избегания тех ситуаций, которые могут привести к неудачам в личностном и профессиональном плане; стремление к переживанию положительных состояний.

Заключение

Полученные в ходе системного анализа результаты позволяют говорить о существовании различий в проявлении мотивации и доминирующих психических состояний у сотрудников правоохранительных органов в зависимости от пола и стажа профессиональной деятельности. Показано наличие особенностей взаимосвязи между исследуемыми параметрами у испытуемых разных эмпирических групп. На основе представленных результатов сотрудникам подразделения была предложена программа занятий и разработан информационный буклет, направленные на работу с нежелательными психическими состояниями и мотивацией сотрудников. Выявленные системные особенности взаимосвязи мотивации личности и доминирующего психического состояния у обследованной выборки испытуемых позволяют определить проблемные поля дальнейших исследований.

Литература

1. **Белашина Т. В., Бурлакова С. С.** Роль индивидуально-типологических особенностей и жизнестойкости в профессиональной деятельности сотрудников силовых структур // Развитие человека в современном мире. 2021. № 1. С. 86–95.
2. **Вилюнас В. К.** Психология эмоций: учебное пособие. СПб.: Питер, 2007. 496 с.

3. **Галюк Н. А., Иванов Д. В.** Акмеотренинг в психологическом сопровождении сотрудников правоохранительных органов // Педагогический профессионализм в образовании: сб. в 3 ч. Ч. 2 / под ред. Е. В. Андриенко. Новосибирск: НГПУ, 2016. С. 23–27.
4. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2018. 512 с.
5. **Казакова Е. В.** Понятие содержание термина «мотивация» // Тенденции развития экономики и менеджмента. Вып. 3. Казань: ИЦРОН, 2016. С. 224–226.
6. **Куликов Л. В.** Доминирующие чувства как характеристика духовных и душевных сил // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути решения. 2016. Т. 11. № 2. С. 568–574.
7. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга по требованию, 2012. 352 с.
8. **Ловягина А. Е.** Психические состояния человека. СПб.: СПбГУ, 2014. 120 с.
9. **Маслоу А.** Мотивация и личность. М.; СПб.: Евразия, 2016. 478 с.
10. **Мясищев В. Н.** Психология отношений. М.: МПСИ, 2011. 461 с.
11. **Прохоров А. О.** Психология состояний. М.: Когито-Центр, 2011. 624 с.
12. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2021. 720 с.
13. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
14. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
15. **Хекхаузен Х.** Мотивация и деятельность. СПб.: Питер, 2016. 860 с.
16. **Deci E. L., Koestner R., Ryan R. M.** A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. № 6. P. 627–668. DOI: 10.1037/0033-2909.125.6.627
17. **Dweck C. S.** Motivational process affects learning // American Psychologist. 1986. Vol. 40. № 10. P. 1040–1048.
18. **Muenks K., Yang J. S., Wigfield A.** Associations between grit, motivation, and achievement in high school students // Motivation Science. 2018. Vol. 4. № 2. P. 158–176. DOI:10.1037/mot0000076
19. The future of feedback: Motivating performance improvement through future-focused feedback / J. Gnepp et al. // PLoS ONE. 2020. Vol. 15. № 6. e0234444. DOI: 10.1371/journal.pone.0234444
20. **Vansteenkiste M., Ryan R. M., Soenens B.** Basic psychological need theory: Advancements, critical themes, and future directions // Motivation and Emotion. 2020. Vol. 44. № 2. P. 1–31. DOI: 10.1007/s11031-019-09818-1

References

1. **Belashina T. V., Burlakova S. S.** Rol' individual'no-tipologicheskix osobennostej i zhiznestojkosti v professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov silovy'x struktur [The role of individual typological features and resilience in the professional activities of law enforcement personnel] // Razvitie cheloveka v sovremennom mire [Human development in the modern world]. 2021. № 1. P. 86–95.
2. **Vilyunas V. K.** Psixologiya e'mocij: uchebnoe posobie [Psychology of emotions: a textbook]. SPb.: Piter, 2007. 496 p.
3. **Galyuk N. A., Ivanov D. V.** Akmeotrening v psixologicheskom soprovozhdenii sotrudnikov pravooxranitel'ny'x organov [Akmeotrening, accompanied by law enforcement officers] // Pedagogicheskij professionalizm v obrazovanii: sb. v 3 ch. Ch. 2 / pod red. E. V. Andrienko [Pedagogical professionalism in education: collection at 3 parts. Part 2 / ed. by E. V. Andrienko]. Novosibirsk: NGPU, 2016. P. 23–27.
4. **Il'in E. P.** Motivaciya i motivy' [Motivation and motives]. SPb.: Piter, 2018. 512 p.
5. **Kazakova E. V.** Ponyatie soderzhanie termina «motivaciya» [The concept of the content of the term “motivation”] // Tendencii razvitiya e'konomiki i menedzhmenta [Trends in the development of economics and management]. Iss. 3. Kazan': ICzRON, 2016. P. 224–226.
6. **Kulikov L. V.** Dominiruyushhie chuvstva kak xarakteristika duxovny'x i dushevny'x sil [Dominant feelings as a characteristic of spiritual and mental forces] // Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potenciala: problemy' i puti resheniya [Health is the basis of human potential: problems and solutions]. 2016. Vol. 11. № 2. P. 568–574.
7. **Leont'ev A. N.** Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Kniga po trebovaniyu, 2012. 352 p.
8. **Lovyagina A. E.** Psixicheskie sostoyaniya cheloveka [Mental states of a person]. SPb.: SPbGU, 2014. 120 p.

9. **Maslou A.** Motivaciya i lichnost' [Motivation and personality]. M.: SPb.: Evraziya, 2016. 478 p.
10. **Myasishhev V. N.** Psixologiya otnoshenij [Psychology of relations]. M.: MPSI, 2011. 461 p.
11. **Proxorov A. O.** Psixologiya sostoyanij [Psychology of states]. M.: Kogito-Centr, 2011. 624 p.
12. **Rubinshtejn S. L.** Osnovy` obshhej psixologii [Fundamentals of general psychology]. SPb.: Piter, 2021. 720 p.
13. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
14. **Ry`zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Paths and patterns]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
15. **Xekxauzen X.** Motivaciya i deyatel`nost' [Motivation and activity]. SPb.: Piter, 2016. 860 p.
16. **Deci E. L., Koestner R., Ryan R. M.** A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. № 6. P. 627–668. DOI: 10.1037/0033-2909.125.6.627
17. **Dweck C. S.** Motivational process affects learning // American Psychologist. 1986. Vol. 40. № 10. P. 1040-1048.
18. **Muenks K., Yang J. S., Wigfield A.** Associations between grit, motivation, and achievement in high school students // Motivation Science. 2018. Vol. 4. № 2. P. 158–176. DOI: 10.1037/mot0000076
19. **the future of feedback: Motivating performance improvement through future-focused feedback / J. Gnepp et al.** // PLoS ONE. 2020. Vol. 15. № 6. e0234444. DOI: 10.1371/journal.pone.0234444
20. **Vansteenkiste M., Ryan R. M., Soenens B.** Basic psychological need theory: Advancements, critical themes, and future directions // Motivation and Emotion. 2020. Vol. 44. № 2. P. 1–31. DOI: 10.1007/s11031-019-09818-1

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.6

СИСТЕМНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

С. В. Котовская,
МГГЭУ, Москва,
s.marunyak74@mail.ru

Статья посвящена системному исследованию проблемы эмоционального выгорания у специалистов экстремального профиля. Синдром эмоционального выгорания имеет фазовую структуру. На сегодняшний день малоизученным остается вопрос выявления системных особенностей формирования фазы истощения синдрома эмоционального выгорания в зависимости от стажа профессиональной деятельности. Необходимость системного исследования показателей эмоционального выгорания обуславливает актуальность данной работы и является целью исследования.

Для реализации цели исследования было проведено обследование 679 специалистов экстремального профиля, среди них: врачи службы медицины катастроф, военнослужащие, диспетчеры, летчики, моряки, пожарные, специалисты по утилизации отработанного ядерного топлива, рыбаки тралового флота, участники боевых действий. Респондентам были предложены авторская социально-психологическая анкета и методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко. Все обследуемые были разделены на семь групп в зависимости от стажа профессиональной деятельности.

В результате проведенного исследования было установлено, что на протяжении служебно-трудовой деятельности у субъектов экстремального профиля наблюдается перманентная тенденция к увеличению циничности в межличностном взаимодействии и нивелированию устоявшихся норм, выстраиванию защитных барьеров, а также возрастанию психосоматических и психовегетативных нарушений за счет соматизации эмоциональных состояний. Эмоциональная отстраненность и переутомление у специалистов, деятельность которых включает экстремальный компонент на содержательном уровне, выявляется в первые десять лет профессиональной деятельности, а потребность в выстраивании защитных барьеров в процессе межличностного взаимодействия в большей степени проявляется при продолжительности профессионального стажа 10–20 лет.

Ключевые слова: системные особенности; эмоциональное выгорание; фаза истощения; стаж профессиональной деятельности; специалисты экстремального профиля; эмоциональный дефицит; эмоциональная отстраненность; деперсонализация; психосоматические и психовегетативные нарушения.

Для цитаты: Котовская С. В. Системные особенности эмоционального выгорания у специалистов экстремального профиля // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 72–81. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.6

Котовская Светлана Владимировна, кандидат биологических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии Московского государственного гуманитарно-экономического университета, Москва.

E-mail: *s.marunyak74@mail.ru*

ORCID: 0000-0001-7832-2702

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.6

SYSTEMIC FEATURES OF EMOTIONAL BURNOUT IN EXTREME SPECIALISTS

S. V. Kotovskaya,
MSUHE, Moscow,
s.marunyak74@mail.ru

The article is devoted to a systemic study of the problem of emotional burnout in extreme specialists. The burnout syndrome has a phase structure. Now, the issue of identifying the systemic features of the formation of the exhaustion phase of the burnout syndrome, depending on the length of professional activity, remains poorly studied. The need for a systemic study of indicators of emotional burnout determines the relevance of this work and is the purpose of the study.

To realize the purpose of the study, a survey of 679 extreme specialists was conducted. Among them: doctors of the disaster medicine service, military personnel, dispatchers, pilots, sailors, firefighters, specialists in the disposal of spent nuclear fuel, fishermen of the trawl fleet, participants in hostilities. Respondents were offered: the author's socio-psychological questionnaire and the method for diagnosing the level of emotional burnout by V. V. Boyko. All the subjects were divided into 7 groups depending on the length of professional activity.

As a result of the conducted research, it was found that during the service and work activities of extreme subjects, there is a permanent tendency to increase cynicism in interpersonal interaction and leveling of established norms, building protective barriers, as well as an increase in psychosomatic and psychovegetative disorders, due to somatization of emotional states. Emotional detachment and overwork among specialists whose activities include an extreme component at the content level is revealed in the first 10 years of professional activity, and the need to build protective barriers in the process of interpersonal interaction is more evident after 10–20 years of professional experience.

Keywords: systemic features; emotional burnout; exhaustion phase; professional experience; extreme specialists; emotional deficit; emotional detachment; depersonalization; psychosomatic and psychovegetative disorders.

For citation: Kotovskaya S. V. Systemic features of emotional burnout in extreme specialists // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 72–81. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.6

Kotovskaya Svetlana Vladimirovna, PhD in Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology at the Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia.

E-mail: *s.marunyak74@mail.ru*

ORCID: 0000-0001-7832-2702

Введение

В настоящее время проблема эмоционального выгорания приобрела междисциплинарный характер и является предметом исследований не только гуманитарных и общественных наук [15]. Рассматривая аспекты эмоционального выгорания, такие исследователи, как В. В. Бойко [2: с. 116], Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова [4: с. 42], В. Е. Орел [13: с. 8] и др. акцентируют внимание на подверженности этому синдрому

в основном специалистов профессий типа «человек – человек» [19: с. 5]. Тем не менее ряд исследований позволяет расширить спектр профессий, в которых сотрудники подвержены обозначенному синдрому [1; 5; 14].

Одной из актуальных задач современной психологии труда и инженерной психологии является изучение профессиональной деятельности с позиций системного подхода, где конкретные виды деятельности специалистов необходимо рассматривать как составляющие системы, а не в качестве изолированных

самостоятельных феноменов, что обуславливает объединение представителей исследуемых профессий в группу субъектов экстремального профиля.

На сегодняшний день малоизученным остается вопрос выявления системных особенностей формирования фазы истощения синдрома эмоционального выгорания у специалистов экстремального профиля в зависимости от стажа профессиональной деятельности. Необходимость системного исследования показателей эмоционального истощения обуславливает актуальность данной работы и является целью исследования.

Проблема эмоционального выгорания

Синдром эмоционального выгорания имеет фазовую структуру. Фаза истощения является завершающим этапом формирования синдрома эмоционального выгорания. По мнению В. В. Бойко, данная фаза характеризуется наличием состояния психофизического переутомления и опустошения, вызванного спецификой служебной деятельности. Отличительными чертами фазы истощения являются снижение значимости профессиональных достижений; нарушения, возникающие в процессе межличностного взаимодействия; нигилистическая позиция по отношению к устоявшимся нормам морали и общепринятым ценностям; развитие психосоматических расстройств [2: с. 116].

Синдром эмоционального выгорания, как считает Л. С. Чутко с соавторами, может проявляться в следующих формах: астенической, психовегетативной, цефалгической, тревожно-фобической и в виде легких когнитивных нарушений [20]. При этом отмечается, что наиболее частым является вариант развития астенического синдрома.

Овладение профессией сопряжено с рядом психологических особенностей личности [21]. В процессе овладения профессиональными навыками человек проходит этапы адаптации и роста, которые постепенно и закономерно сменяются процессами стагнации [17]. Возникает сложная исследовательская задача — поиск тончайших составляющих

человеческого фактора, особенно в профессиях, предполагающих защиту и сохранение жизни других людей. Субъектам экстремального профиля в процессе становления профессионального мастерства наряду с информационными, организационными и профессиональными стрессорами приходится сталкиваться с разного рода стихийными бедствиями, техногенными и социогенными катастрофами, которые отнимают большое количество внутренних ресурсов [16].

Вопрос соответствия ресурсов человека имеющимся профессиональным задачам является традиционным, но особую актуальность данная проблема имеет в сфере субъектов экстремальных профессий. Исследователи отмечают наличие информационных, организационных и профессиональных стрессов в деятельности субъектов экстремального профиля, обращаются к исследованию феноменов жизнестойкости, жизнеспособности, адаптации, стрессоустойчивости, совладающего поведения и эмоционального выгорания [11].

Современные реформы пенсионной системы, приведшие к увеличению пенсионного возраста, позволят узкопрофильным специалистам дольше оставаться в профессиях экстремального профиля, однако возникнет необходимость установления возрастных и личностных пределов, купирования профессиональных деформаций, психосоматических и психовегетативных нарушений, а также определения состояний эмоционального выгорания [12; 22].

Несмотря на то что профессиональный стаж и физиологический возраст тесно связаны между собой, они могут не совпадать. Физиологический возраст является отражением временного параметра, а профессиональный стаж — процесса профессионализации, или профессионального пути [6: с. 97; 10]. С позиций системной психологии мотивационно-ценностная структура личности подвержена изменению в соответствии с возрастной периодизацией развития, что может способствовать успешной реализации профессиональной деятельности либо препятствовать таковой [18: с. 165].

Влияние возраста, стажа и удовлетворенности карьерным ростом на формирование

синдрома эмоционального выгорания отмечает в своих исследованиях Е. Н. Водопьянова [4: с. 46]. Возраст субъектов экстремального профиля, общий стаж служебно-трудовой деятельности и стаж в занимаемой должности влияет на восприятие профессиональной нагрузки [9]. Кроме того, стаж профессиональной деятельности оказывает воздействие на развитие состояний дезадаптации [23; 24]. В результате исследований Т. Н. Кабановой с соавт. [7] и М. В. Кореховой с соавт. [8] было установлено, что стаж службы в следственных органах связан с особенностями реагирования в ситуациях профессионального стресса: риску развития состояния психической дезадаптации наиболее подвержены начинающие сотрудники со стажем работы до пяти лет.

И хотя в последние годы реализуется широкий спектр мероприятий в сфере обеспечения защиты жизнедеятельности, а также уменьшения численности людских потерь в результате техногенных и социогенных катастроф, данная деятельность оказывается недостаточно эффективной без учета человеческого фактора [3]. Нивелирование проявлений эмоционального выгорания, проявления психосоматических и психовегетативных нарушений, купирование профессиональных деструкций у субъектов экстремального профиля — задачи, которые ставятся перед специалистами психологических и медицинских служб. Их невозможно решить без качественного научно-исследовательского сопровождения.

Цель настоящей работы состоит в системном исследовании показателей эмоционального выгорания у специалистов экстремального профиля в зависимости от стажа профессиональной деятельности.

Материалы и методы исследования

Для реализации цели исследования было проведено обследование 679 специалистов экстремального профиля в возрасте от 18 до 65 лет (см. табл. 1).

На добровольной основе с подписанием согласия на проведение исследования респондентам были предложена авторская социально-

психологическая анкета (для получения первичной информации: пол, возраст, стаж профессиональной деятельности и т. д.) и методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко.

Все испытуемые по результатам авторской социально-психологической анкеты были разделены на семь групп в зависимости от стажа профессиональной деятельности (см. табл. 2).

Специалисты экстремального профиля по-разному представлены в группах, сформированных на основании профессионального стажа (см. табл. 3). Так, например, в пятой группе значительно увеличивается число специалистов службы медицины катастроф и военнослужащих, несущих боевое дежурство и караульную службу с оружием. Среди специалистов со стажем работы от 25 до 30 лет возрастает численность врачей и диспетчеров. В седьмой группе нет специалистов по утилизации отработанного ядерного топлива, пожарных и моряков-подводников, что обусловлено спецификой их профессиональной деятельности.

Обработка результатов проведена с использованием стандартных методов статистики SSPS 23.0, а также с помощью стандартных расчетных методов. Наличие статистически значимых различий определялось по критерию Крускала – Уоллиса для K-независимых выборок. Результаты представлены в виде медианы, 25 и 75 перцентилей.

Результаты исследования

В таблице 4 представлены результаты исследования семи групп с разным стажем профессиональной деятельности по следующим шкалам: «эмоциональный дефицит», «эмоциональная отстраненность», «деперсонализация», «психосоматические и психовегетативные нарушения».

В ЭГ-1 у 12,2 % специалистов выявляется эмоциональная бесчувственность на фоне переутомления, минимизация эмоционального вклада в работу, автоматизм и опустошенность. В создании защитного барьера в профессиональной коммуникации нуждаются

Таблица 1

Профессиональный состав участников исследования

Специалисты экстремального профиля	N участников	% выборки	Средний возраст
Врачи службы медицины катастроф	13	1,6	46,14 ± 9,16
Военнослужащие, несущие боевое дежурство и караульную службу с оружием	75	11,0	32,30 ± 8,22
Военные диспетчеры	38	5,6	41,00 ± 8,75
Летчики транспортной и истребительной авиации наземного и палубного базирования	94	13,7	32,98 ± 6,01
Моряки-надводники	76	11,2	21,86 ± 5,60
Моряки-подводники	69	10,2	29,31 ± 5,93
Пожарные	201	29,6	31,05 ± 7,52
Специалисты по утилизации отработанного ядерного топлива	76	11,2	29,14 ± 6,39
Рыбаки тралового флота	23	3,4	41,24 ± 12,31
Участники боевых действий	14	2,1	36,85 ± 2,35

Таблица 2

Состав ЭГ в зависимости от стажа профессиональной деятельности участников исследования

№ группы	Стаж профессиональной деятельности	N участников	% выборки
ЭГ-1	0–5 лет	256	37,7
ЭГ-2	5–10 лет	126	18,6
ЭГ-3	10–15 лет	94	13,8
ЭГ-4	15–20 лет	93	13,7
ЭГ-5	20–25 лет	56	8,2
ЭГ-6	25–30 лет	36	5,3
ЭГ-7	30–40 лет	18	2,7

Таблица 3

Состав специалистов экстремального профиля в ЭГ, сформированных на основании стажа профессиональной деятельности

Специалисты экстремального профиля	Стаж профессиональной деятельности						
	ЭГ-1 0–5	ЭГ-2 5–10	ЭГ-3 10–15	ЭГ-4 15–20	ЭГ-5 20–25	ЭГ-6 25–30	ЭГ-7 30–40
Врачи службы медицины катастроф	–	0,8	1,1	1,1	7,1	11,1	11,1
Военнослужащие, несущие боевое дежурство и караульную службу с оружием	6,3	13,5	16,0	10,8	23,2	5,6	11,1
Военные диспетчеры	0,8	1,6	4,3	8,6	12,5	22,2	38,9
Летчики транспортной и истребительной авиации наземного и палубного базирования	1,2	14,3	23,4	30,2	25,0	19,4	11,1
Моряки-надводники	28,5	5,6	1,1	2,2	1,8	2,8	5,6
Моряки-подводники	3,8	24,6	14,9	9,7	7,2	2,8	–
Пожарные	45	23,8	21,3	20,5	19,7	16,7	–
Специалисты по утилизации отработанного ядерного топлива	9,4	15,9	17	14	1,8	5,6	–
Рыбаки тралового флота	3,5	–	1,1	3,2	1,8	13,9	22,2
Участники боевых действий	1,6	–	–	–	–	–	–

Особенности проявления фазы истощения, вызванного профессиональной деятельностью, у специалистов экстремального профиля, Md (Q₁-Q₃)

№ группы, стаж	Исследовательские шкалы			
	Эмоциональный дефицит*	Эмоциональная отстраненность	Деперсонализация*	Психосоматические и психовегетативные нарушения*
ЭГ-1 0–5	10,00 (2,00–13,75)	7,00 (5,00–10,00)	0,00 (0,00–5,00)	0,00 (0,00–3,00)
ЭГ-2 5–10	10,00 (0,00–13,50)	8,00 (5,00–12,25)	3,00 (0,00–8,00)	0,00 (0,00–3,00)
ЭГ-3 10–15	8,00 (1,50–13,00)	10,00 (5,00–15,00)	3,00 (0,00–10,75)	2,00 (0,00–8,00)
ЭГ-4 15–20	8,00 (4,50–11,50)	10,00 (5,00–13,00)	5,00 (0,00–9,00)	3,00 (0,00–7,00)
ЭГ-5 20–25	8,00 (5,00–11,75)	8,00 (3,00–10,00)	3,00 (0,00–8,00)	3,00 (0,50–7,00)
ЭГ-6 25–30	7,00 (2,00–10,00)	9,00 (5,00–11,75)	5,00 (0,00–9,00)	2,00 (0,00–5,00)
ЭГ-7 30–40	12,00 (7,25–17,25)	8,00 (5,00–15,00)	6,50 (0,00–8,50)	5,00 (1,50–8,25)

Примечание: * — статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по данным критерия Крускала – Уоллиса для K -независимых выборок.

8 % обследуемых. Нарушение служебно-трудовых отношений наблюдается у 4,8 % респондентов. Ухудшение физического самочувствия, развитие психосоматических нарушений (расстройства сна, головная боль, давление) определено у 5,3 % специалистов.

В ЭГ-2 эмоциональный дефицит испытывают 15,2 % обследуемых. Эмоциональная отстраненность наблюдается у 12,2 % респондентов. Среди изучаемых субъектов 7,2 % указывают на наличие деперсонализации и 4,8 % отмечают наличие психосоматических нарушений.

В ЭГ-3 наличие переутомления с нивелированием эмоционального вклада в работу регистрируется у 15,2 % респондентов, создают барьер в служебно-трудовой коммуникации 12,2 % обследуемых, развитие циничного отношения к коллегам, нарушение сна, головные боли, нарушение кровяного давления отмечается у 7,2 % специалистов.

У профессионалов со стажем 15–20 лет, вошедших в четвертую группу, в 11,8 % случаев регистрируется наличие эмоционального дефицита; 20,4 % обследуемых требуется создание барьера в коммуникации; наличие нарушений профессиональных отношений отмечают 14,0 % респондентов, психосоматические нарушения проявляются у 6,4 % специалистов.

Среди специалистов экстремального профиля со стажем профессиональной деятельности 20–25 лет 10,9 % указывают на наличие переутомления; 19,5 % создают барьер в служебно-трудовых коммуникациях; 14,2 % отмечают проявления циничности в межличностном взаимодействии; психосоматические и психовегетативные нарушения наблюдаются в 6,6 % случаях.

Продолжение профессиональной деятельности до 25–30 лет характеризуется увеличением процента обследуемых с проявлениями эмоционального дефицита (до 14,2 %) и снижением барьеров в деловой коммуникации (до 9,0 %), циничности (до 10,4 %), психосоматических и психовегетативных нарушений (до 3,6 %).

Седьмая группа характеризуется увеличением процента обследуемых с эмоциональной бесчувственностью и переутомлением (33,4 %), созданием барьеров в профессиональной коммуникации (16,7 %), снижением циничности в межличностном взаимодействии и проявлений психосоматических и психовегетативных нарушений.

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования было установлено, что в фазе истощения синдрома эмоционального выгорания специалисты экстремального профиля со стажем служебно-трудовой деятельности до десяти лет начинают испытывать эмоциональный дефицит с переутомлением, нивелированием эмоционального вклада в работу, автоматизмом и опустошенностью при выполнении служебно-трудовых обязанностей. В процессе работы постепенно возрастает циничность и создаются защитные барьеры в межличностном взаимодействии. В последующем (10–15 лет стажа) эмоциональная отстраненность начинает соматизироваться, возрастают психосоматические и психовегетативные отклонения в виде нарушений сна, головных болей, изменений артериального давления и др. Продолжение профессионального стажа отражается в постепенном перманентном увеличении циничности и выстраивании защитных барьеров в межличностном взаимодействии, а также соматизации эмоциональных состояний.

Эмоциональная бесчувственность на фоне переутомления, минимизация эмоционального вклада в работу, автоматизм и опустошенность в большей степени характерны для сотрудников в первые десять лет работы. Этот период характеризуется потребностью в профессиональном становлении личности, самореализации в выбранном виде деятельности, сочетающийся с высокой физической и психической активностью, что обуславливает переутомление и, как следствие, эмоциональный дефицит. Потребность в выстраивании защитных барьеров в межличностной коммуникации наблюдается у сотрудников на протяжении 10–20 лет профессиональной

деятельности. Эмоциональная отстраненность в этот период позволяет снизить эмоциональный дефицит и переутомление. Нигилистическое отношение к устоявшимся нормам и деперсонализация наблюдается в 15–20 и 25–30 лет стажа, а в наибольшей степени, представлена у специалистов с 30-летним стажем служебно-трудовой деятельности, что обусловлено переоценкой ценностных ориентаций в кризисные периоды. Увеличение психосоматических и психовегетативных нарушений определяется общим физическим тонусом организма человека, состоянием его здоровья и возрастанием эмоционально значимых психотравмирующих ситуаций и переживаний.

Заключение

На протяжении служебно-трудовой деятельности у специалистов экстремального профиля наблюдается перманентная тенденция к увеличению циничности в межличностном взаимодействии и нивелированию устоявшихся норм, выстраиванию защитных барьеров, а также возрастанию психосоматических и психовегетативных нарушений за счет соматизации эмоциональных состояний. Эмоциональная отстраненность и переутомление у специалистов, деятельность которых включает экстремальный компонент на содержательном уровне, выявляется в первые десять лет профессиональной деятельности, а потребность в выстраивании защитных барьеров в процессе межличностного взаимодействия в большей степени проявляется при продолжительности профессионального стажа 10–20 лет.

Литература

1. **Бодров В. А.** Информационный стресс: учебное пособие для вузов. М: ПерСэ, 2000. 352 с.
2. **Бойко В. В.** Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Сударья, 1999. 29 с.
3. **Бойко И. М., Мосягин И. Г., Маруняк С. В.** Психофизиологические маркеры безопасности летной деятельности на Европейском Севере России // Медицинское обеспечение сил флота в условиях Кольского Заполярья: материалы VIII научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня образования госпиталя Беломорской военно-морской базы Северного флота (Северодвинск, 15–16 ноября 2012 г.). Северодвинск: [б. и.], 2012. С. 100–104.

4. **Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.** Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. М.: Юрайт, 2017. 343 с.
5. **Гроза И. В.** Влияние возраста и стажа педагога на эмоциональное выгорание // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 10 С. 63–54.
6. **Зеер Э. Ф.** Психология профессий: учебное пособие для вузов. М.; Екатеринбург: Академический проект: Деловая книга, 2003. 330 с.
7. **Кабанова Т. Н., Дубинский А. А., Московская М. С.** Стаж профессиональной деятельности как фактор, детерминирующий различия в восприятии стресса у сотрудников следственных органов // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1 (46). С. 59–68.
8. **Корехова М. В., Новикова И. А., Соловьев А. Г.** Особенности проявлений психической дезадаптации у сотрудников правоохранительных органов с разным стажем работы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 2. С. 67–72.
9. **Котовская С. В.** Взаимосвязь продолжительности служебно-трудового стажа с восприятием профессиональной нагрузки субъектами профессиональной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Т. 4. № 4. С. 49–53.
10. **Кузнецов Ю. Д., Поваренков Ю. П., Цветкова Н. А.** Профессиональный стаж как фактор измерения удовлетворенности трудом // Вестник ТГПУ. 2006. № 2. С. 27–33.
11. **Лотарева Т. Ю.** Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов социальной сферы // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 99–116.
12. **Муртазов А. М.** Профессиональный стресс и психосоматические заболевания у сотрудников правоохранительных органов // Медицина труда и промышленная экология. 2014. № 5. С. 41–44.
13. **Орел В. Е.** Синдром психического выгорания личности. М: Ин-т психологии РАН, 2005. 330 с.
14. **Петрова О. А.** Влияние стажа и других факторов на психологические особенности личности демонстративного педагога // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 9. С. 97–99.
15. **Полянский А. И., Быковская Л. И.** Синдром выгорания как феномен в современной науке // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. С. 85–92.
16. Психологические особенности личности профессорско-преподавательского состава в зависимости от стажа трудовой деятельности / Т. М. Богданова и др. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 6. С. 198–202.
17. **Рыбников В. Ю., Дубинский А. А., Булыгина В. Г.** Индивидуально-психологические предикторы адаптации и дезадаптации специалистов экстремального профиля деятельности // Экология человека. 2017. № 3. С. 3–9.
18. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
19. **Чердымова Е. И.** Синдром эмоционального выгорания специалиста: монография. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2019. 124 с.
20. **Чутко Л. С., Рожкова А. В., Сурушкина С. Ю.** Клинические проявления синдрома эмоционального выгорания // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2019. Т. 119. № 1. С. 14–16.
21. **Шейнов В. П.** Взаимосвязи виктимизации с самоэффективностью и стилями поведения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 3. С. 150–169.
22. **Hakansson C., Ahlborg G.** Occupational imbalance and the role of perceived stress in predicting stress-related disorders // Scandinavian Journal of Occupational Therapy. 2017. Vol. 25. № 4. P. 278–287. DOI: 10.1080/11038128.2017.1298666
23. **Maran D., Varetto A., Zedda M.** Occupational stress, anxiety and coping strategies in police officers // Occupational Medicine. 2015. Vol. 65. № 6. P. 447–466.
24. **Newton C., Teo S.** Identification and occupational stress: A stress-buffering perspective // Human Resource Management. 2013. Vol. 53. №

References

1. **Bodrov V. A.** Informacionny`j stress: uchebnoe posobie dlya vuzov [Information stress: a textbook for universities]. M: PerSe`, 2000. 352 p.
2. **Bojko V. V.** Sindrom «emotional`nogo vy`goraniya» v professional`nom obshhenii [Syndrome of “emotional burnout” in professional communication]. SPb.: Sudary`nya, 1999. 29 p.
3. **Bojko I. M., Mosyagin I. G., Marunyak S. V.** Psixofiziologicheskie markery` bezopasnosti letnoj deyatel`nosti na Evropejskom Severe Rossii [Psychophysiological markers of flight safety in the European North

of Russia] // Medicinskoe obespechenie sil flota v usloviyax Kol'skogo Zapolyar'ya: materialy VIII nauchno-prakticheskoy konferencii [Medical Support of Fleet Forces in the Kola Arctic: materials of the VIII scientific and practical conference]. Severodvinsk, 2012. P. 100–104.

4. **Vodop'yanova N. E., Starchenkova E. S.** Sindrom vy'goraniya. Diagnostika i profilaktika: prakticheskoe posobie [Burnout syndrome. Diagnostics and prevention: a practical guide]. M.: Yurajt, 2017. 343 p.

5. **Groza I. V.** Vliyanie vozrasta i stazha pedagoga na e'mocional'noe vy'goranie [Influence of age and experience of teacher on emotional burnout] // Sovremennyye naukoemkie tekhnologii [Modern Knowledge-Intensive Technologies]. 2009. № 10 P. 63–54.

6. **Zeer E. F.** Psixologiya professij: uchebnoe posobie dlya vuzov [Psychology of professions: a textbook for universities]. M.: Ekaterinburg: Akademicheskij proekt: Delovaya kniga, 2003. 330 p.

7. **Kabanova T. N., Dubinskij A. A., Moskovskaya M. S.** Stazh professional'noj deyatel'nosti kak faktor, determiniruyushhij razlichiya v vospriyatii stressa u sotrudnikov sledstvenny'x organov [Professional experience as a factor determining differences in the perception of stress among investigative officers] // Prikladnaya yuridicheskaya psixologiya [Applied Legal Psychology]. 2019. № 1 (46). P. 59–68.

8. **Korexova M. V., Novikova I. A., Solov'ev A. G.** Osobennosti proyavlenij psixicheskoy dezadaptacii u sotrudnikov pravooxranitel'ny'x organov s razny'm stazhem raboty [Features of manifestations of mental maladaptation among law enforcement officers with different work experience] // Mediko-biologicheskie i social'no-psixologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvy'chajny'x situaciyax [Medical, Biological and Socio-Psychological Safety Problems in Emergency Situations]. 2013. № 2. P. 67–72.

9. **Kotovskaya S. V.** Vzaimosvyaz' prodolzhitel'nosti sluzhebno-trudovogo stazha s vospriyatiem professional'noj nagruzki sub'ektami professional'noj deyatel'nosti [The relationship between the length of service and the perception of professional workload by subjects of professional activity] // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Vol. 4. № 4. P. 49–53.

10. **Kuznecov Yu. D., Povarenkov Yu. P., Czvetkova N. A.** Professional'ny'j stazh kak faktor izmereniya udovletvorennosti trudom [Professional experience as a factor in measuring labor satisfaction] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2006. № 2. P. 27–33.

11. **Lotareva T. Yu.** Vliyanie stazha raboty na zhiznesposobnost' professionalov social'noj sfery [The influence of seniority on the viability of social professionals] // Social'naya psixologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]. 2016. Vol. 7. № 4. P. 99–116.

12. **Murtazov A. M.** Professional'ny'j stress i psixosomaticheskie zabolevaniya u sotrudnikov pravooxranitel'ny'x organov [Professional stress and psychosomatic diseases in law enforcement officers] // Medicina truda i promy'shlennaya e'kologiya [Labor Medicine and Industrial ecology]. 2014. № 5. P. 41–44.

13. **Orel V. E.** Sindrom psixicheskogo vy'goraniya lichnosti [Personality mental burnout syndrome]. M.: In-t psixologii RAN, 2005. 330 p.

14. **Petrova O. A.** Vliyanie stazha i drugix faktorov na psixologicheskie osobennosti lichnosti demonstrativnogo pedagoga [The influence of seniority and other factors on the psychological features of the personality of a demonstrative teacher] // Mezhdunarodny'j nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. 2016. № 9. P. 97–99.

15. **Polyanskij A. I., By'kovskaya L. I.** Sindrom vy'goraniya kak fenomen v sovremennoj nauke [Burnout syndrome as a phenomenon in modern science] // Gorizonty' gumanitarnogo znaniya [Horizons of Humanitarian Knowledge]. 2018. № 5. P. 85–92.

16. Psixologicheskie osobennosti lichnosti professorsko-prepodavatel'skogo sostava v zavisimosti ot stazha trudovoj deyatel'nosti [Psychological features of the personality of faculty depending on the length of service] / T. M. Bogdanova et al. // Mezhdunarodny'j zhurnal prikladny'x i fundamental'ny'x issledovaniy [International Journal of Applied and Basic Research]. 2018. № 6. P. 198–202.

17. **Ry'bnikov V. Yu., Dubinskij A. A., Buly'gina V. G.** Individual'no-psixologicheskie prediktory adaptacii i dezadaptacii specialistov e'kstremal'nogo profilya deyatel'nosti [Individual-psychological predictors of adaptation and maladaptation of specialists of an extreme profile of activity] // E'kologiya cheloveka [Human Ecology]. 2017. № 3. P. 3–9.

18. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Tekhnologii, 2017. 356 p.

19. **Cherdy'mova E. I.** Sindrom e'mocional'nogo vy'goraniya specialista: monografiya [Specialist emotional burnout syndrome: monograph]. Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 2019. 124 p.

20. **Chutko L. S., Rozhkova A. V., Surushkina S. Yu.** Klinicheskie proyavleniya sindroma e`mocional'nogo vy`goraniya [Clinical manifestations of emotional burnout syndrome] // Zhurnal nevrologii i psixiatrii im. S. S. Korsakova [Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov]. 2019. Vol. 119. № 1. P. 14–16.
21. **Shejnov V. P.** Vzaimosvyazi viktimizacii s samoe`ffektivnost`yu i stilyami povedeniya [Relationships of victimization with self-effectiveness and behaviors] // Institut psixologii Rossijskoj Akademii Nauk. Organizacionnaya psixologiya i psixologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Work Psychology]. 2019. Vol. 4. № 3. P. 150–169.
22. **Hakansson C., Ahlborg G.** Occupational imbalance and the role of perceived stress in predicting stress-related disorders // Scandinavian Journal of Occupational Therapy. 2017. Vol. 25. № 4. P. 278–287. DOI: 10.1080/11038128.2017.1298666
23. **Maran D., Varetto A., Zedda M.** Occupational stress, anxiety and coping strategies in police officers // Occupational Medicine. 2015. Vol. 65. № 6. P. 447–466.
24. **Newton C., Teo S.** Identification and occupational stress: A stress-buffering perspective // Human Resource Management. 2013. Vol. 53. № 1. P. 89–113. DOI: 10.1002/hrm.21598

УДК 159.9
DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.7

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГЕРОЯ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

Психологический образ героя, понимаемого как человек борющийся, имеет свою выраженность в российской культуре. Борьба — уникальное явление и для человека, и для общества. Поэтому идея о герое-борце, представленная в реалиях повседневной жизни, особенно тщательно прорабатывалась столетиями многими мыслителями и фиксировалась в разнообразных культурных текстах, представляющих интерес для истории отечественной психологии, отражающей достижения российской культуры, являющейся ее составной и важной частью. В наследии российской культуры можно наблюдать генезис философско-методологической аргументации, доказательности ценности борьбы для человека от частных, единичных высказываний до «объемного» восприятия смыслов и смыслообразов противоборства, зримо проявляемых в архетипах храбрости, довлеющих и над современными героями-борцами. Борьба определяет общий строй мыслей и чувств человека, формирует систему ценностей, способствует социализации. Системный анализ творческого наследия отечественных мыслителей различных эпох, их текстов, вошедших в российскую культуру, позволяет отметить, что здесь нашла свое отражение морфология борьбы, ее целесмыслы, причинность, мотивация и описание разнообразных борцовских действий, послуживших содержанием модельных характеристик героя — человека борющегося.

Ключевые слова: системный анализ; образ; герой; человек борющийся; борьба; архетипы храбрости; философско-методологическая аргументация; модельные характеристики.

Для цитаты: Иванов Д. В. Психологический образ героя в российской культуре: системный анализ // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 82–92. DOI 10.25688/2223-6872.2021.39.3.7

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.
E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*
ORCID: 0000-0002-2478-1468

**PSYCHOLOGICAL IMAGE OF THE HERO IN RUSSIAN CULTURE:
SYSTEM ANALYSIS**

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The psychological image of the hero, understood as a “struggling man”, has its own expression in Russian culture. Struggle as a phenomenon is unique both for a person and for the society, therefore, the idea of a hero-fighter, presented in the realities of everyday life, has been especially carefully studied for centuries by many thinkers, recorded in various “cultural” texts important for the history of Russian psychology, reflecting the achievements of Russian culture, which is its integral and important part. In the heritage of Russian culture, one can observe the genesis of philosophical and methodological argumentation, evidence of the value of struggle for a person from private, single statements to the “three-dimensional” perception of the meanings and semantics of confrontation, visibly manifested in the archetypes of bravery, dominating over modern heroes-fighters. The struggle determines the general structure of a person’s thoughts and feelings, his behavior, helps to identify the main contours of the system of values and norms that allow him to socialize in a group. A systemic analysis of the creative heritage of Russian thinkers of various eras, their “texts” that have entered Russian culture allows us to note that the morphology of struggling, its meanings, causality, motivation and description of various struggling actions, which served as the content of the model characteristics of the hero — the man fighting, are reflected here.

Keywords: system analysis; image; hero; man struggling; struggle; archetypes of bravery; philosophical and methodological argumentation; model characteristics.

For citation: Ivanov D. V. Psychological image of the hero in Russian culture: system analysis // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 82–92. DOI 10.25688/2223-6872.2021.39.3.7

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Борьба представляет собой уникальное явление в жизни человека и человеческого общества. Идея о герое — человеке борющемся — представлена в реалиях жизни, отечественных литературных текстах, ее философско-методологической аргументации, психологических парадигмах и воспитательной практике [8: с. 38; 9: с. 9]. Она представляет интерес для современной психологии и ее истории, поскольку основные ситуации борьбы в их первоначальном проявлении, зафиксированные в общественных институтах, продолжают оказывать влияние на формирование системы ценностей личности. Дефиниции борьбы в умозаключениях, так или иначе

представленных в российской культуре, многоварианты. Борьба оказывает воздействие, предполагает взаимодействие и изменение внутренне-внешнего плана. Причины борьбы разнообразны: от личностно-ценностных (саморегуляция своих возможностей, демонстрация жизнеспособности и др.) и общественно-полезных (более глубокое познание возможностей других и т. п.) до армейско-военных (стимулирование героического поведения, доминирование специальных компетенций и др.). Представленность борьбы, ее описание в культуре позволяет выделить телесный и духовный аспекты, которые составили исторические, социокультурные, внутренние предпосылки к описанию феномена противоборства. Это особо значимо для истории

психологической мысли, являющейся важной частью российской культуры [20: с. 5], вобравшей в себя как научное, так и вненаучное (особо ценное, как считают теперь исследователи) психологическое познание — житейские представления, искусство, мифологию, религию и др. [10; 11: с. 62]. Все это становится актуальным на фоне поиска отечественной психологической мыслью своей исторической идентичности и единых, хотя и разнородных, знаний о человеке — основ для дальнейшего развития [17: с. 72; 18: с. 238].

Смысл и коннотации борьбы в российской культуре. Архетипический образ героя

Смысл и коннотации борьбы имеют продолжительный генезис в отечественной культуре, начиная с социально-психологического механизма противопоставления «мы» и «они», базального для противоборства [1; 6: с. 3]. Как явление, борьба становилась условием сохранения общности ее целостности, она формировала представления о лучшем, добром, способствовала защите/охране человека (игры, ритуалы, обряды) [3: с. 10; 4: с. 3]. Борьба находит свое отражение в языке, в пословицах, поговорках — философско-психологических миниатюрах, в самой обрядово-праздничной культуре (в том числе в православных праздниках) [13: с. 76].

В процессе анализа семиотического значения понятия «борьба» важным является рассмотрение русских пословиц и поговорок: они призваны закрепить в сознании человека (и общества) субстанциональность и универсальность борьбы.

В наследии российской культуры, народной практике воспитания, оказания психологической помощи представлены специальные воинские (ратные) и борцовские заговоры [7: с. 297]. Произнося такой заговор, человек верил, что содержащаяся в ритме следующих друг за другом слов-формул сила, охраняющая его, позволяет успешно проявить свои умственные, духовные и телесные возможности. Сакральная семантика единоборства

представлена в различных ритуалах, а также в тризне и ее поздних вариациях, в почитании и культе предков. Современные условия жизни позволяют сохранять традиции подобных ритуалов, поэтому исследователи-психологи имеют в своем распоряжении разнообразную, пришедшую из глубины истории корреспонденцию об обрядовой борьбе (имитативной магии), ее субституциях (замещениях) в социальной практике вплоть до настоящего времени и ее влиянии на психологию человека.

Борьба институализирована на уровне воспитательной практики и в ходе исторического развития, она закреплялась как ритуализированная интенция (игра-испытание, игра-забава, игра-научение), способствующая проявлению у участников их интеллектуальных, духовных, физических (телесных) возможностей. Борьба способствовала научению действиям в противостоянии обстоятельствам и окружающим, фокусируя их в воинские навыки, в умение индивида адекватно воспринимать ситуацию, стремиться к успеху, осуществлять поиск важных, недостающих качеств. В широком плане борьба помогает обнаружить функциональную зависимость личностных особенностей от стереотипных воздействий, связь между индивидуальным психологическим опытом и спецификой поведения индивида.

В целом в рамках социального института воспитания борьба прогрессировала от архаических способов своего проявления до специфической подростково-юношеской ритуализации и мужской системы коммуникации, стиля взаимоотношений, восприятия значимого социального опыта и его передачи последующим поколениям.

Борьба, включенная в систему коммуникации, являющаяся архетипической ситуацией, способствовала созданию образа человека-героя, архетипа борца с развитым единоборческим мировоззрением, ощущением мира как сферы своей борьбы и осуществления себя. Сущность образа героя-единоборца рельефно предстает в мифах, былинах, сказках.

Эпическая песня — русская былина, культурный текст, а затем и сказка «социализируют» борьбу, дают ей вербальное культурно-

обрядовое обрамление и ориентируют каждое молодое поколение на особенный героический стиль. В плане социализации борьба облекается свойствами — феноменологическими особенностями: поле как весь мир для борьбы добра и зла, интеракция как ритуал взаимодействия, интенция как взаимонаправленность действий, постепенное встраивание возможностей в соучастие героев единоборства [9: с. 14].

Более детальный анализ феноменологических особенностей борьбы и ее вербального обрамления как героического стиля, описанного в былинах, дает возможность рассмотреть различные проявления архетипа героя-храбра, храброго человека-борца (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович) [5: с. 150; 9: с. 15].

Психология понимает под архетипом изначальный образ. Сущность образа героя-единоборца, обнаруживающаяся в борьбе с противниками, представлена уже в цикле былин об Илье Муромце. Образ этого героя задается психологическими моделями умонастроения русских сказителей. Характер его борьбы витальный, но Илья способен к самоконтролю и преобразованию своей силы, зависящей, правда, от сакральных, трансцендентальных источников, в творческое соучастие в борьбе со своими противниками. Способы его действий позволяют слушателю былин рассмотреть реальность отношений и многофункциональность борьбы как ценности для индивидуального сознания человека. Борьба активизирует потенциальные возможности героя и является необходимым условием становления личности.

Другим архетипом храборства является былинный образ Добрыни Никитича. Его борьба ситуационная, она подпитывается вариациями возникающих в ходе жизни возможностей. Добрыня-единоборец проявляет себя и свои потенциальные возможности в зависимости от обстоятельств.

Более поздним по сравнению с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем является героический образ Алеша Поповича [9: с. 18]. В нем отмечается поворот в мифологическом сознании от изображения необычайной телесно-психической мощи героя-защитника,

предрешающей исход борьбы с его врагом, в сторону описания нравственно-психологических качеств первого (ловкий, удалой, бесшабашный, жизнерадостный, лукавый, задорный). Алеша Попович уже не наделяется большой физической силой, как другие герои-единоборцы былинных циклов, зато он «напуском смел», и это позволяет ему одерживать свои победы. Алеше Поповичу свойственен игровой характер борьбы, его образ становится более человеческим, обыденным; он играет со своими противниками, а играя — обманывая, — он их побеждает.

Анализируя образы былинных героев-единоборцев, можно заключить, что архетипы былин позволяют определить важное место борьбы (витальной, ситуационной, игровой) в сознании русского человека, ее значимость для самоопределения последнего в ценностных представлениях о мире, созидании собственного образа. Борьба в былинах, сказаниях имеет не только словесное описание, укладывающееся в формулы словосочетаний, но и в психологическое наполнение пространственных (внутренних и внешних), интеракционных и интенционных параметров возникающей реальности в поведении человека.

Героические песни, былины, легенды обозначают суть созидания психологии русского человека, позволяют передавать духовный, нравственно-ценный опыт от одного поколения к другому. В былинах, сказаниях, сказках представлена морфология борьбы — целесмыслы, обусловленные причинностью и мотивами, последующие действия (сам процесс борьбы). Целесмыслы борьбы помогают найти причинность и обосновать мотивацию будущих индивидуальных действий, осознать интенционную потребность, сформировать смысло-текстовую структуру — «выписанность» борьбы, ее жизненных приложений.

Представления о борьбе в памятниках русской культуры эпохи Древней Руси и Московского царства

Феномен борьбы в метафорической, символической и буквальном форме нашел свое описание в разнообразных, разножанровых

отечественных источниках, благодаря которым человек другой эпохи смог донести до современности свое представление о борьбе в контексте социальных, материальных и духовных ценностей, в рамках широкого психологического опыта.

Наследие отечественной культуры — литературные произведения — тексты, содержащие описание борьбы, со времен Древней Руси и Московского царства имеют ряд системно-взаимосвязанных критериев, среди которых иерархичность смыслов противоборства; наличие концептов телесной и духовной борьбы; литературные и психологические формулы борьбы. Среди таких источников, позволяющих истолковать феноменологию и психологию борьбы, отмечаются скриптурные, литургические, вероучительные, проповеднические, житийные (агиографические), апокрифические и др. (русские летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская, Галицкая и др.; учительные слова Феодосия Печерского, «Поучение» Владимира II Мономаха; послания митрополита Никифора I; «Поучение» Серапиона Владимирского; «Лествица» Иоанна Синайского, «Диоптра» Филиппа Пустынника; сборник «Златая цепь»; Житие Александра Невского; «Житие Ермаково» и др.; воинские повести; сборник изречений «Пчела»; «Палея Толковая»; патерики; Макарьевские «Великие Четьи-Минеи», философско-психологические, публицистические сочинения Ивана IV, И. С. Пересветова, А. М. Курбского, Ермолая Еразма, К. Истомина, Аввакума; духовные стихи; воинские песни; апокрифы) [2: с. 116; 12; 15: с. 102]. Литературные произведения как живые источники формировали в общественном и индивидуальном сознании идеи о борьбе и человеке борющемся.

Идея борьбы, ее сущность нашли свое описание и, что более важно, свое осмысление в разножанровых источниках, литературных памятниках, относящихся в полной мере к истории отечественной психологической мысли, широкому психологическому опыту, отрефлексированному в контексте социальных, материальных и духовных ценностей [16: с. 10]. Такие тексты можно обозначить как источники, в которых обнаруживается иерархичность смыслов противоборства, а также

концепты телесной и духовной борьбы человека.

В общем, отечественная психологическая мысль живо откликнулась на идею борьбы как важную проблему «осуществления» человека, общества (и государства); как составляющую жизнеобустроительного психологического учения и необходимого праксиологического знания телесности и духовности; как художественно-пластическую форму осмысления действительности. И если изначально представленность идеи борьбы происходила на уровне описания, то впоследствии она прошла стадию рефлексии и кумулировалась в общий идеогенез смыслов бытия и назначения русского человека.

Для отечественной психологической рефлексии характерными являются две тенденции осмысления борьбы (ее морфологии и генезиса), а именно: от внешней к внутренней — от армейско-военной причинности к общественно-полезной и личностно-ценностной (мирская житийная литература, воинские повести, воинские и исторические песни, летописи, поучения и т. д.); от внутренней к внешней — от личностно-ценностной и общественно-полезной причинности к армейско-военной (скриптурные, вероучительные, проповеднические, агиографические, апокрифические источники, наставления, поучения, послания и т. д.).

Святоотеческая, многосмысловая литература — патристика, базирующаяся на аретологии, исихазме и аскетизме, подводила человека к мысли о борении, способствующему завоеванию пространства внутренней свободы, восхождению к Богу, к себе для реализации потенциала в добродетельности и претворению добра в мире.

Светские представления, героика и коннотации о противоборстве, основанные на социально-опытном осмыслении нужности и данности борьбы, находили понимание в обществе, стремящемся к жизнеспособности и жизнестойкости.

Разножанровые отечественные милитарные источники, их содержание зримо свидетельствует о проработанности проблематики борьбы, хотя бы на уровне ее причинности и смыслов. В конечном итоге святоотеческая и светская литература эпохи Древней Руси

и времен Московского царства способствовали становлению всего того, что так или иначе легло в основу философско-методологической аргументации противоборства, психологической мысли и формирования представлений о человеке борющемся в более поздние периоды истории.

Генезис философско-методологической аргументации ценности борьбы в российской культуре

Генезис философско-методологической аргументации ценности борьбы происходил постепенно, историко-психологическая реконструкция идей о ней осуществлялась в соответствии с движением мысли в обоих направлениях — от прошлого к настоящему и от настоящего к прошлому, — что позволило воссоздать «объемное» восприятие смыслов и смыслообразов противоборства. В ходе генезиса представлений о борьбе у ее отечественных апологетов постепенно исчезает синкретизм, размытость и неопределенность многозначных и многофункциональных метафор и аллегорий, фактически все, что было характерно для «борцовских» источников прошлого. Философские и психологические идеи и представления о борьбе благодаря постепенному наполнению содержания все новыми ценностями формируют концептуальный строй философско-методологической аргументации противоборства вплоть до настоящего времени. Аргументированно выступающие в пользу борьбы и ее значимости в жизни человека мыслители (апологеты борьбы) рассматривают различные ее формы, виды и проявления в дихотомии: внутреннее — внешнее; гармоничное — дисгармоничное; контингентное — неконтингентное; имплицитное — эксплицитное; деструктивное — конструктивное; ритуализированное — неритуализированное; прогрессивное — регрессивное. В приведенной дихотомии можно условно выделять приверженцев той или иной дефиниции борьбы, поскольку высказывания российских мыслителей носят более объемный характер, зачастую выпадающий за пределы требуемого для анализа

описания противоборства. Антропологическое (в основном) звучание проблемы человека в транскрипции, унаследованных многими поколениями отечественных мыслителей, философско-психологических представлений о человеческом противоборстве позволяло им свободно интерпретировать явление борьбы и ее значение в непрерывности исторического хронотопа.

Все отечественные мыслители, так или иначе обращавшиеся к теме человеческого противоборства, доказательно отмечают совпадение границ возможного, должного и данного — конгруэнтность борьбы, человека и его бытия. В их рефлексии появляются совокупности понятий, которые внутренне взаимосвязаны и отражают сущность и функциональную природу борьбы, благодаря чему раскрывается и сущность самого человека.

Идеалом российских мыслителей является герой-борец — духовная, высоконравственная, цельная, всесторонне развитая личность (индивидуальность), отдающая себя на благо народа, общества (и государства). Представления о борьбе («борении»), отрефлексированные в рамках характерного для отечественной культуры образа мышления, стали основой развития идеи о человеке борющемся в российской психологии.

Представления о герое-борце отличаются рядом характерных особенностей. Они базируются на сложившейся доказательной системе взглядов, рассматривавшей проблему человека и выделившей идею борьбы в качестве значимой для ее решения. Они позитивно воспринимались в социально-философском и антропологическом их рассмотрении отечественной психологической мыслью. В XI–XVII вв. человек определялся как борец за веру и абсолютный идеал. Нравственное отношение к собственному бытию и самому себе, потребность в совершении духовных, социально-значимых, армейско-военных подвигов являются сквозными характеристиками русского человека, а их антропологическое и социально-философское осмысление в философско-психологических текстах, памятниках религиозной и светской литературы — определяющим в понятии «святая Русь».

Русское Просвещение (XVIII – первая треть XIX вв.) также искало ответы на вопросы о сущности человека, его месте в окружающем мире. Человек в понимании отечественных просветителей естественен, он часть природы (ее дитя), разумен, следовательно, склонен к творчеству, применению законов природы для собственного блага. Человек обладает чувственным и разумным началами и борется за гармонизацию и творческое преобразование. Как личность он проходит духовное и нравственное становление, преодолевая трудности и сложности психологического развития (воля и аффекты). Человек социален и должен занять высокое место в мире благодаря развитию творческих способностей и стремлению к общественно-полезной борьбе, достаточно лишь его достойно воспитать.

Психологическая мысль в России второй половины XIX в. уникальна и самобытна в рассмотрении психологических проблем. В ней оказались сильны и традиции предшествующих поколений, и вера в бесконечное совершенствование человека. Мир материальных, социальных и духовных ценностей заставлял отечественных авторов осмысливать конгруэнтность-неконгруэнтность человека, бытия, борьбы и тем самым направлял российскую психологическую мысль в ее становлении.

Отечественная философско-методологическая аргументация противоборства способствовала распространению психологического способа описания и объяснения проблемы человека в развивающейся российской психологии (конец XIX – начало XX в.)¹. Хотя идеи о борьбе и человеческом борении мыслились в рамках традиционных этических представлений о человеке как о верующем, благоразумном, преданном, тем не менее они потребовали нового, уже психологического, описания его познавательных возможностей, познавательного потенциала, эмоционально-чувственного и волевого миров, личностной сферы.

¹ *Иванов Д. В.* Системные представления о человеке борющемся в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX века // Системная психология и социология. 2020. № 2 (34). С. 108–118. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.34.2.09

Человек выделялся российским психологам конца XIX – начала XX в. как уникальное явление («дитя природы», «цельное общественное существо», «культурно-творческая сила», «индивидуальная личность» и т. п.), имеющий возможность бесконечного совершенствования.

Особенностью описания человека была дихотомия природного – культурного, индивидуального – социального, ментального – физического, телесного – психического, взаимодополняющая целостное видение психологической проблематики. Эти соподчиненные понятия зачастую противостоят друг другу в психологических высказываниях отечественных исследователей, однако помогают выявить основные конструкторы и нарративы, представить гнозис борьбы в их характеристиках и описаниях человека.

Сам гнозис борьбы в функционально-содержательном значении очень ценен для понимания проблематики, связанной с темой «человек борющийся» в отечественной психологической мысли и более позднего времени (советского и постсоветского) [14: с. 252; 19: с. 118], в частности в том, что касается его познавательного потенциала, социальной активности и борцовской позиции в нравственном и политическом ее преломлении.

Психологический образ героя, его качества и характеристики

Концепт борьбы в описании российскими психологами сенсорных возможностей человека возникает как идея о преодолении («победимости») сопротивления, осязаемого человеком. Жизнеощущения начинаются с проявлений борьбы на сенсорном уровне: чувство борьбы составляет основание жизненного опыта человека. Развитие перцепции реализует познавательные возможности человека в борьбе за целостность и полноту жизни, формируют перцептивный образ Я-борющегося. Представление «как творческая сила» направляет развитие познавательных моделей самосовершенствования, а также способствует трансляции совокупности средств и форм противоборства через поколения. Память

формирует индивидуальный опыт и возможности героя-борца. Индивидуальная память во взаимосвязи с исторической участвует в актуализации (запечатлении, сохранении, воспроизведении) психологических моделей борьбы, реализует ментальные, физические, телесно-психические формы мнемической реальности. Типология мышления влияет на развитие «духовного богатыря», усовершенствование его ментальной подвижности. Индивидуально-личностная содержательность мыслительных интенций определяет познавательные возможности человека борющегося. Он требует развития воображения для активизации познавательных возможностей, направления своих борюще-творящих интенций на воплощение создаваемых идеальных миров, образов, ценностей в повседневности. Своевременное обучение языку способствует самораскрытию борюще-творящих интенций. Язык, превращаемый в речь, воплощается в текстах, увлекая идеей борьбы новые поколения людей. Герой — человек борющийся — сам предстает как «борцовский текст», «история духовной жизни народа», показывает вершины развития и самопознания. Речь, обуславливающая прогресс мысли, соединяясь с мышлением, помогает описывать его бытие, вербализирует смысл опыта борьбы, входящего в отечественную культуру. Внимание борющегося человека, его сосредоточенность («зоркость») помогают понять организующую/самоорганизующую действенность индивида.

Эмоционально-чувственный мир человека преобразуется благодаря его борьбе. Высшие чувства — эстетические, интеллектуальные, нравственные — направлены на упорядочивание интенций борьбы в должном, социально требуемом русле накопления опыта и формируют их нормативно-моральную оценку. Человек переживает героическое как прекрасное, сущностное, что составляет «борцовскость» его поведения.

В духовном мире борющегося героя борьба дифференцирует волевые усилия, волевое напряжение, гармонизирует влечения и потребности индивида. Свою высшую добродетель человек развивает в борьбе. Волевой мир приемлет витальную, ситуационную, игровую борьбу, которая инициируется

как личностно-ценностная, общественно-полезная, армейско-военная. Культура и общество зачастую требуют от человека в определенных историко-временных условиях «бойцовских способностей», и волевой мир конструирует их в реальности.

В описаниях российских психологов эмоционально-чувственный и волевой миры включают глубинные диспозиции смыслообразования действий и переживаний индивида, способствуют теоретико-методологическому и праксиологическому пониманию проблемы человека борющегося.

Человек борющийся представлялся российским мыслителям как индивид, стремящийся к физическому (телесному), духовному, личностному, культурному совершенству, преодолевающий препятствия на своем пути. Для описания достижений использовались нарративы и конструкты борьбы, парадигмы человека борющегося. Конструкты как значимые понятия создают общее представление о ситуациях, способах, возможностях возникновения и протекания борьбы.

В ходе ретроспективной психологической интерпретации такие нарративы выделены как небольшие повествовательные тексты, включенные в различные значимые для культуры источники. Они многоплановы и порождают парадигмы героя — человека борющегося, — имеющие место в отечественной психологической мысли, представленной в российской культуре.

Для отечественной психологии показательными являются телеологическая, синергетическая и аксиологическая парадигмы, которые более глубоко раскрывают морфологию борьбы и проблему человека борющегося. Телеологическая парадигма апеллирует к целям, синергетическая — к самоорганизованности, в то время как аксиологическая объясняет борьбу организованностью человека.

Парадигмы содержат модельные характеристики героя, причем как на стадии его становления, так и на стадии проявления им своих возможностей.

Модельными характеристиками стадии становления человека служат внутренняя свобода, рациональность, изменчивость и совершенствование качеств и свойств личности

(даже при наличии внутренних констант), потребность в личностном росте и самосовершенствовании («желание подвига»), самопознании и познании других.

Стадия проявления борющимся человеком своих возможностей (познавательного потенциала, эмоционально-чувственного и волевого миров и т. д.) характеризуется такими модельными составляющими, как нравственность, духовность, разумность, мирозерцание, патриотичность, вера в высшие ценности и идеалы, устремленность в будущее, стремление к высшим переживаниям (чувствам), самопознаваемость, самодеятельность, потребность в познании других, интеллектуализация как способность воспринимать мир разносторонне, цельность, волевой характер, мужество, смелость, общительность и мечтательность.

Структурными компонентами модели человека борющегося являются его действия (борьба), интересы, опыт, наклонности, настроения, характер и индивидуальность. Способами моделирования (развития и формирования, социализации и воспитания) выступают труд, игра, обучение, искусство, физическая культура, особенно в тех своих вариациях, когда борьба (противоборство) является сущностью их содержания. Именно они позволяют организовать человека, ставить перед ним цель, также создавать условия для самоорганизации себя в устремленности к идеалам.

Благодаря названным характеристикам и структурным составляющим модели героя он может быть описан как человек борющийся и может быть объяснена основная историко-психологическая тенденция разрешения этой проблемы в российской культуре.

Выводы

1. Борьба и ее парадоксальная природа нашли отражение в языке, текстах, действиях, повседневности человека.

2. В философско-психологических произведениях, представленных различными текстами, нашедшими свое место в российской культуре, где показана морфология борьбы, включаются «описания» ее целесмыслов

(от возвышенно-ценных до праксиологических), причинность возникновения, мотивация (как для отдельного человека, так и общества в целом), описание действий (от значимых моментов до структурно-взаимосвязанных актов). Воззрения отечественных мыслителей, благодаря их историко-психологической реконструкции и системному анализу, входят составной частью в историю психологической мысли, особенно в вопросы, касающиеся сущности человека, богатства его внутреннего мира (психики), развития и воспитания личности.

3. Системный анализ творческого наследия российских мыслителей, позволяет объединять в единое целое философско-психологические представления о борьбе и герое — человеке борющимся, — начиная с эпохи Древней Руси и Московского царства и до новейшего времени.

Заключение

Проведенный системный анализ, историко-психологическая реконструкция представлений о борьбе, идеи о герое в российской философско-психологической мысли, позволяют выявить ряд закономерностей: во-первых, борьба априорно присутствует в смыслогенезисе деятельности и всего, что присуще человеку; во-вторых, имеет психологическое содержание и позволяет описывать человека как героя; в-третьих, интерес к ней постоянен на протяжении всей российской истории (всей философско-психологической мысли), находит свое отражение в культуре.

Актуализация социально-исторического, ментального опыта идеи о герое — человеке борющимся, — характерная для отечественной психологической мысли, а также осуществление поиска смысловой опоры становления современного человека достижимы, если происходит: 1) обеспечение возможности воспроизведения в повседневности нарративов и парадигм героя — человека борющегося, и их реализация как способа преодоления негативных явлений в жизни индивида; 2) формирование у человека единого мировоззрения, основу которого составляют духовность и нравственность, сам поиск

нравственной гармонии с окружающим миром; 3) идентификация индивидуальных борцовских интенций и общественных устремлений, обнаружение и воспитание таковых в равносоотнесенности и проекциях друг на друга; 4) гармоничное, целостное развитие

человека на основе поиска единства требований общества к общественно-полезной борьбе и потенциальным возможностям личностно-ценностного противоборства; 5) развитие положительной мотивации к гнозису борьбы как способу самосовершенствования.

Литература

1. **Алимов В. Ш.** Конфликт, борьба и состязание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (86). С. 13–15.
2. **Бычков В. В.** 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica*: в 2 т. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 527 с.
3. **Горбунов Б. В.** Народные виды спортивной борьбы в традиционно-бытовой культуре славян XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.
4. **Горбунов Б. В.** Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских. Историко-этнографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 547 с.
5. Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий; отв. ред.: Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1974. 448 с.
6. **Дьяченко М. И., Кандыбович С. Л., Караяни А. Г.** История отечественной военной психологии: учебник. М.: Проспект, 2021. 488 с.
7. **Забылин М. М.** Русский народ, его обычаи, предания, суеверия и поэзия. М.: Изд. М. Березина, 1880. 614 с.
8. **Иванов Д. В.** Феномен борьбы в социальной антропологии и психологии личности: историко-психологический и философско-культурологический аспекты: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 64 с.
9. **Иванов Д. В.** Представление о феномене борьбы в российской философско-психологической мысли (XIX – начало XX в.): монография. Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2006. 88 с.
10. **Кольцова В. А., Медведев А. М.** Об изучении истории психологии в системе культуры // Психологический журн. 1992. Т. 13. № 5. С. 3–11.
11. **Кольцова В. А.** История психологии. Проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
12. **Костецкий В. В.** Аристократические истоки духовной культуры // Педагогика. 2011. № 2. С. 25–31.
13. **Климов Е. А.** Психологическая мысль в народном сознании далекого прошлого. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. 136 с.
14. **Петровский А. В.** История советской психологии. Формирование основ психологической науки: монография. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
15. Поучение Владимира Мономаха / сост.: К. С. Жуков. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 304 с.
16. Русская душа. Тысяча лет отечественного любомудрия: сб. / сост. и авт. вступ. ст.: С. В. Перевезенцев. М.: Роман-газета, 1994. 240 с.
17. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
18. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
19. **Смирнов А. А.** Развитие и современное состояние психологической науки в СССР: монография. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
20. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 420 с.

References

1. **Alimov V. Sh.** Konflikt, bor`ba i sostyazanie [Conflict, struggle and competition] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki [Historical,

philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2017. № 12-3 (86). P. 13–15.

2. **By'chkov V. V.** 2000 let xristianskoj kul'tury` sub specie aesthetica: v 2 t. T. 2: Slavyanskij mir. Drevnyaya Rus`. Rossiya [2000 years of Christian culture sub specie aesthetica: in 2 vol. Vol. 2: Slavic world. Ancient Russia. Russia]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 527 p.

3. **Gorbunov B. V.** Narodny'e vidy` sportivnoj bor'by` v tradicionno-by'tovoj kul'ture slavyan XIX – nachala XX v. Istoriko-e'tnograficheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Folk types of wrestling in the traditional everyday culture of the Slavs of the XIX – early XX centuries. Historical and ethnographic study: autoref. dis.... Candidate of Historical Sciences]. M., 1990. 24 p.

4. **Gorbunov B. V.** Voinskaya sostyazatel'no-igrovaya tradiciya v narodnoj kul'ture russkix. Istoriko-e'tnograficheskoe issledovanie: dis. ... d-ra ist. nauk [Military adversarial and game tradition in the folk culture of Russians. Historical and ethnographic study: dis.... Dr. of Historical Sciences]. M., 1997. 547 p.

5. Dobry'nya Nikitich i Alesha Popovich [Dobrynya Nikitich and Alesha Popovich] / izd. podgot. Yu. I. Smirnov, V. G. Smolickij; otv. red. E`. V. Pomeranceva. M.: Nauka, 1974. 448 p.

6. **D'yachenko M. I., Kandy'bovich S. L., Karayani A. G.** Istoriya otechestvennoj voennoj psixologii: uchebnik [History of Russian military psychology: textbook]. M.: Prospekt, 2021. 488 p.

7. **Zaby'lin M. M.** Russkij narod, ego oby'chai, predaniya, sueveriya i poe'ziya [Russian people, their customs, traditions, superstitions and poetry: monograph]. M.: Izd. M. Berezina, 1880. 614 p.

8. **Ivanov D. V.** Fenomen bor'by` v social'noj antropologii i psixologii lichnosti: istoriko-psixologicheskij i filosofsko-kul'turologicheskij aspekty`: ucheb. posobie [Phenomenon of struggle in social anthropology and psychology of personality: historical, psychological and philosophical and cultural aspects: textbook]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2003. 64 p.

9. **Ivanov D. V.** Predstavlenie o fenomene bor'by` v rossijskoj filosofsko-psixologicheskoy my'sli (XIX – nachalo XX v.): monografiya [Idea of the phenomenon of struggle in Russian philosophical and psychological thought (XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk: Izd-vo IrGSXA, 2006. 88 p.

10. **Kol'czova V. A., Medvedev A. M.** Ob izuchenii istorii psixologii v sisteme kul'tury` [On the study of the history of psychology in the system of culture] // Psixologicheskij zhurn [Psychological journal]. 1992. Vol. 13. № 5. P. 3–11.

11. **Kol'czova V. A.** Istoriya psixologii. Problemy` metodologii: monografiya [History of psychology. Problems of methodology: monograph]. M.: IP RAN, 2008. 512 p.

12. **Kosteczkiy V. V.** Aristokraticheskie istoki duxovoj kul'tury` [Aristocratic origins of brass culture] // Pedagogika [Pedagogy]. 2011. № 2. P. 25–31.

13. **Klimov E. A.** Psixologicheskaya my'sl' v narodnom soznanii dalekogo proshlogo [Psychological thought in the popular consciousness of the distant past]. M.: Mosk. psixol.-socz. in-t, 2006. 136 p.

14. **Petrovskij A. V.** Istoriya sovetskoj psixologii. Formirovanie osnov psixologicheskoy nauki: monografiya [History of Soviet psychology. Formation of the foundations of psychological science: monograph]. M.: Prosveshhenie, 1967. 367 p.

15. Pouchenie Vladimira Monomaxa [Teaching of Vladimir Monomakh: collection] / sost. K. S. Zhukov. M.: OLMA Media Grupp, 2014. 304 p.

16. Russkaya dusha. Ty'syacha let otechestvennogo lyubomudriya: sb. [Russian soul. A thousand years of domestic love: collection] / sost. i avt. vstup. st. S. V. Perevezencev. M.: Roman-gazeta, 1994. 240 p.

17. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie Teknologii, 2017. 356 p.

18. **Ry'zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my'sli. Puti i zakonomernosti: ucheb. posobie [History of psychological thought. Paths and patterns: textbook]. 2-e izd. M.: FLINTA, 2021. 352 p.

19. **Smirnov A. A.** Razvitie i sovremennoe sostoyanie psixologicheskoy nauki v SSSR: monografiya [The development and modern state of psychological science in the USSR: monograph]. M.: Pedagogika, 1975. 352 p.

20. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskix vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekax: monografiya [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries: monograph]. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 420 p.

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.39.3.8

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.: СТУДЕНЧЕСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Е. Ю. Коржова,
РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург,
elenakorjova@gmail.com,

А. С. Стебенёв,
РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург,
stebenev@inbox.ru

Статья посвящена исследованию истории становления российской психологии в контексте широкого проникновения европейских научных концепций в духовную жизнь русского общества. Развитие психологической мысли в России — это попытка использования новых методов с целью возвращения к главной проблеме — познанию души человека. При этом системный анализ формирования психологической мысли в духовных учреждениях может способствовать целостному осмыслению истории развития психологического знания в конце XIX – начале XX в.

В статье рассматриваются такие малоизученные факты истории отечественной психологии, как ее становление и преподавание в стенах Санкт-Петербургской духовной академии. Именно здесь впервые в Российской империи в духовном учебном заведении была создана отдельная кафедра психологии, а преподаватели стали активно использовать практические занятия по психологии как необходимый этап изучения предмета. Логическим продолжением этого процесса явилась организация студенческого психологического общества в 1900 г. Отмечена роль студенческой инициативы в создании общества, руководителем которого стал профессор В. С. Серебrenиков. Кратко описаны правила организации общества, некоторые особенности подготовки и обсуждения докладов. Темы рефератов и докладов были посвящены изучению актуальных тем, разрабатывавшихся в рамках различных психологических направлений того времени. Приведены некоторые темы докладов, которые обсуждались на заседаниях общества в разные годы. За время своего существования обществом была собрана библиотека психологической и философской литературы, позволявшая его членам быть в курсе современных достижений в области психологии, выступать с докладами на текущих заседаниях. Некоторые доклады общества были опубликованы в периодических изданиях. Описаны причины закрытия студенческого психологического общества в 1906 г. В заключение отмечены положительные результаты деятельности общества и продолжение практических занятий в рамках духовных образовательных учреждений.

Ключевые слова: системный анализ; психология; Санкт-Петербургская духовная академия; В. С. Серебrenиков; студенческое психологическое общество.

Для цитаты: Коржова Е. Ю., Стебенёв А. С. Психологическая мысль России конца XIX – начала XX в.: студенческое психологическое общество Санкт-Петербургской духовной академии // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39) С. 93–104. DOI 10.25688/2223-6872. 2021.39.3.8

Коржова Елена Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

E-mail: *elenakorjova@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-1128-1421

Стебенёв Александр Станиславович, аспирант кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

E-mail: *stebenev@inbox.ru*

ORCID: 0000-0002-2938-8032

© Коржова Е. Ю., Стебенёв А. С., 2021

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.8

**PSYCHOLOGICAL THOUGHT OF RUSSIA
OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES:
STUDENT PSYCHOLOGICAL SOCIETY
OF THE ST. PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

E. Yu. Korzhova,

Herzen University, St. Petersburg,
elenakorjova@gmail.com,

A. S. Stebenev,

Herzen University, St. Petersburg,
stebenev@inbox.ru

The article is devoted to the study of the formation of history of Russian psychology in the context of the widespread penetration of European scientific concepts into the spiritual life of Russian society. The development of psychological thought in Russia is an attempt to use new methods in order to return to the main problem – learning of the human soul. At the same time, a systemic analysis of the formation of psychological thought in theological institutions can contribute to a holistic understanding of the history of psychological knowledge development in the late nineteenth and early twentieth centuries.

The article examines such insufficiently known facts of the history of Russian psychology as its formation and teaching within the walls of the St. Petersburg Theological Academy. It was here that for the first time among the theological educational institutions in the Russian Empire, a separate department was formed, and teachers began to use practical classes in psychology as a necessary stage of studying the subject. The logical continuation of this process was the organization of the Student Psychological Society in 1900. The role of the student initiative in the creation of the society, headed by Professor V. S. Serebrenikov, was noted. The rules of the organization of the society, some features of writing and discussion of reports are briefly described. The topics of abstracts and reports were devoted to the study of subjects developed within the framework of various psychological trends of that time. Some topics of the reports that were discussed at the meetings of the society in different years of its work are given. During the period of its existence, the society has collected a library of psychological and philosophical literature, which allowed its members to be aware of modern achievements in psychology, to make presentations at the meetings. Some of the society reports have been published in periodicals. The reasons for the closure of the student psychological society in 1906 are described. In conclusion, the positive results of the society's activities and the continuation of practical classes within the framework of theological educational institutions.

Keywords: system analysis; psychology; St. Petersburg Theological Academy; V. S. Serebrenikov; student Psychological society.

For citation: Korzhova E. Yu., Stebenev A. S. Psychological thought of Russia of the late XIX – early XX centuries: student psychological society of the St. Petersburg Theological Academy // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 93–104. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.8

Korzhova Elena Yurievna, doctor of psychological sciences, professor, Head of the Department of Human psychology at the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: elenakorjova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1128-1421

Stebenev Alexander Stanislavovich, postgraduate student of the Department of Human psychology at the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: stebenev@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-2938-8032

Введение

Становление российской психологии в значительной степени обусловлено особенностями национального исторического пути и либерализацией духовной жизни России конца XIX в. Развитие психологической мысли тесно переплетено с идеями религиозного самосознания и нравственного совершенствования, являющимися частью русской культуры, глубоко христианской по своей сути. Проникновение прогрессивных научных идей психологической направленности в область православного мировоззрения связано с попыткой осознания духовных смысложизненных ориентиров российского общества. При этом Санкт-Петербург, являясь крупнейшим культурным центром, стал наиболее подходящей почвой для применения научного подхода к психологическому знанию в контексте духовного мировосприятия.

Студенческие общества играли важную роль в становлении психологической мысли в отечественных учебных заведениях на протяжении нескольких столетий. Особый интерес представляют взгляды и идеи психологического плана, которые формировались в российских духовных школах и учебных заведениях, сохраняя не только связь с глубокими философско-психологическими традициями «ученой книжности», но и развивая значимые теории современности. Подобный взгляд существенно расходится со сложившейся в историографии психологического знания точкой зрения на религиозное образование как отсталое в плане основных философско-психологических достижений своего времени.

События начала XX в. изменили не только саму историю России, но также пресекли развитие психологической науки в духовных учебных заведениях. Как показывает библиографический анализ, в большинстве историко-психологических исследований отсутствует целостное представление об особенностях развития психологической науки в духовных школах, а также ее сравнение со светской психологией того же периода. Системный подход при анализе историко-психологических работ позволяет рассмотреть явления

не изолированно, а в их совокупности, увидеть логику формирования и развития научного знания в различные исторические эпохи [24: с. 72]. Системный анализ достижений психологической мысли в духовных школах способствует восполнению пробелов в истории отечественной психологии. На передний план выступают студенческие общества как показатель активности каждого нового поколения в учебном и научном плане.

На основе подобранной базы источников — документов ЦГИА, отчетов о состоянии Санкт-Петербургской духовной академии, опубликованных в периодических изданиях, аутентичных времени изучаемого общественного явления, дополнительных библиографических источников — в статье предпринята попытка системного анализа деятельности студенческого психологического общества, открытого при академии в начале XX в.

Развитие психологических идей в Санкт-Петербургской духовной академии: В. С. Серебренников

Выделение российской психологии в качестве самостоятельного научного направления связано с периодом реформации 1860–1880 гг. и демократизацией общественных отношений по западному образцу. Результатом коренной модернизации российского общества стало проникновение европейской научной идеологии в различные сферы отечественной науки. При этом следует отметить, что развитие российской психологии вызвано отнюдь не механическим привнесением западных концепций и их формальным усвоением. Психологическая мысль в России — это прежде всего попытка использования новых научных методов с целью возвращения к главной проблеме — познанию души человека. Широкое распространение европейских научных концепций прослеживается среди значительного числа университетских преподавателей и исследователей конца XIX в. [25: с. 238]. Однако не только светские учебные заведения, но и духовные академии ощутили на себе влияние прогрессивных идей, нашедших живой отклик в русском сознании. В частности,

в стенах духовных академий зарождаются студенческие общества как показатель активного восприятия новых концепций и их осмысления не только в научном, но и в духовном плане.

Студенческие общества при духовных академиях в России имеют свою историю с начала XIX столетия и до их закрытия в начале XX в. Первое студенческое объединение под названием «Ученые беседы» появилось в 1816 г. в Московской духовной академии. В то время темы докладов и рефератов, обсуждаемых на заседаниях студентов, носили богословско-философский характер [2: с. 5]. Однако именно это общество становится прообразом возникшего через несколько десятилетий студенческого психологического общества (далее — СПО) при Санкт-Петербургской духовной академии (далее — СПбДА), где в то время специально была создана кафедра психологии, на которой спектр интересов был в определенных условиях несколько шире, нежели христианская психология. Религиозно-психологическое учение, имевшее корни в древнерусской философско-психологической мысли и христианской антропологии, в конце XIX – начале XX в. активно распространяли С. С. Гогоцкий, П. Д. Юркевич, Н. О. Лосский, В. И. Несмелов, В. А. Снегирёв, Л. М. Лопатин, В. В. Розанов, И. И. Лапшин, С. Л. Франк и др. [23: с. 37]. Многие из них вели курсы как в духовных, так и в светских высших учебных заведениях, активно интересовались достижениями развивавшейся в мировой и отечественной науке экспериментальной психологии.

Распространившаяся в конце XIX в. практика написания выпускных работ в духовных академиях по философско-психологической проблематике подвела к идее о создании СПО. Так, в 1894 г. в СПбДА из 42 выпускников десять представили к защите работы философско-психологического характера [23: с. 44]. Количество заинтересованных в психологическом знании обучающихся и преподавателей становилось больше.

В самом начале XX в. в Санкт-Петербургской духовной академии уже существовало семь студенческих обществ [7: с. 257]. Одним из них стало основанное 27 ноября

1900 г. студенческое психологическое общество [1: с. 812], которое пользовалось особой популярностью среди слушателей академии [29: с. 142].

На изломе столетий появились психологическая теория (психоанализ) З. Фрейда [25: с. 193], терминологическое определение дифференциальной психологии, впервые употребленное немецким исследователем В. Штерном. В России активно продвигаются идеи детской психологии, психологии воспитания (Н. Ф. Бунаков, П. Ф. Лесгафт, П. Ф. Каптерев и др.). Студенческое психологическое общество предоставило возможность заинтересованной группе студентов СПбДА стать своего рода проводниками достижений психологической мысли в духовной среде.

Инициатива создания СПО принадлежала студенческому сообществу [1: с. 811]: из 29 учредителей общества 20 человек были слушателями одного из курсов академии [7: с. 258]. Их назвали «славной дружиной инициаторов этого дела» [30: с. 508], что стало своеобразной отсылкой к знаменитой петровской «ученой дружине» во главе с Феофаном Прокоповичем, доктором богословия, архиепископом Новгородским и Великолуцким, профессором Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий, автором курса психологии [22: с. 14].

Председателем СПО был избран преподаватель психологии СПбДА, ординарный профессор В. С. Серебренников [8: с. 155], который стал его бессменным руководителем на протяжении всего времени существования общества. Именно он оказал существенное влияние на развитие всех сторон жизни СПО [30: с. 509].

Серебренников Виталий Степанович (1862–1942) — выпускник Вятской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, доктор богословия, заслуженный ординарный профессор этой академии. Успехи его ученой и учебной деятельности были отмечены в «Церковном вестнике» — одном из исторических документов эпохи [3].

Будучи студентом, В. С. Серебренников увлекался английской психологией и симпатизировал взглядам и теориям Дж. Локка. В ходе своей заграничной командировки

в 1892–1893 гг. он занимался у виднейшего немецкого ученого В. Вундта, открывшего первую психологическую лабораторию в Лейпцигском университете [25: с. 153]. Посещал курс психологии О. Кюльпе — ближайшего ученика В. Вундта, в дальнейшем основателя Вюрцбургской школы психологии [25: с. 185]. Познакомился с организацией и исследовательской работой в институтах экспериментальной психологии в Гёттингене, Гейдельберге, Бонне, Берлине, Париже. Позже на своей пробной лекции в СПбДА он зачитает доклад «Психология как самостоятельная наука». В ее «самостоятельности» он смог убедиться в ходе поездки.

В своих академических лекциях профессор Серебренников подверг критике теории Г. В. Лейбница, Г. Эббингауза, Г. Гёффдинга, В. Вунда, А. Пфендера и др. Учение о душе человека Г. В. Лейбница стало темой исследования его докторской диссертации.

Приобретенные знания и практический опыт позволили В. С. Серебренникову исполнять обязанности профессора экспериментальной психологии в Петроградском университете, заниматься наукой в Географическом институте, сотрудничать с Академией наук. Он был членом совета в философском обществе Санкт-Петербургского университета, действовавшего под руководством профессора А. И. Введенского, признававшего необходимость использования психологии в целях объективного изучения познавательных процессов [28: с. 180].

Автор монографических работ и статей, В. С. Серебренников всю свою жизнь стремился к духовному совершенствованию и представляет собой целостную, гармоничную, зрелую личность, чье научное творчество привлекает внимание исследователей в области истории психологии [10: с. 5].

Открытию СПО предшествовало серьезное осознание научным сообществом необходимости привлечения к объяснению закономерностей реального мира, наравне с философией, результатов естествознания, т. е. незаменимость синтеза разнодисциплинарных знаний о человеке, являющегося условием развития психологического знания [24: с. 72]. Кроме того, проникновение эксперимента

в психологию, которая перестала быть умозрительной; наличие профессорско-преподавательского состава, ориентированного на серьезную работу с учащимися академии, и неподдельная увлеченность миром психологии со стороны интеллигенции стали катализаторами процесса институализации общественного интереса к психологическим знаниям.

Организация деятельности студенческого психологического общества

Само СПО под председательством профессора В. С. Серебренникова работало системно, по утвержденному плану. Закрытые заседания проходили в течение всего учебного года, в конце которого, как правило, проводили собрание, открытое для гостей. Это был своего рода смотр достижений общества, показатель его работоспособности.

В первый год существования общества готовились и обсуждались доклады исключительно на психологические темы. Затем тематика выступлений участников несколько расширилась и уже включала в себя темы общефилософского характера [3: с. 1225]. О популярности СПО в студенческой среде говорит увеличение численности его членов: первый год — 35 человек, второй — 50, третий — 70 [1: с. 814]. Общество пользовалось всецелой поддержкой со стороны профессорско-преподавательского состава академии, представители которого регулярно посещали заседания и активно участвовали в научных дискуссиях. Среди них можно отметить таких профессоров академии, как преподаватель пастырского богословия и педагогики протоиерей С. А. Соллертинский, преподаватель философии и член Санкт-Петербургского философского общества Д. П. Миртов, преподаватель логики и метафизики А. П. Высокоостровский и др. [30: с. 507].

По мере своего становления и развития СПО все более привлекало внимание профессионалов и общественности за рамками академии. На третий год существования общества Санкт-Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) утвердил «Правила занятий Студенческого Психологического

Общества при С.-Петербургской Духовной Академии», которые включали в себя среди прочих следующие пункты: «§ 1. Имеет целью изучение Психологии и связанных с нею философских наук. § 2. Для достижения этой цели Общество устраивает очередные занятия, на которых читаются и обсуждаются доклады на психологические и философские темы... § 4. Общество находится в ведении Ректора Академии на общих основаниях, непосредственное же руководство Обществом принадлежит одному из профессоров Академии, изъявившему на то свое желание, с согласия Ректора Академии» [12: л. 2]. Оформлялась сама система работы СПО, ориентировавшая на более глубокое познание научно-психологических представлений того времени, овладение профессиональным тезаурусом.

Согласно утвержденным правилам занятий, обществом управляло собрание действительных членов и выбранный этим собранием совет. Последний состоял из председателя, товарища (заместителя) председателя, секретаря, библиотекаря, распорядителя по устройству заседаний и членов совета, которые избирались общим собранием на срок от одного до трех лет. Действительные члены избирались из студентов академии. Они принимали на себя обязательство активно участвовать в составлении и обсуждении докладов, представлять не менее одного своего доклада на заседании СПО, также регулярно вносить на нужды библиотеки пожертвование в размере 65 копеек. Собрание выбирало темы докладов на предстоящий учебный год, которые после этого согласовывались с профессором Серебренниковым и утверждались ректором академии. Известно, что согласно общей процедуре докладчик за неделю до назначенного заседания знакомил с темой и тезисами своего доклада и литературой специально приставленного к нему ассистента. Задачей последнего было аргументированно высказать по поводу готового доклада свои замечания на заседании. Институт официальных ассистентов, которые выступали со своими возражениями и дополнениями после тщательного ознакомления с текстом самого доклада, был призван порождать бурную научную дискуссию по представленному вопросу, что оставляло

у слушателей впечатление, что затронутые в докладе вопросы рассмотрены выступающим достаточно основательно [30: с. 508]. Поединок мнений, к которому оказывались причастны все члены общества, способствовал тщательной проработке психологического вопроса.

Деятельность СПО нашла свое отражение в таких исторических документах, как отчеты о состоянии СПбДА, в ряде публикаций свидетелей происшедшего, одним из которых являлся, например, студент Феофилов, писавший для «Церковного вестника» [30].

Председатель СПО Серебренников приложил немалые усилия в ходе создания библиотечного фонда общества, необходимого для целостной организации его деятельности. Его личная активность, а также финансовая поддержка руководства академии и частные пожертвования позволили собрать при обществе психологическую библиотеку [3: с. 1225]. В 1902 г. Серебренников был избран председателем учрежденной при СПбДА постоянной библиотечной комиссии [21: с. 45], что позволило своевременно пополнять книжный фонд новой психологической литературой. Уже к моменту закрытия общества в 1906 г. эта профессиональная библиотека насчитывала около 750 томов научных сочинений по психологии и философии на общую сумму более 1000 рублей [3: с. 1224]. При этом пожертвования в библиотеку общества осуществлялись в том числе и книгами. Среди жертвователей — имена известных в то время университетских профессоров: А. И. Введенского, Г. И. Челпанова, Н. Н. Ланге, Н. О. Лосского [16: с. 41]. Все они остались в истории отечественной дореволюционной психологии как яркие и значимые для ее теории мыслители. Их труды изучались членами общества, их читали, они служили предметом дискуссий и увлечений студентов.

О высокой оценке деятельности СПО говорит тот факт, что пожертвование на книги для его библиотеки в 1904 г. было сделано митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским), заинтересованным в учебных и научных достижениях его членов.

После прекращения деятельности общества вся библиотека была передана в фонд психологической семинарии, открытой Серебренниковым при своей кафедре, где уделялось

внимание психофизическим исследованиям и экспериментальным методам [28: с. 174]. Еще в 1912 г. библиотека, как известно, имела инвентарный, карточный и печатный каталоги [3: с. 1225]. В настоящее время сохранившиеся книги находятся в фонде фундаментальной библиотеки СПбДА; отличить их можно по имеющемуся экслибрису «СПО» [9: с. 306].

В целом деятельность СПО была продуманна и обоснованна, имела хорошую методическую поддержку, в том числе и благодаря фондам созданной библиотеки, базировалась на принципах взаимообучения и взаимоконтроля, что позволяло достичь значимых результатов и привлечь к себе внимание аудитории даже вне стен академии.

Научная деятельность студенческого психологического общества

Первый год своего существования общество занималось изучением «полного систематического курса психологии» на основе лекций, читавшихся профессором Казанской духовной академии и Казанского университета В. А. Снегирёвым [1: с. 813], создателем «психологии живой личности» [11: с. 452]. Как отмечают исследователи, по мнению Снегирёва, человек являлся индивидуумом, личностью и индивидуальностью с уникальными нравственными и душевными качествами [5: с. 110]. В связи с этим вполне понятен его призыв к осознанию человеком собственных «внутренних сил: ума, воли, чувства, их качеств, также качеств нравственных», и заботе о душе — «основе и последующей причине жизни» [26: с. 301]. Для обучающихся в академии данные положения были близки и легко воспринимались. В первый же год 14 рефератов было посвящено «воззрениям» Снегирёва [1: с. 813; 13: с. 366]. Так, например, один из докладов был посвящен его учению о происхождении общих понятий и представлений [27]. Докладчик М. Г. Осипов объяснял суть «душевных процессов по Снегирёву» [1: с. 813] и т. д. Можно отметить, что взгляды ученого сыграли свою существенную роль в распространении психологического знания в дореволюционной России.

Кроме этого, внимание членов СПО привлекали зарубежные ученые — авторы систематических курсов психологии, а именно: В. Вундт, Х. Гёффдинг, У. Джеймс, Г. Спенсер, А. Бэн, Ж. Фонсегрив [1: с. 813], чьи идеи находили свой отклик среди молодежи.

И если СПО в самом своем становлении представляло собой некий практикум по психологии по типу семинариумов, которые существовали при других академических кафедрах, то в дальнейшем оно превращается в «ученое философско-психологическое общество», а выбор тем заседаний определяется общим интересом всех членов СПО [1: с. 814]. Уже в 1901 г. состоялось 28 заседаний, где было «доложено и обсуждено» 30 докладов на психологические темы.

В 1902 г. с участием 70 членов общества прошло 12 заседаний. На них было представлено 12 докладов, из которых две трети были посвящены вопросам общей и «индивидуальной» психологии, остальные — вопросам, стоящим на стыке с этикой и эстетикой, где психологические методы были весьма актуальны. В этом же году заседания СПО посещал ректор академии и некоторые академические инспектора [14: с. 521], что говорит о значительно возросшем интересе к ним со стороны руководства учебного заведения и о наличии контроля за «умствованиями» обучающихся.

В 1903 г. проведено 12 заседаний, на которых было заслушано 11 докладов. Особо можно отметить доклад о значении общества для самообразования и самовоспитания его членов. Интерес вызывают также темы некоторых докладов, а именно: «Бессознательная душевная жизнь», «О колдовстве и порче с психологической точки зрения», «Привычка и ее значение в жизни человека», «Психология толпы» [15: с. 40]. Сами темы являются своего рода маркерами проблем, поднимаемых в научных кругах. Так, например, проблема психологии толпы, ее лидера — героя — оказывается в фокусе научных интересов русского мыслителя Н. К. Михайловского, впервые затронувшего эту проблему на страницах печати и искавшего в ходе ее рассмотрения и изучения объяснение понятию «высшая индивидуальность» [4: с. 48]. Наравне с идеями Михайловского российскую

интеллектуальную общественность привлекали своей актуальностью и незаконченностью теории французского ученого Г. Тарда, который также занимался проблемой толпы.

В 1904 г., несмотря на стабильно высокое число членов СПО (75 человек), количество докладов уменьшилось — 1 годовой и 9 очередных [16: с. 41]. На открытом годовом собрании общества В. Г. Соломин сделал доклад на тему «Цивилизация и нравственность», породивший бурную дискуссию. Выступления ассистентов и профессоров академии дали возможность слушателям получить не только представление о существующих взглядах на заявленную тему [30: с. 507], но и понять ее живость в конкретике разворачивающихся исследований. Из других докладов необходимо отметить такие, как «Сознание и его развитие», «Застенчивость», также взволновавших присутствовавших при их прочтении членов общества. Председателем СПО, профессором В. С. Серебренниковым было сделано сообщение о Втором международном философском конгрессе, проходившем в том же году в Швейцарии [16: с. 41]. По-видимому, данное сообщение было сделано на основе анализа ведущей научной западноевропейской периодики и было с воодушевлением встречено членами общества, активно интересовавшимися реальными проблемами в мировой научной мысли.

Достижением общества стала публикация отчетов о его заседаниях в авторитетном русском периодическом психологическом журнале «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» [16: с. 41; 30: с. 508], выходившем под общей редакцией профессора В. М. Бехтерева, что говорит о возросшем в определенной мере научном уровне докладов и проявившемся общественном интересе. Сам Бехтерев, также когда-то проходивший стажировку у В. Вудта в Лейпцигской лаборатории, хорошо знал Серебренникова, с которым они вместе редактировали «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» [28: с. 181]. Именно Бехтерев открыл в России первую экспериментальную психологическую лабораторию в Казани в 1885 г., а затем и Психоневрологический институт (1907) [6: с. 297]. Он автор

известных работ по психологии, среди которых «Объективная психология» (1907) и др., остающаяся в поле зрения современных студентов, изучающих как историю, так и теорию отечественной психологической мысли [11: с. 120].

В 1905–1907 гг. было прочитано по три доклада [17: с. 34; 18: с. 33–34]. Отмечается некоторый упадок деятельности СПО, если брать во внимание количество представленных на его заседаниях докладов. Наиболее значимые темы этих лет: «Психология мифов» [18: с. 33], «Первичное самосознание», «Ложь у детей» [19: с. 34]. Угасающий интерес к науке можно предположительно объяснить той непростой социально-политической обстановкой, которая возникла в России, и событиями революции 1905 г. Империя стала меняться. Неудивительно, что общественное настроение в империи отразилось и на настроениях в студенческой среде.

Руководство академии в столь непростых условиях принимает решение о закрытии всех студенческих обществ. В 1906 г. «вследствие начавшихся студенческих брожений» этот запрет коснулся и СПО: оно прекратило свое существование [3: с. 1225]. Однако в отчете о состоянии СПбДА за 1907 г. имеется краткая справка о заседаниях СПО, но уже в 1908 г. такая информация отсутствует [20: с. 51]. Конечно, для завершения всех текущих дел обществу могло потребоваться некоторое время.

Как показал анализ тем и вопросов, поднимавшихся на заседаниях, членов общества привлекали проблемы общей и экспериментальной психологии, психологии личности и психологии культуры. Интерес к психологическому знанию и экспериментальной психологии возвратился в лекционные залы и психологическую семинарию при кафедре В. С. Серебренникова.

Несмотря на прекращение деятельности студенческих обществ в духовных академиях, они оказали значимое влияние на устав этих учебных заведений. В 1911 г., когда станут постепенно забываться социально-политические потрясения революции 1905 г., а страна станет экономически более стабильной, по мнению ряда исследователей, новый

устав впервые позволит проводить практические занятия по ряду дисциплин именно благодаря апробированным в начале столетия научным студенческим сообществам [7: с. 254].

Выводы

Научная деятельность студенческого психологического общества (1900–1907 гг.) является частным примером развития российской психологической мысли в дореволюционный период.

1. Открытию СПО при Санкт-Петербургской духовной академии предшествовали существенно возросший интерес к психологическому знанию в России; открытие кафедры психологии в академии и присутствие на ней квалифицированного специалиста — В. С. Серебrenникова, чей научный и педагогический вклад оставил отпечаток в истории развития психологической мысли; активная творческая позиция студенческого сообщества при явной поддержке профессорско-преподавательского состава академии.

2. Деятельность СПО была продуманна и обоснованна, имела хорошую методическую поддержку, в том числе и благодаря фондам созданной библиотеки, базировалась на принципах взаимообучения и взаимоконтроля, что позволяло достичь значимых результатов и привлечь к себе внимание аудитории даже вне стен академии.

3. Научная деятельность СПО стала заметной на фоне общего развития российской дореволюционной психологической науки в учебных заведениях. Был пройден путь от осмысления и объяснения теорий и взглядов, содержащихся в работах известных психологов до самостоятельных размышлений. Членов общества привлекали проблемы общей и экспериментальной психологии, психологии личности и психологии культуры. Информация о деятельности общества доводилась до широкой общественности. В научно-учебную деятельность по психологии в духовных академиях внедрялся эксперимент.

Заключение

Становление психологии в России конца XIX в. связано с поиском научных методов с целью познания душевной жизни человека, что объясняет возникновение интереса к проблеме изучения психических явлений в рамках духовных образовательных учреждений. При этом осмысление психологии как экспериментальной науки через призму религиозного мировосприятия является попыткой создания нового подхода в психологии, признающего за наукой и богословием равные права в постижении смысложизненных ориентаций личности. Системный анализ истории отечественной психологии показывает специфику ее развития в контексте духовного мировоззрения. Возникновение в начале XX в. студенческого психологического при Санкт-Петербургской духовной академии является примером осмысления существовавших научных концепций и попыткой самостоятельного мышления.

Спустя столетие после закрытия студенческого психологического общества необходимо признать, что результаты его работы не исчезли из истории отечественной психологии. В истории развития российской психологической мысли осталась яркая фигура ученого-психолога В. С. Серебrenникова, а также результаты его научной деятельности. После прекращения деятельности общества вся библиотека была передана в фонд психологической семинарии при кафедре психологии этой академии и до настоящего времени служит здесь образовательным и научным целям. Опыт организации студенческих сообществ в дореволюционной России послужил одной из причин закрепления в уставе духовных учебных заведений положения о проведении практических занятий по различным предметам.

Литература

1. **Алексеевский А.** Студенческое Психологическое Общество при С.-Петербургской Духовной Академии // Христианское чтение. 1903. № 5. С. 811–815.
2. **Глаголев С. С.** Протоиерей Ф. А. Голубинский (его жизнь и деятельность). Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898. 46 с.
3. Двадцатипятилетие ученой и учебной деятельности проф. В. С. Серебrenикова // Церковный вестник. 1912. № 39. С. 1221–1226.
4. **Иванов Д. В.** «Человек борющийся» в неклассической российской психологии (конец XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск: ИрГСХА, 2005. 252 с.
5. **Иванов Д. В.** Эссенциальное течение в российской психологии (конец XIX – начало XX столетия) // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 109–116.
6. Из истории русской психологии: сб. / под ред. М. В. Соколова. М.: АПН РСФСР, 1961. 440 с.
7. **Карпук Д. А.** История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.): дис. ... канд. богословия. СПб., 2008. 389 с.
8. **Карпук Д. А.** История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.): прилож. к дис. ... канд. богословия. СПб., 2008. 238 с.
9. Книжные знаки, владельческие и дарственные записи на книгах библиотеки Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. Ч. II. Знаки духовных и светских учреждений / сост. игумен Стефан (Садо), А. Н. Михайлов. СПб.: СПбДА, 2009. 608 с.
10. **Коржова Е. Ю.** Творческий лик русских мыслителей: монография. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 507 с.
11. **Коржова Е. Ю.** Психология личности: учеб. пособие. СПб: Питер, 2020. 544 с.
12. О деятельности студенческого психологического общества // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 277. Оп. 1. Д. 3460. Л. 2.
13. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1900 г. // Христианское чтение. 1901. Ч. I. С. 366–367.
14. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1902 г. // Христианское чтение. 1903. № 3. С. 488–525.
15. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1903 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 42 с.
16. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1904 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. 42 с.
17. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1905 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1906. 35 с.
18. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1906 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. 35 с.
19. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1907 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. 35 с.
20. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1908 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909. 51 с.
21. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1911 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1912. 58 с.
22. **Пелех П. М.** Психология в Киево-Могилянской коллегии XVII века: автореф. ... канд. пед. наук. Киев, 1948. 18 с.
23. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории: монография / под ред. А. В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 1997. 576 с.
24. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 355 с.
25. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
26. **Снегирёв В. А.** Психология. Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1893. 700 с.
27. **Сырцов А. И.** Учение проф. Снегирева о происхождении общих представлений и понятий. Из доклада, читанного в заседании «Студенческого психологического Общества» при С.-Петербургской Духовной академии 8 февраля 1901 года // Христианское чтение. 1901. № 11. С. 783–792.

28. **Шиндаров С. Б.** Ученая и учебная деятельность профессора СПбДА В. С. Серебrenикова // Христианское чтение. 2011. № 3. С. 169–195.
29. **Шкаровский М. В.** Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2015. 560 с.
30. **Феофилов П. И.** Студенческое Психологическое Общество // Церковный вестник. 1904. № 16. С. 507–510.

References

1. **Alekseevskij A.** Studencheskoe psixologicheskoe obshhestvo pri S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii [Student Psychological Society at the St. Petersburg Theological Academy] // Xristianskoe chtenie [Christian Reading]. 1903. № 5. P. 811–815.
2. **Glagolev S. S.** Protoierej F. A. Golubinskij (ego zhizn` i deyatel`nost`) [Golubinsky: his life and activity]. Sergiev Posad: 2-ya tip. A. I. Snegirevoj, 1898. 46 p.
3. Dvadczipatyatiletie uchenoj i uchebnoj deyatel`nosti prof. V. S. Serebrenikova [Twenty-fifth anniversary of scientist and academic activity prof. V. S. Serebrenikova] // Cerkovny`j vestnik [Church Bulletin]. 1912. № 39. P. 1221–1226.
4. **Ivanov D. V.** «Chelovek boryushhijsya» v neklassicheskoj rossijskoj psixologii (konecz XIX – nachalo XX vv.): monografiya [“The Man Struggling” in non-classical Russian psychology (late XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk: IrGSXA, 2005. 252 p.
5. **Ivanov D. V.** E`ssencial`noe techenie v rossijskoj psixologii (konecz XIX – nachalo XX stoletiya) [Essential current in Russian psychology (late XIX – early XX centuries)] // Sibirskij psixologicheskij zhurnal [Siberian psychological journal]. 2006. № 24. P. 109–116.
6. Iz istorii russoj psixologii: sb. [From the history of Russian psychology: sb.] / pod red. M. V. Sokolova. M.: APN RSFSR, 1961. 440 p.
7. **Karpuk D. A.** Istoriya Sankt-Peterburgskoj duxovnoj akademii (1889–1918 gg.): dis. ... kand. bogosloviya [History of the St. Petersburg Theological Academy (1889–1918): dis.... cand. theology]. SPb., 2008. 389 p.
8. **Karpuk D. A.** Istoriya Sankt-Peterburgskoj duxovnoj akademii (1889–1918 gg.): prilozh. k dis. ... kand. bogosloviya [History of the St. Petersburg Spiritual Academy (1889–1918): appendix to dis. ... cand. theology]. SPb., 2008. 238 p.
9. Knizhny`e znaki, vladel`cheskie i darstvenny`e zapisi na knigax biblioteki Sankt-Peterburgskoj Pravoslavnoj Duxovnoj Akademii. Ch. II. Znaki duxovny`x i svetskix uchrezhdenij [Book signs, owner and gift records on the books of the library of the St. Petersburg Orthodox Theological Academy. Part II. Signs of spiritual and secular institutions] / sost. igumen Stefan (Sado), A. N. Mixajlov. SPb.: SPbDA, 2009. 608 p.
10. **Korzhoval E. Yu.** Tvorcheskij lik russoj my`slitelej: monografiya [Creative face of Russian thinkers: monograph]. SPb.: Obshhestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. 507 p.
11. **Korzhoval E. Yu.** Psixologiya lichnosti: ucheb. posobie [Personality psychology: text. manual]. SPb: Piter, 2020. 544 p.
12. O deyatel`nosti studencheskogo psixologicheskogo obshhestva [On the activities of the student psychological society] // Central`nyj gosudarstvennyj istoricheskij arxiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb). Fund 277. Inventory 1. Case 3460. Sheet 2.
13. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1900 [Report on the state of SPbDA for 1900] // Xristianskoe chtenie [Christian reading]. 1901. Ch. I. P. 366–367.
14. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1902 [Report on the state of SPbDA for 1902] // Xristianskoe chtenie [Christian reading]. 1903. № 3. P. 488–525.
15. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1903 [Report on the state of SPbDA for 1903]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1904. 42 p.
16. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1904 [Report on the state of SPbDA for 1904]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1905. 42 p.
17. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1905 [Report on the state of SPbDA for 1905]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1906. 35 p.
18. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1906 [Report on the state of SPbDA for 1906]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1907. 35 p.
19. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1907 [Report on the state of SPbDA for 1907]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1908. 35 p.

20. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1908 [Report on the state of SPbDA for 1908]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1909. 51 p.
21. Otchet o sostoyanii S.-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii za 1911 [Report on the state of SPbDA for 1911]. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1912. 58 p.
22. **Pelex P. M.** Psixologiya v Kievo-Mogilyanskoj kollegii XVII veka: avtoref. ... kand. ped. nauk [Psychology in the Kiev-Mohyla College of the 17th century: autoref.... cand. ped. sciences]. Kiev, 1948. 18 p.
23. Psixologicheskaya nauka v Rossii v stoletii XX stoletiya: problemy` teorii i istorii: monografiya [Psychological science in Russia in the century of the XX century: problems of theory and history: monograph] / pod red. A.V. Brushlinskogo. M.: IP RAN, 1997. 576 p.
24. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. M.: T8: Izdatel'skie Tekhnologii, 2017. 355 p.
25. **Ry`zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Paths and patterns]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
26. **Snegiryov V. A.** Psixologiya [Psychology]. Xar'kov: Tip. Adol'fa Darre, 1893. 700 p.
27. **Sy`rczov A. I.** Uchenie prof. Snegiryova o proisxozhdenii obshhix predstavlenij i ponyatij. Iz doklada, chitannogo v zasedanii «Studencheskogo psixologicheskogo Obshhestva» pri S.-Peterburgskoj Duxovnoj akademii 8 fevralya 1901 goda [Teaching prof. Snegireva about the origin of general ideas and concepts. From the report read in the meeting of the “Student Psychological Society” at SPbDA on February 8, 1901] // Xristianskoe chtenie [Christian reading]. 1901. № 11. P. 783–792.
28. **Shindarov S. B.** Uchenaya i uchebnaya deyatel'nost' professora SPbDA V. S. Serebrenikova [Scientific and educational activities of the professor of St. Petersburg State University V. S. Serebrenikova] // Xristianskoe chtenie [Christian reading]. 2011. № 3. P. 169–195.
29. **Shkarovskij M. V.** Sankt-Peterburgskie duxovny`e shkoly` v XX–XXI vv.: v 2 t. T. 1 [St. Petersburg Spiritual Schools in the XX–XXI centuries: in 2 vols. Vol. 1.]. SPb.: Izd-vo SPbPDA, 2015. 560 p.
30. **Feofilov P. I.** Studencheskoe Psixologicheskoe Obshhestvo [Student Psychological Society] // Cerkovny`j vestnik [Church Bulletin]. 1904. № 16. P. 507–510.

УДК 316.2

DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.9

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДАХ П. А. СОРОКИНА И А. ТОЙНБИ

А. В. Ткаченко,
МГПУ, Москва,
TkachenkoAV@mgpu.ru

В статье рассматриваются социологические концепции двух великих ученых XX в. — П. А. Сорокина и А. Тойнби. Оба социолога оставили после себя сотни сочинений, посвященных анализу самых разных социальных процессов. Их интересовало как прошлое, так и настоящее и даже будущее человечества. При описании тенденций социального развития они более широко, чем большинство современных им мыслителей, использовали системный подход.

Оба философа видели в человеческом обществе социальную систему, которая тысячелетиями функционирует по свойственным ей системным законам. Все процессы, происходящие внутри этой системы, изучены ими на примере отдельных подсистем, или цивилизаций. Независимо друг от друга П. А. Сорокин и А. Тойнби применили системный подход к анализу эволюционного пути, пройденного западной и другими подсистемами, и пришли к схожим выводам о развитии всех крупных сообществ до кульминационной точки, после которой начинается распад внутренних связей и деградация любой подсистемы. Оба одинаково связывали становление и упадок подсистем с утверждением определенных идей и предполагали цикличность данного процесса, когда на смену гибнущему сообществу приходит новое.

В статье проводится сравнительный анализ позиций великих социологов, на основе которого выделяются как общие, так и оригинальные положения их концепций. Интерес П. А. Сорокина и А. Тойнби к глобальным и локальным социальным процессам, их знание истории, культуры и религии отдельных народов, характерная для их концепций систематизация информации из разных гуманитарных наук позволяют успешно осуществлять разбор теорий этих ученых с позиций системного подхода.

Ключевые слова: социальная система; социальная подсистема; системный подход; П. А. Сорокин; А. Тойнби; цивилизация; социальное развитие; общество.

Для цитаты: Ткаченко А. В. Системный подход в социологических трудах П. А. Сорокина и А. Тойнби // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 105–115. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.9

Ткаченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-5271-3665

A SYSTEM APPROACH IN SOCIOLOGICAL WORKS OF P. A. SOROKIN AND A. TOYNBEE

A. V. Tkachenko,
MCU, Moscow,
TkachenkoAV@mgpu.ru

The article considers sociological concepts of two great scientists of the XX century P. A. Sorokin and A. Toynbee. Both sociologists left hundreds of works devoted to the analysis of various social processes. They were interested in both the past and the present, and even the future of mankind. When describing the trends of social development, they used a system approach more widely than most modern thinkers.

In human society P. A. Sorokin and A. Toynbee saw the social system that has been functioning for thousands of years according to its own system laws. All the processes occurring within this system have been studied by two scientists on the example of particular subsystems, or civilizations. Independently of each other, P. A. Sorokin and A. Toynbee applied a system approach to the analysis of the evolutionary path passed by the Western and other subsystems, and came to similar conclusions about the development of all major communities to the culmination point, after which the disintegration of internal connections and the degradation of any subsystem begin. Both P. A. Sorokin and A. Toynbee equally linked the formation and decline of subsystems with the approval of certain ideas and both assumed the cyclical nature of this process, when a new community comes to replace a dying one.

The article provides a comparative analysis of the positions of great sociologists, on the basis of which both general and original provisions of their concepts are distinguished. The interest of P. A. Sorokin and A. Toynbee in global and local social processes, their knowledge of the history, culture and religion of different peoples, the systematization of information from various humanities characteristic of their concepts allow them to analyze these scientists theories from the standpoint of a systematic approach.

Keywords: social system; social subsystem; system approach; P. A. Sorokin; A. Toynbee; civilization; social development; society.

For citation: Tkachenko A. V. A system approach in sociological works of P. A. Sorokin and A. Toynbee // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 105–115. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.9

Tkachenko Alexander Vladimirovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the University Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-5271-3665

Введение

В обширном научном наследии, оставленном П. А. Сорокиным и А. Тойнби, четко прослеживается несколько общих позиций. Во-первых, это историзм, который выражается в стремлении обоих ученых рассматривать жизнь общества в развитии, как часть процесса, приводящего в движение большие сообщества людей, которые зарождаются, выполняют свою миссию и со временем неизбежно погибают, становясь почвой для возникновения других сообществ.

Во-вторых, детерминизм. И. П. Сорокин, и А. Тойнби, родившись в один год, стали очевидцами бурных событий 1-й половины XX столетия и одинаково признали их закономерность, точно так же, как признали закономерность всех глобальных социальных процессов своей эпохи и прошедших веков.

В-третьих, идея цикличности, которая сводится к общей мысли о повторении социальных процессов с большими временными интервалами.

В-четвертых, идеализм. Как П. Сорокин, так и А. Тойнби были убеждены в определяющей

роли идей в развитии общества, причем идеи эти, по их мнению, должны быть религиозно окрашенными, заразительными для большинства населения и способными мотивировать большие группы людей на совершение коллективных действий исходя из присущих той или иной эпохе представлений о ценностях.

И наконец, в-пятых, системный подход к изучению социальных явлений. Мало у кого из известных в мире мыслителей он виден столь явственно, как у П. Сорокина и А. Тойнби. Именно эти ученые прямо описали общество как систему, имеющую определенные границы, внутреннюю целостность, нацеленность на решение общей задачи и находящуюся в постоянном процессе самовоспроизводства.

Системный подход в социологической концепции П. Сорокина

В отличие от А. Тойнби, которого, несмотря на его социологические работы, чаще всего считают историком и историкософом, получивший изначально юридическое образование, П. Сорокин во всем мире признается профессиональным социологом [7: с. 149]. Кажется бы, данное обстоятельство упрощает анализ концепции П. Сорокина как социологической теории. Но научное наследие этого ученого столь обширно, а взгляды столь разноплановы, что изучение его идей представляется более сложным делом, чем разбор в целом довольно стройной научной концепции А. Тойнби. Все человеческое общество П. Сорокин рассматривал как социальную систему, состоящую из людей, вещей и идей [8: с. 96], что роднит его с Тойнби. И точно так же, как и английский ученый, П. Сорокин первоочередное значение придавал главной для каждой подсистемы идее. Эта идея должна соответствовать мировоззрению большинства населения и той ценности, которая воспринимается обществом в конкретную эпоху в качестве основы мировоззрения [6: с. 140]. Отсюда выводится тезис о циклическом развитии подсистем: при относительной статичности всей системы ее подсистемы от эпохи к эпохе меняют вектор своего развития, опираясь то на одну, то на другую идею.

Источник: URL: <http://sorokin130.tilda.ws/> (дата обращения: 28.07.2021).

Рис. 1. Питирим Александрович Сорокин

Так, западное общество как важнейшая для последних столетий подсистема примерно за две с половиной тысячи лет сменило не менее трех социокультурных стилей. Каждый из них характеризовался особой преобладающей в сознании людей идеей и связанным с ней набором ценностей.

В античные времена господствовал стиль, основанный на идее поиска идеала на земле. Ему соответствовали культ красивого и здорового человеческого тела, утопические теории построения идеального государства и желание достигнуть при жизни гармонии с самим собой, с окружающими людьми и природой. Хорошими примерами могут служить идея Платона об идеальной организации полиса и идея Эпикура об атараксии. К сожалению, жизнь каждый раз разбивала иллюзии по поводу возможности создания гармоничного общества, так как социальная подсистема развивается по системным законам, а эти законы ведут ее сначала к расцвету, а потом к разложению. Более того, внутри подсистемы скапливаются противоречия, которые со временем дают о себе знать в виде войн, мятежей

и противоборствующих философских и религиозных течений. Сами древние греки догадывались о борьбе противоположностей как о факторе социального развития и любили состязательность как в спорте, так и в политике, искусстве и философии. И рано или поздно идея, объединявшая и направлявшая их подсистему, должна была поменяться под напором победившей ее противоположной идеи. Так и произошло в поздней Античности, когда на смену греко-римской мифологии и философии платонизма, эпикуреизма и стоицизма пришло христианство.

Утверждение христианства означало отказ от идеи построения благополучного общества на земле и внедрение в сознание европейцев и народов Восточного и Южного Средиземноморья мысли о поиске идеала на небесах, т. е. не в материальном мире. По окончании Средневековья и эта идея стала терять свою привлекательность, так как вторичное знакомство с искусством и философией Древней Греции и Рима, открытие богатства восточных культур и успехи в развитии науки и экономики привели Запад к желанию получать комфорт, радоваться жизни здесь и сейчас и к отказу от поиска идеала как при жизни, так и после смерти. Чувственное мировосприятие выработало новый социокультурный стиль, основанный на сенсуализме и эмпиризме. Таким образом, последние несколько столетий в Европе развивались эмпирические науки, рос индивидуализм и тиражировались политические теории, обещавшие немедленное материальное благополучие. Реально существующим признавалось лишь то, что можно ощутить органами чувств, и то, что вещественно. Отсюда постепенный отказ от религии с ее верой в духовные сущности, быстрое развитие промышленности, социальные революции и, как закономерный итог, сексуальная революция второй половины XX в. — апофеоз идеи о том, что ради удовлетворения чувств человека дозволено все.

Однако П. Сорокин предвидел глобальную смену ценностей в XXI столетии и настаивал на том, что западное общество, а вслед за ним вся мировая социальная система окажутся на пороге смены господствующего социокультурного стиля. Собственно, возможен выбор одного из двух вариантов

дальнейшего системного развития: возврат либо к поиску земного, но по-прежнему недостижимого идеала, либо к религиозному мировоззрению эпохи Средневековья. Если западная подсистема испытает тяжелейший кризис и начнет свое развитие заново, то уместно предположить повторение уже пройденного Европой пути, т. е. переход от чувственного социокультурного стиля к идеалистическому, а потом к религиозному и снова к чувственному [5]. В таком случае человечество ожидает культурная трансформация, делающая современную цивилизацию похожей на древнегреческую. Действительно, в последние десятилетия все чаще возводятся в абсолют идеи конкуренции и состязательности, культивируются занятия спортом и телесное здоровье, пропагандируются демократия и научно-технический прогресс. Эти явления напоминают идеалы древних эллинов. И, как и в античные времена, они противопоставляются христианству, а значит, закономерно приведут к утверждению квазирелигиозного неоязычества и соответствующих ему форм мифологии, философии и искусства. Через некоторое время люди устанут от накопившихся противоречий, современная социальная система потеряет свое равновесие и произойдет вторичное, как и в Средние века, распространение религиозного, а конкретно — монотеистического мировоззрения.

Впрочем, можно предположить и другой сценарий развития западной подсистемы, когда на смену существовавшему на протяжении последних веков чувственному социокультурному стилю сразу придет стиль религиозный. Так, Ю. Хабермас, пытаясь дать определение той ситуации, которая складывается в начале XXI в. во многих странах мира, ввел понятие постсекулярного общества¹. Например, в России и в ряде исламских государств в последние десятилетия наблюдается всплеск интереса к традиционным религиям. Однако в западном обществе фиксируется противоположная тенденция, и потому

¹ *Логинов А. В.* Диалектика секулярного и постсекулярного в социальной теории Ю. Хабермаса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. 13 (56). С. 34–44.

вряд ли можно говорить об утверждении в США и в большей части Европы религиозного мировоззрения в традиционном, привычном для христиан или мусульман смысле. Массовый приток мигрантов из исламских стран, скорее всего, в конечном итоге приведет не к исламизации Европы, а просто к искоренению в ней остатков христианской культуры.

Предвидя это, П. Сорокин большое значение придавал России как цивилизации, способной в переломный для западной подсистемы момент истории предложить Западу и всему миру особую идеологию, основанную на напоминании о традиционных ценностях. Дело в том, что для П. Сорокина кризис западной подсистемы равнялся кризису всей мировой социальной системы. Как и А. Тойнби, он жил в эпоху масштабной вестернизации и понимал, что смена социокультурного стиля на Западе неизбежно повлечет за собой кризис или крах остальных подсистем. Сейчас, в эпоху глобализации, когда все социальные подсистемы мира еще более взаимосвязаны, этот тезис остается таким же актуальным. Получается, что только Россия, будучи сильной в военно-политическом плане и одновременно сохраняющей традиционное представление о духовности страной, способна выработать и донести до человечества мысль об утопичности и даже опасности того вектора развития, который выбирает Запад, а вместе с ним и практически весь остальной мир. Однако как человек, успевший долго пожить и в России, и в Америке и переживший Русскую революцию, П. Сорокин прогнозировал славное будущее и для США [12; 20]. В этом он был солидарен с А. Тойнби. Ведь именно американцы начиная с XX в. ведут за собой европейцев к смене социокультурного стиля. Американцам проще на это решиться, поскольку в их сознании нет тормозящего фактора в виде многовековых культурных традиций. Кроме того, американское общество создавалось теми людьми, которые изначально мечтали о построении «града Божьего» на земле, т. е. верили в возможность достижения идеала в этой жизни. Собственно, Америка видит свою миссию в том, чтобы распространить свое представление об идеале на всю мировую социальную систему. Поэтому

противоборство США и России, свидетелем которого на протяжении многих лет был П. Сорокин, из политической и экономической плоскости в будущем должно переместиться в культурную сферу [16].

Важно отметить, что в отличие от Э. Дюркгейма и большинства социологов П. Сорокин не признавал зависимость морали от конкретной эпохи и от конкретной подсистемы общества. Наоборот, он считал, что мораль — это универсальное собрание норм поведения, имеющее системный характер и потому присущее общечеловеческой социальной системе во все времена. Во все исторические эпохи и во всех социальных подсистемах люди осознавали, что деятельность, направленная на благо других, наиболее желаемый тип поведения [19]. Следовательно, историческая миссия России как страны, не забывающей о традиционных духовных ценностях, заключается в том, чтобы напоминать человечеству об универсальном, всеобщем и обязательном характере морали. Мораль же, в свою очередь, была и остается одним из компонентов социальной системы, без которого она не может существовать.

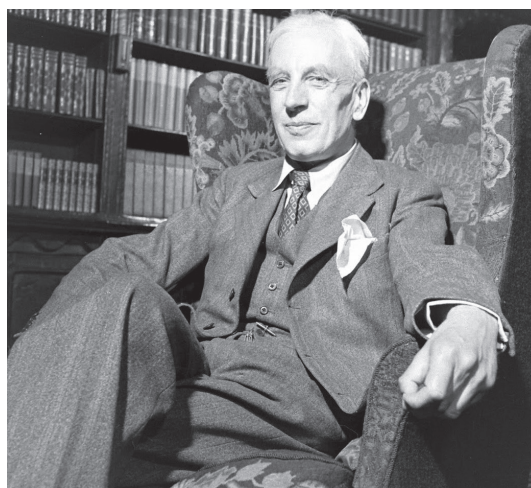
Системный подход в социологической концепции А. Тойнби

В общем виде социологическую концепцию А. Тойнби можно представить как схему, в центре которой находится Творец, а на периферии — созданные его волей разбросанные по всему миру, разрозненные, удалившиеся друг от друга группы людей [10: с. 82]. Все эти племенные группы существуют в значительной степени изолированно, но в рамках единой системы и происходят от общего рода предков. На всю систему действуют одни установленные свыше законы [9], поэтому, где бы и когда бы племена не развивались, становление их идет изначально по схожему сценарию [15]. Различия зависят в основном от природно-климатических факторов, характерных для тех местностей, где племена оказались в процессе своих миграций на ранней стадии их преобразования в цивилизации. Однако, поскольку все этнические группы

являются частями одной системы, они неизбежно проходят общие для всей этой системы стадии развития, за исключением тех случаев, когда природные условия оказываются слишком суровыми, и племена не могут, как они ни стараются, превратиться в развитые цивилизации. В целом эта теория близка к теоретическим построениям Н. Я. Данилевского [14] и О. Шпенглера [1].

Саморазвитие цивилизаций как социальных подсистем единой для всего человечества системы начинается, по А. Тойнби, после успешного ответа на вызов, посланный Творцом [2]. Раньше всего вызов распознают и адекватно отвечают на него избранные люди, представляющие собой творческое меньшинство народа. Именно они запускают в действие механизм образования локальной цивилизации, априори заложенный в системе. В дальнейшем большая часть народа, подражая творческому меньшинству и подхватывая его энергию, преодолевает препятствия на пути построения большой социальной подсистемы, каковой и является любая цивилизация [3]. Главные препятствия, которые должен преодолеть этнос, трансформируясь в цивилизацию, сводятся к природным стихиям или угрозам со стороны соседних социальных общностей. К последним угрозам относятся война на истребление и порабощение. Лишь преодолев эти трудности и не потеряв при этом жизненную энергию, можно создать свою подсистему в рамках единой для всех людей системы.

Возникшая цивилизация, как и полагается подсистеме, саморазвивается и самовоспроизводится, создавая свою внутреннюю институционализированную структуру. Для того чтобы эта система исправно функционировала и сохраняла свою структуру на протяжении долгого времени, нужна скрепляющая все структурные элементы идея [17]. Идея эта должна быть религиозной, потому что только религия дает людям неукоснительную веру в правильность их поступков, в то, что цивилизация имеет право не только на существование, но и на внешнюю экспансию. Кроме того, религия в силу своей природы объединяет большие массы людей и интегрирует в уже созданную цивилизацию дополнительные

Источник: URL: <https://www.livelib.ru/author/236120-arnold-toynbi> (дата обращения: 30.07.2021)

Рис. 2. Арнольд Джозеф Тойнби

этнические группы. Фактически, по мысли А. Тойнби, конкретная занимаемая территория и конкретная религиозная идея — это то, что отличает одну социальную подсистему от другой, так как все прочие цивилизационные различия проистекают из этих двух.

Постепенно цивилизация достигает расцвета, после чего начинается движение к упадку. Это свойство любой подсистемы — деградация после кульминационной точки, означающей пик наивысшего внутреннего развития. Деградация сопровождается сокращением подсистемы, т. е. отделением от нее наиболее сильных, организованных и самостоятельных частей. Одновременно иссякает творческая энергия и теряется вера в свои силы. Хотя какое-то время сократившаяся в размерах и ослабшая подсистема еще может существовать по инерции за счет накопленного за века потенциала и благодаря консолидации в рамках оставшегося небольшого куса некогда великой цивилизации. На ее обломках вырастает «церковь-куколка», которая выдвигает новую религиозную идею, благодаря чему появляется новая цивилизация, и весь цикл развития подсистемы повторяется.

После Великого потопа общечеловеческая социальная система обновлялась как минимум дважды. Такое обновление хорошо заметно при изучении европейских подсистем. Вначале на окраине Европы возникает минойская цивилизация, на базе которой

появляется греко-римская, впоследствии давшая начало западной и восточной христианской цивилизациям. Конечно, с исторической точки зрения это упрощенный подход, не учитывающий огромный вклад в становление цивилизаций Европы праиндоевропейских сообществ и более поздних славянских, германских и кельтских племен, не говоря уже о влиянии на Европу цивилизаций Ближнего Востока и Северной Африки. Но с позиций системного подхода такая упрощенная схема вполне приемлема, поскольку она позволяет исследователю проследить эволюцию социальной подсистемы от зарождения до гибели и увидеть повторяемость пройденного цикла развития последующими подсистемами. А идея цикличности социального развития, в свою очередь, дает А. Тойнби, как и П. Сорокину, возможность спрогнозировать будущее развитие существующих на сегодняшний день подсистем, которых сохранилось не менее семи. Это находящиеся в динамичном развитии западная христианская, восточная христианская, исламская, индуистская и дальневосточная цивилизации, а также «окаменевшие остатки вымерших цивилизаций» в виде древних монотеистических сообществ Передней Азии и Восточной Африки (иудеи, армяне, парсы, несториане, монофизиты) и культур Индокитая, Монголии и Тибета, для которых основное величие осталось в прошлом (буддисты, джайнисты и т. п.).

По мнению А. Тойнби, совпадающему с мнением П. Сорокина, наиболее успешно и динамично развивается именно западная христианская цивилизация. Объясняется это тем, что как крупная подсистема она обладает набором системных признаков, способствующих не только ее сохранению, но и развитию. Например, это динамизм, не позволяющий западной подсистеме погрузиться в состояние застоя. Конечно, это свойство имеет и отрицательные для Запада последствия: слишком быстрые социальные изменения угрожают устойчивости подсистемы вплоть до того, что западными мыслителями неоднократно высказывалась мысль о «закате» и даже гибели Европы. Впрочем, А. Тойнби, как и П. Сорокин, связывал немалые надежды на развитие Америки, которая может избежать ошибок

европейцев в виде деморализующих и дезинтегрирующих революций и междоусобных войн. Кроме того, западная христианская цивилизация имеет еще ряд преимуществ по сравнению с остальными подсистемами: наибольшую степень господства над природой и наибольший размах экспансии по всему миру — как экономической, так и культурной и военно-политической. Не следует забывать, что свои труды А. Тойнби писал в период с 1930-х до 1960-х гг., а в то время, несмотря на распад колониальной системы западноевропейских государств, Запад выглядел намного сильнее, чем все другие регионы планеты. Еще не было ускоренного экономического подъема Китая и исламские страны не представляли собой грозную силу. Поэтому А. Тойнби просто констатировал факт, характерный для большей части XX в.: вестернизация, а вовсе не китаизация, исламизация и т. п. охватила весь мир, что свидетельствует о наиболее успешном развитии именно западной цивилизации. Западные языки, западная одежда, западные торговые бренды распространились по всему свету, и западная подсистема проникла внутрь всех без исключения социальных подсистем. Впрочем, Россия, Китай и исламский мир представляют реальную угрозу западным ценностям [11].

Однако ни одна подсистема не вечна, и даже западная цивилизация обречена со временем на исчезновение, для того чтобы на ее осколках возникла новая цивилизация. Неправильный надлом западной подсистемы произошел в XVI в. в период религиозной Реформации, когда некогда монолитная Европа распалась на католический Юг и протестантский Север. После надлома подсистема может существовать еще долго и может достигнуть расцвета, но собраться воедино духовно уже не способна. Иными словами, теряется стержень, скрепляющий социальную подсистему, а таким стержнем может быть только единая религиозная идея. Запад не имеет более единой религии. Более того, А. Тойнби не дожил до XXI в., когда традиционное для Европы и Америки, пусть даже реформированное, христианство начало повсеместно отступать под натиском неолиберальных и атеистических идей, которые можно рассматривать в качестве признаков вырождения западной

подсистемы. Западная христианская цивилизация трансформируется просто в западную.

Что касается восточной христианской цивилизации, то она представлена в основном Россией, к которой в условиях существования Российской империи, а потом Советского Союза А. Тойнби относил и Белоруссию с Украиной. Основная — русская — ветвь восточной христианской цивилизации пережила надлом после распада Древнерусского государства на отдельные княжества, причем выразился он не в раздробленности Киевской Руси, а в разделении ее на территории, доставшиеся, с одной стороны, татарам, а с другой стороны, литовцам с поляками. Как Европа после отделения протестантов от католической церкви, так и Русь после распространения в западных своих районах униатства и отделения униатов от ортодоксального православия не смогла собраться воедино духовно. И хотя Европа объединилась в Евросоюз, а Великороссия присоединила к себе в XVII–XVIII вв. Малороссию и Белоруссию, ментального объединения не произошло. По сути, перед западной и восточной христианской цивилизациями стоит выбор пути, по которому они должны пройти, чтобы в ближайшие лет сто не распасться. Для решения такой задачи существует четыре альтернативы: либо консервация, застой и самососредоточение, либо поиск идеала в прошлом, либо бросок в неведомое будущее, либо поиск объединяющего духовного ориентира. Первые три варианта, по убеждению А. Тойнби, обречены на провал. Застой приведет к ослаблению подсистемы, что сделает ее уязвимой при осуществлении экспансии других подсистем. Попытка вернуть подсистему в ее прошлое состояние нереальна, а стремление к форсированной модернизации приведет к преждевременному исчерпанию внутренних ресурсов. Следовательно, остается четвертый вариант — изобретение новой, интегрирующей и явно религиозной идеи [4]. Для этого должен появиться человек, выполняющий роль пророка, т. е. способный воспринимать исходящий от Творца импульс и транслировать этот импульс на творческое меньшинство, а затем на весь народ. Подобные люди — философы и политики —

неоднократно появлялись во всех подсистемах. В частности, в России к ним можно отнести Петра I, И. В. Сталина и других известных личностей, которые в разные эпохи передавали свой энтузиазм массам и способствовали интеграции общества. По мнению А. Тойнби, пророк должен выступить в качестве подобия Мессии, призванного спасти западную и восточную христианские цивилизации. Им будет предложена синкретическая идея, объединяющая ключевые принципы христианства, иудаизма, ислама с философией современного трансгуманизма [13]. Однако смешение разнородных вероучений не может быть положительно воспринято со стороны существующих мировых религий. В частности, традиционное христианство заботится о сохранении догматов веры, напоминая о неизбежности появления лжепророков — волков в овечьих шкурах. «Тогда, если кто вам скажет: вот, здесь Христос, или: вот, там, — не верьте. Ибо возстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мк. 13:21-22)². Тем не менее в соответствии с масонскими убеждениями, хорошо понятными П. Сорокину, А. Тойнби предполагает ликвидацию всех локальных цивилизаций и создание единой, мировой социальной системы без всяких подсистем с одной синкретической религией и единым всемирным правительством.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о параллельном использовании системного подхода при описании эволюции общества П. Сорокиным и А. Тойнби.

Локальные цивилизации были выделены А. Тойнби лишь как части общечеловеческой системы. Каждая из них рассматривалась отдельно не потому, что британский историкософ не понимал значимости межцивилизационных связей, а потому что именно такая методология

² Лопухин А. П. Толковая Библия. Толкование на Евангелие от Марка [Электронный ресурс] // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_52/13 (дата обращения: 10.08.2021).

позволяет проследить развитие социальных систем от начала до распада и помогает увидеть общие закономерности в системном развитии. Иными словами, локальная цивилизация локальна лишь условно, являясь фрагментом единого для всего человечества постоянного, нарастающего движения к экспансии и к той точке, с которой начинается путь к разложению и последующему восстановлению в ином виде. Общечеловеческий характер этого процесса хорошо заметен в идее А. Тойнби о вызове, посылаемом Творцом всех людей и необходимом для преобразования любого сообщества в полноценную цивилизацию. Вместе с тем эта же идея подчеркивает системность всего происходящего: принявшее вызов Творца племени автоматически вступает в стадию оформления новой социальной подсистемы с известными только

Творцу, но с вполне материальными временными и территориальными границами. Системный подход в работах П. Сорокина определяется еще более ясно. Мало того, что ученый предлагал интегративизм как системное и синкретическое сочетание сведений об обществе, почерпнутое из разных гуманитарных наук, он также рассматривал все человечество как единую цивилизацию, пребывающую в развитии в рамках определенного идейного направления, после чего вектор движения неизбежно меняется и развитие продолжается по-другому, но все-таки общему для мировой цивилизации пути. Таким образом, мировое сообщество — это не что иное, как самоорганизованная система, развивающаяся по законам, которые можно зафиксировать и описать.

Литература

1. **Архипов С. И.** Теории социально-правовых циклов О. Шпенглера и А. Тойнби // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. С. 5–17. DOI: 10.34076/2219-6838-2019-4-5-17
2. **Бойчук С. С.** Религия и цивилизация: понимание религии в философии истории А. Дж. Тойнби в контексте цивилизационного подхода // Журнал Института наследия. 2018. № 2 (13). С. 19.
3. **Горodenцев Г. А., Палазян А. С.** Анализ жизненных стратегий индивида в историко-философской концепции А. Дж. Тойнби // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 245–248.
4. **Жданов В. Л.** Философия истории Тойнби в контексте глобальных мировых преобразований // Философия мысль. 2019. № 8. С. 1–6. DOI: 10.25136/2409-8728.2019.8.30830
5. **Петров В. Н.** Кризис как состояние социальной реальности в социологической интерпретации П. А. Сорокина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. № 6. С. 97–110.
6. **Сорокин П. А.** Популярные очерки социальной педагогики и политики. СПб.: Скифия-принт, 2020. 164 с.
7. **Сорокин П. А.** Преступление и кара, подвиг и награда. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 496 с.
8. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017. 968 с.
9. **Стоянов Ж.** Историософията на Арнълд Тойнби // Исторически преглед. 2019. Т. LXXV. № 2. С. 75–78. (На болг. яз.)
10. **Тойнби А. Дж.** Постигание истории. М.: Академический проект, 2019. 802 с.
11. **Уколова В. И., Шкаренков П. П.** Россия и Запад: горизонт вызовов, ответов и угроз в концепции А. Дж. Тойнби // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 56–78.
12. **Vajenov A. M., Martynova T. M.** P. A. Sorokin on revolutionary [Электронный ресурс] // Power, violence and justice: reflections, responses and responsibilities. View from Russia: collected papers XIX ISA World congress of sociology, Toronto, Canada, July 15–21, 2018 / Russian Society of Sociologists, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; [editor-in-chief V. Mansurov]. Moscow: FCTAS RAS, 2018. (CD-ROM). P. 65–69.
13. **Castellin L., Arnold J.** Toynbee's Quest for a new world order: a survey // The European Legacy. 2015. Vol. 20. Iss. 6. P. 1–17. DOI: 10.1080/10848770.2015.1049903
14. **Danilova T., Hoian I.** Culture as a living organism: some words on Danilevsky's theory of cultural-historical types // Path of Science. 2019. Vol. 5. № 10. P. 2001–2005. DOI: 10.22178/pos.51-1
15. **Danilova T., Yudina V. A.** Toynbee and his universalist study of history // Path of Science. 2018. Vol. 4. № 10. P. 4001–4007. DOI: 10.22178/pos.39-5

16. **Granberg L.** Pitirim Sorokin between East and West: Russian traces in rural sociology // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. № 3. P. 324–335.
17. **Kumar K.** The return of civilization — and of Arnold Toynbee? // Comparative Studies in Society and History. 2014. Vol. 56. Iss. 4. P. 815–843. DOI: 10.1017/S0010417514000413
18. **Mangone E.** The actuality of Pitirim A. Sorokin as a theorist of integral sociology in the XXI century // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения). Сыктывкар: СГУ, 2019. С. 10–11.
19. **Uzlander D., Stoeckl K.** The legacy of Pitirim Sorokin in the transnational alliances of moral conservatives // Journal of Classical Sociology. 2017. Vol. 18, № 1. P. 133–153. DOI: 10.1177 / 1468795X17740734
20. **Zakharova M., Przhilenskiy V.** Two portraits on the background of the revolution: Pitirim Sorokin and Mikhail Reisner // Russian Law Journal. 2017. Vol. 5, № 4. P. 193–212. DOI: 10.17589 / 2309-8678-2017-5-4-193-212

References

1. **Arxipov S. I.** Teorii social'no-pravovy`x ciklov O. Shpenglera i A. Tojnbi [Theories of socio-legal cycles of O. Spengler and A. Toynbee] // E`lektronnoe prilozhenie k "Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu" [Electronic appendix to the "Russian Legal Journal"]. 2019. № 4. P. 5–17. DOI: 10.34076/2219-6838-2019-4-5-17
2. **Bojchuk S. S.** Religiya i civilizaciya: ponimanie religii v filosofii istorii A. Dzh. Tojnbi v kontekste civilizacionnogo podxoda [Religion and civilization: understanding religion in the philosophy of history A. J. Toynbee in the context of a civilizational approach] // Zhurnal Instituta naslediya [Journal of the Heritage Institute]. 2018. № 2 (13). P. 19.
3. **Gorodencev G. A., Palazyan A. S.** Analiz zhiznenny`x strategij individa v istoriko-filosofskoj koncepcii A. Dzh. Tojnbi [Analysis of the life strategies of an individual in the historical and philosophical concept of A. J. Toynbee] // Obshhestvo i pravo [Society and Law]. 2016. № 4 (58). P. 245–248.
4. **Zhdanov V. L.** Filosofiya istorii Tojnbi v kontekste global'ny`x mirovy`x preobrazovanij [Toynbee's Philosophy of history in the context of global world transformations] // Filosofiya my`sl' [Philosophy of Thought]. 2019. № 8. P. 1–6. DOI: 10.25136/2409-8728.2019.8.30830
5. **Petrov V. N.** Krizis kak sostoyanie social'noj real'nosti v sociologicheskoy interpretacii P. A. Sorokina [Crisis as a state of social reality in the sociological interpretation of P. A. Sorokin] // Vestnik Sy`kty`vkarskogo universiteta. Seriya gumanitarny`x nauk [Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series]. 2017. № 6. P. 97–110.
6. **Sorokin P. A.** Populyarny`e ocherki social'noj pedagogiki i politiki [Popular essays of social pedagogy and politics]. SPb.: Skifiya-print, 2020. 164 p.
7. **Sorokin P. A.** Prestuplenie i kara, podvig i nagrada [Crime and punishment, feat and reward]. SPb.: Centr gumanitarny`x iniciativ, 2021. 496 p.
8. **Sorokin P. A.** Social'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. M.: Akademicheskij proekt, 2017. 968 p.
9. **Stoyanov Zh.** The Historiosophy of Arnold Toynbee // Historical Review. 2019. Vol. LXXV, № 2. P. 75–78. (In Bulgarian)
10. **Tojnbi A. Dzh.** Postizhenie istorii [Comprehension of history]. M.: Akademicheskij proekt, 2019. 802 p.
11. **Ukolova V. I., Shkarenkov P. P.** Rossiya i Zapad: gorizont vy`zovov, otvetov i ugroz v koncepcii A. Dzh. Tojnbi [Russia and the West: the horizon of challenges, answers and threats in the concept of A. J. Toynbee] // Novy`j istoricheskij vestnik [New Historical Bulletin]. 2020. № 3 (65). P. 56–78.
12. **Bajenov A. M., Martynova T. M.** P. A. Sorokin on revolutionary [Электронный ресурс] // Power, violence and justice: reflections, responses and responsibilities. View from Russia: collected papers XIX ISA World congress of sociology, Toronto, Canada, July 15–21, 2018 / Russian Society of Sociologists, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; [editor-in-chief V. Mansurov]. Moscow: FCTAS RAS, 2018. (CD-ROM). P. 65–69.
13. **Castellin L., Arnold J.** Toynbee's Quest for a new world order: a survey // The European Legacy. 2015. Vol. 20. Iss. 6. P. 1–17. DOI: 10.1080/10848770.2015.1049903
14. **Danilova T., Hoian I.** Culture as a living organism: some words on Danilevsky's theory of cultural-historical types // Path of Science. 2019. Vol. 5. № 10. P. 2001–2005. DOI: 10.22178/pos.51-1

15. **Danilova T., Yudina V. A.** Toynbee and his universalist study of history // Path of Science. 2018. Vol. 4. № 10. P. 4001–4007. DOI: 10.22178/pos.39-5
16. **Granberg L.** Pitirim Sorokin between East and West: Russian traces in rural sociology // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations.]. 2018. Vol. 2. № 3. P. 324–335.
17. **Kumar K.** The return of civilization — and of Arnold Toynbee? // Comparative Studies in Society and History. 2014. Vol. 56. Iss. 4. P. 815–843. DOI: 10.1017/S0010417514000413
18. **Mangone E.** The actuality of Pitirim A. Sorokin as a theorist of integral sociology in the XXI century // Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitiya XXI veka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya). [Pitirim Sorokin and the paradigms of global development of the XXI century (to the 130th anniversary of his birth)]. Сыктывкар: СГУ, 2019. С. 10–11.
19. **Uzlander D., Stoeckl K.** The legacy of Pitirim Sorokin in the transnational alliances of moral conservatives // Journal of Classical Sociology. 2017. Vol. 18, № 1. P. 133–153. DOI: 10.1177/1468795X17740734
20. **Zakharova M., Przhilenskiy V.** Two portraits on the background of the revolution: Pitirim Sorokin and Mikhail Reisner // Russian Law Journal. 2017. Vol. 5, № 4. P. 193–212. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-4-193-212

Информация

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА «СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2021, № 3 (39)

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2021, № 3 (39)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва (Россия).

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of general and practical psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award. Laureate of the Russian Federation Government Education Award. Honorary Professor of the Moscow City University, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии МГПУ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Москва (Россия).

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Laureate of the Russian Federation Government Education Award, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

БЕЛАШИНА Татьяна Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск (Россия).

BELASHINA Tatyana Valentinovna — PhD in Psychology, associate professor. Associate Professor of the Department of General Psychology and the History of Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk (Russia).

E-mail: tatyanelashina@mail.ru

ДАНИЛОВА Анна Геннадиевна — редактор реферативного журнала «Психология». Старший научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук, Москва (Россия).

DANILOVA Anna Gennadievna — Editor of the Abstract Journal “Psychology”, senior researcher at the All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: a_g_danilova@mail.ru

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры общей психологии и истории психологии НГПУ, Новосибирск (Россия).

IVANOV Denis Vasilievich — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Associate Professor at the Department of general psychology and history of psychology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

КОРЖОВА Елена Юрьевна — доктор психологических наук, профессор. Заведующая кафедрой психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия).

KORZHOVA Elena Yurievna — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of Human psychology at the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg (Russia).

E-mail: elenakorjova@gmail.com

КОТОВА Ольга Викторовна — эксперт лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

KOTOVA Olga Viktorovna — Expert of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru

КОТОВСКАЯ Светлана Владимировна — кандидат биологических наук, доцент. Заведующая кафедрой педагогики и психологии Московского государственного гуманитарно-экономического университета, Москва (Россия).

KOTOVSKAYA Svetlana Vladimirovna — PhD in Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology at the Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow (Russia).

E-mail: s.marunyak74@mail.ru

МИТИНА Ольга Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент. Ведущий научный сотрудник лаборатории «Психология общения» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия).

MITINA Olga Valentinovna — PhD in Psychology, Associate Professor. Leading researcher at the Laboratory “Psychology of Communication” at the Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: omitina@inbox.ru

ПЕРЕВОЗКИНА Юлия Михайловна — доктор психологических наук, доцент. Заведующая кафедрой практической и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск (Россия).

PEREVOZKINA Yulia Michaylovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Practical and Special Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk (Russia).

E-mail: per@bk.ru

ПЕТРОВСКАЯ Татьяна Юрьевна — старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск (Россия).

PETROVSKAYA Tatyana Yuryevna — Senior Lecturer at the Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk (Russia).

E-mail: element_t@mail.ru

РУМЯНЦЕВА Зоя Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры музыки Института культуры и искусств Костромского государственного университета, Кострома (Россия).

RUMYANTSEVA Zoya Vasilievna — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of Music Department at the Institute of Culture and Arts of Kostroma State University, Kostroma (Russia).

E-mail: rumschmus@mail.ru

СТЕБЕНЁВ Александр Станиславович — аспирант кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия).

STEBENEV Alexander Stanislavovich — postgraduate student of the Department of Human psychology at the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg (Russia).

E-mail: stebenev@inbox.ru

ТКАЧЕНКО Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент. Доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

TKACHENKO Alexander Vladimirovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the University Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи включает следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом *Times New Roman*, 14-м кеглем, через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом *Times New Roman*, полужирным, 14-м кеглем, без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14-й кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже — инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов.

Укажите также, пожалуйста, **уникальный номер ORCID каждого из авторов**.

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, включая разделы «Введение», «Методология и методика исследования», «Результаты исследования», «Заключение».

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляется с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках (например: [15: с. 140]), где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата)).

Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org/>) и на которые есть ссылки

в тексте статьи. При упоминании (ссылке) на источники более раннего года выпуска эти источники указываются в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией) и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки согласно требованиям публикации.

К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институте психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., д. 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612-67-16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical Abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *.tiff, *.pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; his unique **ORCID identifier**, the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *.tiff, *.jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612-67-16

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2021

№ 3 (39)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: + 7 (499) 181-50-36

Подписано в печать: 00.12.2021 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 7,75 печ. л. Тираж 1000 экз.